

* VK.COM/KN_BOOKS *

БОРДЕН

Автор бестселлеров по версии NY Times и USA Today

Р. Дж. Льюис

Маркус Борден привык к власти и контролю. Воспитанный в жестком криминальном окружении, Борден уезжает из города и возвращается четыре года спустя, таинственным образом разбогатевший и неузнаваемый. И все его мысли сосредоточены на одной женщине. На женщине, которой у него никогда не было. Страдающий от своей сокрушительной потери и снедаемый яростью и виной, мир Бордена погружается во мрак. Очень независимая женщина Эмма Уорн знает все о трудностях жизни. Большую часть жизни она сама заботилась о себе и последнее, чего она хочет, это оказаться в мире печально известного преступника Маркуса Бордена — опасного мужчины, которого боится и ненавидит весь город. Но чем сильнее она отталкивает его, тем чаще он возвращается, вторгаясь в ее жизнь и лишая контроля, за который она так цепляется. После того как Борден положил на нее глаз, Эмма никуда не может уйти, и чего она совершенно не ожидает, что ей может и не захотеться. Предупреждение. Это не любовный треугольник. Книга содержит довольно грубые сексуальные сцены, жестокость и ругательства, которые могут показаться обидными.

Глава 1

Кейт

Забавно, что происходит, когда вы осознаете, что ваша смерть близка.

Ваша жизнь внезапно ощущается на расстоянии миллиона миль от реальности. Я никак не могла вспомнить имена или названия мест. Ни черта не могла вспомнить, когда страх вторгся в каждый атом моего существа, парализуя.

Мои руки были крепко связаны за спиной, и я нерешительно вдохнула запах сырого подвала, в который меня вчера бросили. Все вокруг было черным. В течение долгих часов я бродила по крошечному пространству, ища выход, но находила только стены и тишину.

Боже, тишина была убийственная.

Несколько часов назад, когда надежда, за которую я цеплялась, канула в пустоту, я перестала пытаться сбежать, смирившись со своей судьбой. Они собирались убить меня. Я не знала, как, но в данный момент это не имело значения.

Я перестала плакать.

Теперь я просто смотрела на землю, не видя ничего, кроме темноты. Она везде. Я подчинилась этой темноте. Хотела, чтобы она забрала и поглотила меня, дабы прекратить молиться о свете.

Я перестала думать о своем отце, и о том, как он будет справляться с потерей своего единственного ребенка. Перестала думать о матери, о том, как умрут ее мечты обо мне, идущей по проходу церкви в белом платье. Перестала думать о своих друзьях, фальшивых и настоящих. Я знала, что они будут скорбеть, но продолжат жить дальше. Перестала думать о своих учениках, и о том, как их юные умы будут пытаться понять отсутствие их учителя.

Я перестала думать о них всех и сосредоточилась только на одном человеке. Одним мужчине. Мужчине, который хотел вернуться за мной. Он был загадочным, богатым,

тайнственным, отличающимся, совершенно ни на кого не похожим и единственным, кого я по-настоящему любила. И он был сломлен так сильно, что я никогда не смогла бы это исправить.

Оставит ли он меня в прошлом?

Я надеялась на это.

Надеялась, что он позволит мне уйти и найдет женщину, которая сможет излечить его боль.

Внезапно глаза наполнились слезами, и я вздохнула, бесконечно скорбя об оставленной жизни, которая у нас была.

Я дремала и просыпалась с тяжелой печалью в душе. Мои руки онемели, во рту пересохло, и я задалась вопросом, оставили ли меня здесь умирать.

А потом я услышала это — звук шагов, приближающихся к двери и разрывающих тишину. Напряглась, когда дверь отомкнули и широко открыли. Я ожидала увидеть яркий слепящий свет, но вместо этого он был тусклым и неясным. Огромное тело стояло в дверном проеме, и я почувствовала страх, скрутивший желудок. Был ли это мой похититель? Их было двое. Они поджидали в моей квартире и, когда я вошла в душ, набросились на меня, опоили и бросили сюда, голую и уязвимую. Все это время казалось вечностью.

Я попятилась в угол подвала, когда он медленно входил, делая неторопливые шаги ко мне. Лицо парня было скрыто под маской, поэтому я не смогла его рассмотреть. Его нельзя было узнать, но я почувствовала холод, витающий в воздухе, и его безумие, когда он вытащил нож из своего кармана. Я выдохнула весь воздух из легких.

— Я не причиню тебе вреда... пока, — сказал он мне низким и грубым голосом. Он не звучал жестоко. На самом деле, его голос звучал молодо.

Я почувствовала, как холод пробежал по моей спине, когда он схватил меня за руки, вторгаясь в мое пространство. Резко задрожав, я сдерживала вой, прежде чем почувствовала, что мои руки освободили.

— Если сделаешь что-нибудь глупое, я снова свяжу их, — предупредил он.

Мои плечи и руки болели. Я потерла запястья, размяла пальцы, наблюдая за перемещением его высокой фигуры в другую сторону крошечного подвала. Молодой человек сполз по стене, все еще держа в руке нож и не сводя с меня глаз.

Снова наступила тишина. Когда каждый твой день проходит в обществе восьмилетних болтунов, подобная тишина возникает нечасто и совсем ненадолго. Такое считается вымирающей редкостью.

— Что... что вы хотите? — наконец, выдавила я дрожащим голосом. — Это из-за моего отца?

Он усмехнулся, и это прозвучало наигранно.

— Судья? Нет, это не из-за твоего отца, но ты и так уже поняла это. Ты знаешь, из-за кого все это. Скажи мне.

Я опустила взгляд на свои руки и прошептала:

— Маркус.

— Ммм, хорошая девочка, — одобрительно сказал парень.

На долю секунды мой взгляд метнулся к открытой двери подвала.

— Нет, — услышала я его. — Отсюда нет никакого выхода. Даже не обманывайся насчет того, что сможешь сбежать. Никто не услышит твоих криков, тут хорошая звукоизоляция, и мой брат просто будет затравливать тебя ради спортивного интереса, если

ты подумаешь о побеге. Знаешь, он охотник, и очень хорош в этом.

Мои плечи опустились. Слезы хлынули из глаз, а внутри, разрывая душу, поселилось чувство безнадежности. В течение всей своей жизни я никогда не чувствовала себя такой уязвимой.

— Значит, нужен выкуп? — спросила я и задрожала, заранее зная ответ. — Если это так, Маркус даст тебе все, что ты захочешь. Я знаю, что он сделает это.

— Уверен, что он бы отдал мне чертову Вселенную за тебя, — ответил он. — Но нет. Это не выкуп.

Я сглотнула.

— Тогда чего ты хочешь?

— Я здесь, чтобы убить время и выяснить немного больше о таинственном Маркусе Бордене и об особенной учительнице, ради которой он вернулся.

— Если это о том, где он был последние четыре года, то я ничего не знаю. Я не знаю, где он взял деньги. Ничего не знаю.

— Я уверен, что ты не знаешь, — ответил он сухо. Парень знал, что я лгала. — Но сейчас не об этом. Нас это не ебет. Интересно, почему такая красивая, богатая женщина связалась с таким куском дерьма, как он.

Я вытерла слезы.

— Он не кусок дерьма.

— Не сейчас, но был когда-то, не так ли? До того, как очистился, до того, как вернулся к тебе, он был простым бандитом. Ты влюбилась в него? Он обещал тебе положить мир к твоим ногам?

— Нет.

— Так расскажи мне. Помоги мне понять.

Я прищурилась.

— Ты не сможешь понять. И я не смогу объяснить наши отношения словами. Это с самого начала были только чувства.

Похититель пожал плечами.

— Прекрасно. Начни с самого начала. Где ты познакомилась с этим парнем?

Я покачала головой, не желая делиться личной историей с человеком, который собирается убить меня, но затем... всего лишь мысль о Маркусе успокоила меня. Он всегда предоставлял мне комфорт. Маркус так радикально изменился, и я волновалась, что с ним произойдет, когда я уйду. Было бы неправильным вспоминать об этом, ведь так?

— Давай, — снисходительно потребовал мой убийца. — Действительно ли это было волшебное? Ты смотрела на него и знала, что он предназначен тебе?

— Нет, — пробормотала я.

Я действительно не знала. Не долго. На самом деле до тех пор, пока он не ушел.

— Сколько лет тебе было?

— Девятнадцать... — начала я говорить, и вдруг все моменты с ним — хорошие, плохие, все... пролетели перед глазами.

Впервые я официально встретила Маркуса Бордена пять лет назад на университетской

вечеринке моего друга, на которую он же и пригласил меня. Она проходила в соседнем районе, далеко от моего дома, и я попала в совершенно непривычное для меня окружение людей.

Маркус был сам по себе, абсолютно один в дальнем углу двора. Его мешковатые джинсы низко сидели на бедрах, он был без рубашки, а накачанный пресс был покрыт татуировками. На самом деле, вся верхняя часть его тела была покрыта ими — этими сексуальными замысловатыми рисунками, которые на других смотрелись бы дешево.

Я наблюдала, как он прикуривает сигарету и смотрит вверх на тускнеющее небо, и поняла, что заинтригована им. Именно тогда я задалась вопросом, что творится у него в голове, какие чувства таятся в глубине его души, отчего он выглядит таким меланхоличным. Я разглядела его внутреннюю глубину, или, возможно, я была просто безнадежным романтиком.

Я знала все о Маркусе Бордене.

Знала, что он был бандитом.

Неукротимым мужчиной, который встречался с несколькими девушками в моей школе, и они не боялись говорить об этом, восхваляя его волшебный рот, который был способен на самые развратные штучки.

Он был из тех мужчин, которыми я часто восхищалась издавна, но никогда не признавала это вслух.

Где бы я ни была, казалось, что он всегда был там. Он знал всех, и все знали его.

И вот она я — состоятельная и наивная девушка, источающая богатство, которая сама шла к нему. Мое тело будто бы жило своей отдельной жизнью, в то время как мой мозг был отключен с помощью двух или около того стаканов пива. Может быть, этим я хотела отомстить отцу, возможно, просто пыталась выйти из своей зоны комфорта, или, быть может, у меня была сильная слабость к плохим парням после всех тех сотен любовных романов, которые я прочитала между сессиями.

Я не знала, что это было.

Я просто знала, что хотела вырваться из рутины. Перестать быть хорошей девочкой Кейт Девено, дочерью судьи Дугласа Девено третьего, первой по всем предметам, ботаничкой, влачащей эту роль всю свою жизнь.

Я остановилась в нескольких шагах позади него и осмотрела двор. Повсюду слышались разговоры. Люди смеялись, кричали, просили еще больше шотов, перекрикивая громкую музыку. Я посмотрела на свою подругу Софи — она флиртовала с горячим парнем около бассейна, и я была уверена, что именно с ним она и пойдет домой. Я вспомнила ее слова, сказанные мне перед приходом сюда: *«Сделай хоть раз что-нибудь сумасшедшее! Научись получать удовольствие. Найди горячего парня на этой вечеринке и займись с ним сексом!»* Мне нравилась уверенность, исходящая от нее, я хотела быть такой же. Я хотела быть соблазнительной и сексуальной. Хотела бы суметь поманить пальцем этого сексуального бандита и поставить его на колени.

Но я не сделала этого.

Нет, я не могла.

Внезапно я стала трусливым дерьмом. Стояла совершенно неподвижно позади него, спрашивая себя, что, черт возьми, я собиралась сделать. Папа убьет меня, если узнает, что я была здесь. Уже не говоря о том, что я собиралась заговорить с парнем, который, вероятно, слишком часто видел тюремные решетки.

Дерьмо.

Я обернулась.

Это было безумие! Я была не из тех девушек, которые игнорировали осторожность и прыгали в постель к парню, не выжидая, пока пройдет пятнадцать-двадцать свиданий. Я не связывалась с такими парнями, как он. Черт возьми, я была из высшего общества! И скучной. Такой чертовски скучной. Я не могла позволить себе этого. Даже изменение в расписании дня вызывало во мне паническую атаку.

— Не уходи.

Его голос, резкий и одновременно спокойный, прервал мои противоречивые мысли, смыв их, как волны, отступающие от берега. Я обернулась, все еще чувствуя себя неуклюже и трусливо, и, используя все свои внутренние силы, встретила его пристальный взгляд. Его голова была повернута в моем направлении, рот изогнулся в дразнящей ухмылке, а взгляд прошелся вдоль моего лица и тела.

— Ты преодолела весь этот путь сюда, — сказал он с уверенностью в голосе. — Нет смысла возвращаться теперь.

Затем Маркус указал на пластиковый стул рядом с собой, приглашая меня присесть. Я не должна была делать этого, но не смогла удержаться. В конце концов, я была на этой стороне двора ради *него*. Я сделала двадцать четыре героических шага. Нет смысла поворачивать обратно только потому, что струсил.

Под его пристальным взглядом я нерешительно улыбнулась, подошла к стулу и села. Мое тело выпрямилось, как стрела, руки лежали на коленях, а лицо робко повернулось в его направлении. Маркус вновь посмотрел на меня, и на этот раз его ухмылка превратилась в полноценную широкую улыбку. Вау, у него была прекрасная улыбка: слегка мальчишеская, с ямочками на щеках и полными губами. Немного теряя голову, я почувствовала себя главной героиней шутки, и поняла, почему. Благонравная, всегда одетая в розовые девчачьи шмотки, чтобы произвести впечатление, сейчас я сидела возле полуобнаженного парня, покрытого татуировками и курящего сигарету. Я едва сдержалась, чтобы не наморщить нос.

— Расслабься, — мягко сказал он, глядя на пространство, разделявшее мою спину и пластиковый стул.

— Я расслаблена, — заверила его.

— Ты выглядишь немного напряженной.

— Я в порядке.

Ложь.

Уверена, это прозвучало неправдоподобно, потому что я совершенно одеревенела.

Несколько минут мы просидели в тишине. Абсолютно спокойно он докуривал сигарету, с любопытством разглядывая меня, а я тем временем практически сходила с ума. Как девушка может оставаться спокойной рядом с таким мужчиной? Он совсем не похож на тех парней, с которыми я росла. Неприятные придурки, которые разъезжали на папочкиных «Ламборгини» по городу в часах за десять тысяч долларов.

Возможно, дурная репутация добавляла ему очарования, а я просто наивная идиотка, ищущая острых ощущений. Всего лишь на одну ночь, ничего больше.

— Так что у тебя было на уме, пока ты сюда шла, красавица? — внезапно спросил он, и его ярко-голубые глаза встретились с моими. — Ищешь кое-что?

Я сделала паузу.

— Кое-что?

Он небрежно пожал плечами.

— Да, хочешь немного травки? Хочешь получить кайф с друзьями куклы Барби? Что ты предпочитаешь, детка?

У меня отвисла челюсть, и я сразу же покачала головой.

— Ничего. Я не курю травку.

— Нюхаешь всякое дерьмо?

— Нет.

— *Что-нибудь* другое?

— Нет, ничего подобного.

— Тогда, почему ты здесь?

— Я... я пришла сюда, чтобы поговорить с тобой, — *не использовать тебя в качестве наркоторговца.*

Несколько минут он смотрел на меня, и я не могла прочесть выражение его лица. Дискомфорт усиливался с каждой секундой, и я думала, был ли он уже на грани того, чтобы отвергнуть меня. Боже, неужели я выгляжу настолько отчаянной?

— Как тебя зовут? — наконец, спросил он.

— Кейт, — ответила я.

Маркус медленно кивнул, его глаза смотрели внимательно.

— Кейт, — повторил он, как будто пробовал мое имя. — Я наблюдал за тобой, знаешь ли.

Я покраснела и с удивлением уставилась на него.

— В самом деле?

Его губы дрогнули.

— Удивлена?

— Да.

— Да ладно тебе! Ты отвернулась, но я готов поклясться, что ты заметила это.

Я покачала головой, борясь с тем, чтобы отвести от него глаза.

— Не заметила.

Маркус криво усмехнулся.

— Ну, теперь знаешь. Я наблюдал за тобой с той самой секунды, как ты пришла сюда. И все оставшееся время я смотрел, как ты расхаживаешь вокруг кампуса в своей крошечной мини-юбке, с этими длинными светлыми волосами, и ведь в отличие от других девчонок это, черт возьми, натуральный цвет.

Я не отвечала некоторое время. Затаив дыхание, я ощущала необъяснимое удовольствие, проходящее сквозь меня оттого, что я не осталась незамеченной, как мне казалось.

— Я Маркус, — тихо сказал он, его глаза изучали мое лицо.

Я кивнула.

— Знаю.

Его брови взлетели в немом удивлении.

— Ты знаешь?

— Да.

Казалось, он выглядел слегка довольным, может быть, по той же причине, что и я.

— Сколько тебе лет?

— Девятнадцать.

— Ты не из этой части города, так ведь?

— Нет, я из северной части.

Он не выглядел удивленным.

— Около Нью-Рейвен Сквер?

— Да.

— Хорошо. Все еще живешь со своей семьей?

Я покачала головой.

— Нет, я живу отдельно.

— Сбежала от оков.

Я засмеялась.

— В какой-то степени, но они все еще присматривают за мной, — в частности мой отец, который значительно преуспел в отпугивании каждого парня, с которым я когда-либо общалась.

— Значит, они заботятся о тебе, — мягко сказал Маркус.

Я осторожно кивнула.

— Да.

Он задумчиво облизнул нижнюю губу и вновь посмотрел на дом.

— Так что же ты здесь делаешь, Кейт? Ты явно не из этого круга, и я могу разглядеть твоих друзей за милю отсюда. Вы, девочки, ищите здесь острых ощущений?

Я ответила не сразу. Мои щеки покраснели еще больше. Посмотрев в сторону дома, я снова увидела Софи. Мы с ней пришли вдвоем, но я поняла, почему он говорил о еще нескольких девушках. Одетые подобно мне, они, возможно, были немного старше. Но судя по тому, как эти девушки вешались на плохих парней, было ясно, что они искали то же, что и *все мы*.

— Да, — призналась я, вновь взглянув на него. — Это так.

Его губы изогнулись в ленивой улыбке, а великолепные глаза поглотили меня, и это произвело головокружительный эффект.

— Ты пришла ко мне ради этих ощущений, Кейт?

Каждый сантиметр меня горел. Я чувствовала себя балансирующей на краю пропасти и пытающейся преодолеть свой страх перед неизведанным.

— Да, — почти прошептала, сглотнув. Я пыталась казаться уверенной, но эта попытка с треском провалилась. Я никогда не буду такой. Вместо этого я проявила свою слабую сторону. Как будто у него была такая власть надо мной.

Его дыхание слегка участилось, и на мгновение он задержал взгляд на моих губах:

— Почему именно ко *мне*?

— Потому что... ты меня заинтересовал.

Маркус задумчиво склонил голову набок.

— Почему я заинтересовал тебя?

Я покачала головой, не зная ответа.

— Не знаю. Думаю... мне нравилось наблюдать за тобой и, думаю... ты действительно понравился мне, если быть честной, — я чувствовала себя идиоткой, и мое объяснение было ничемным. Честно говоря, не знаю, почему сделала это. Я пришла, увидела его и вспомнила все, чем он был известен. Но меня это совершенно не беспокоило, как если бы его здесь не было, а просто кто-то болтал бы о нем. Нет, в действительности все выглядело по-другому, странно, и я почувствовала, что меня тянет к нему.

Он стал еще более серьезным после моих идиотских слов, спокойно спросив:

— И какие именно ощущения ты ищешь?

О, Боже. Он что, серьезно хочет, чтобы я сказала это?

— Ты знаешь, какие, — также тихо ответила я.

— Ты хочешь, чтобы я трахнул тебя?

Я просто застыла на месте. Мое сердце пропустило удар. Мои глаза округлились, когда я посмотрела на него.

Он тихонько засмеялся.

— Почему ты так нервничаешь?

— Никто прежде со мной так не разговаривал.

Мгновение он изучал меня, а после слегка покачал головой:

— В таком случае, я уверен, что никто прежде не приводил тебя домой в первую же ночь и не трахал до потери сознания.

Я не ответила. Это было очевидно. Конечно же, у меня был небольшой опыт. Раньше я никогда бы не согласилась на секс без обязательств.

— Тебя это беспокоит? — поинтересовалась я, нервно сжимая руки.

Он посмотрел на них, и его взгляд смягчился.

— Нет, — ответил мягко. — Нисколько. Я просто хочу, чтобы ты знала, чего просишь.

— Мне даже не нужно спрашивать?

Он удивился, водя пальцем по нижней губе, пока пристально разглядывал меня.

— Я готов даже съесть лезвие, чтобы просто прикоснуться к такой девушке, как ты. Но это не значит, что я так поступлю. Тебе явно некомфортно здесь. Что будет, если я заберу тебя к себе и дам то, что ты ищешь? Ты осознаешь последствия этого?

— Какие последствия?

— Ты богата, Кейт. Я вижу это в каждом твоём жесте. Это видно по твоей одежде, по украшениям, которые ты носишь, даже по шампуню, которым ты моешь свои сексуальные волосы. Возможно, ты из уважаемой семьи с достойным отцом и супермамой. Что они подумали бы о тебе? Что подумал бы любой из твоего круга, если бы сегодня вечером ты приехала домой со мной?

Я долго думала над ответом.

— Ну, — сказала я, наконец, — большинство девушек, которых я знаю, назовут меня шлюхой. Если наши состоятельные семьи узнают, то я стану позором в нашем кругу, и знаешь, что самое удивительное?

— Скажи мне.

— Сегодня вечером меня ничего не волнует.

Его лицо изменилось. Он не смотрел на меня как на мимолетное развлечение, от которого будет тяжело избавиться, когда придет время. Нет, он смотрел на меня голодным взглядом, и напряжение, возникшее при этом, было чертовски приятным.

— Иди сюда, — тихо потребовал он, кивая, чтобы я придвинулась поближе.

Я схватила стул, собираясь его передвинуть, когда он покачал головой и сказал:

— Нет, детка. Я говорю не о стуле. Я говорю об этом теле. Иди сюда.

Я пыталась сохранить самообладание, но мое сердце колотилось в груди, и я ощутила возбуждение во всем теле. Подошла к нему, и он положил руку мне на талию, притягивая к себе так, что я оказалось верхом на нем. Я едва дышала, пока мы смотрели друг на друга, а его руки слегка касались моих бедер. Он удерживал их там, чтобы я привыкла, но это было нереально. На самом деле, это была самая интимная вещь, которую я когда-либо делала с

парнем: сидела у него на коленях лицом к лицу, полностью игнорируя шум и толпу людей. Я задалась вопросом, как такое было возможно. У меня был секс с двумя парнями, были поцелуи и объятия, но все это не шло ни в какое сравнение.

Это был Маркус Борден. Я сразу поняла, что никогда не испытаю такие чувства с другим мужчиной.

— Тебе хорошо? — с любопытством спросил он, пристально изучая меня.

— Да, — ответила я около его рта.

— Тебе это нравится?

Следующее мое «да» прозвучало еще тише.

Я сидела так какое-то время, и мы почти не разговаривали. Он задавал простые вопросы о музыке и фильмах, чтобы заполнить тишину, которая даже не волновала меня. Мы были в нашем собственном маленьком пузыре, и мне потребовалось немного времени, чтобы полностью расслабиться в его объятиях.

— Все нормально? — спросил он, когда его руки слегка погладили мои бедра. — Я не выхожу за рамки дозволенного?

— Нет, — ответила я. — Мне нравится это.

Он был невероятно милым и внимательным. Медленно он приближался ко мне, остановившись в нескольких сантиметрах от моего рта, но не пошел до конца — не поцеловал меня и не поднял руки выше, чтобы прикоснуться к моей заднице. Это было сладко и тягостно.

— Ты очень красивая, знаешь это? — пробормотал он больше себе, чем мне. Это не выглядело так, будто он подлизывался ко мне. Казалось, будто он искренне восхищался моей красотой. И прямо здесь я растаяла в его руках, широко улыбаясь ему, пока он задумчиво улыбался в ответ.

Сидя у него на коленях, я чувствовала все. Чувствовала сильную боль между ног, чувствовала, как желание зарождается внутри меня от прикосновения его обнаженной груди, чувствовала, как периодически он застывает подо мной, изучая и поглощая меня взглядом так же, как и я его.

Через некоторое время он медленно поднялся на ноги и не спеша помог встать. Не разрывая зрительного контакта, я скользила вдоль его тела, ощущая трение его живота и паха. Это дарило мне удовольствие. Маркус приказал мне стоять на месте, и у меня слегка кружилась голова, пока я наблюдала, как он схватил свою висящую на стуле белую футболку.

— Ты много выпила, Кейт? — спросил он меня, набрасывая ее.

— Пару баночек пива, — ответила я.

— Ты не пьяна?

— Нет.

Он удовлетворенно кивнул.

— Хорошо.

Затем Маркус протянул мне руку. Мое сердце ускоренно забилося, когда я посмотрела сначала на футболку, потом на его татуировки, виднеющиеся под ней. О Боже, это на самом деле происходит? Я перестала думать и взяла его за руку, от нее исходило восхитительное тепло. Он притянул меня ближе к себе и заправил прядь моих светлых волос за ухо.

— Я подарю тебе удовольствие, — прошептал он. — И это будет хорошо. Я собираюсь позаботиться о тебе, не сомневайся.

Его голос звучал так самоуверенно, и эта властность была сексуальна, как ад.

Я мгновенно поверила ему.

Глава 2

Маркус

Если бы кто-то сказал, что сегодня вечером ему предстояло заняться сексом, то Маркус постарался бы не выглядеть, как чертов бомж, особенно для такой девушки, как Кейт. Он постарался бы выглядеть лучше или, по крайней мере, настолько хорошо, насколько мог себе позволить.

В первую очередь, он недоумевал, почему эта девушка захотела его, но он не собирался задавать богам этот вопрос. Маркус собирался привести ее к себе домой.

Одной рукой он обнимал ее, а другой открывал дверь своей крошечной квартиры, входя с ней в темноту. Он ударил по выключателю в гостиной и лампочка затрещала.

— Черт, — тихо выругался он.

— Что? — спросила Кейт за его спиной.

— Нет света, — конечно, это был пиздец. Черт, возможно, это к лучшему. Она не увидит этот жалкий поеденный крысами диван и остатки вчерашней пиццы на его облупленном кофейном столике.

— Где твоя спальня? — удивленно спросила она.

— Я недавно переехал сюда и еще не успел доделать там ремонт.

Чертов лжец.

Он переехал в это место шесть месяцев назад, и его спальня была еще меньше. *Спасибо тебе, нищета, такая ты засранка.*

— Тогда мы просто сделаем это здесь, — сказала Кейт, под конец ее голос немного задрожал.

Маркус повернулся к ней и обнял ее за талию, притягивая ближе к себе, пока ее грудь не была прижата к его. Убрав от лица ее прекрасные светлые пряди, он почувствовал, как она задрожала. Она выглядела так, будто хотела этого. Ей было плевать на его квартиру, и это немного его согрело. Он наклонился и нежно провел губами вдоль линии ее подбородка, чуть ниже уха. Черт, она прекрасно пахла жасмином и розами.

— Я не собираюсь давить на тебя, — прошептал Маркус, чувствуя ее нервозность.

— Делай только то, что тебе хочется.

Ее дыхание сбилось.

— Я хочу этого.

Приближаясь к ее рту, он возобновил свои легкие, как перышко, поцелуи. У нее были красивые тонкие губы, мягкие и красные от помады. Он никогда не сможет смотреть на другие красные губы, не вспомнив о ней.

Его поцелуи были медленными и мягкими, и ее тело замерло от контакта. Кейт открыла рот и застонала, поцеловав его в ответ. Маркус провел ладонями вниз по ее гладким рукам, покрывшимся гусиной кожей. Она была нетерпелива и все сильнее прижималась своим ртом к его. Ее губы были мягкими, податливыми, но проклятый язык распалаял его еще больше. Он подтолкнул ее к дивану и, не переставая обнимать, медленно опустил вниз.

Кейт извивалась под ним, ее руки были везде. Она гладила его спину, сжимая

внушительные трицепсы. Он сопротивлялся своему желанию. Ему необходимо контролировать себя, не позволяя желаниям тела взять верх. В сексе он всегда был таким. Маркус хотел бы трахнуть ее жестко, чтобы она ощутила этот коктейль из боли и удовольствия, слившихся воедино. Но сейчас он не мог этого сделать. Это были просто фантазии, которые никогда не будут реализованы, и сейчас это было не так важно. Не сейчас, когда он целовал самую сексуальную девушку, которую когда-либо встречал, и которая своим желанием разрывала его на части.

— Пожалуйста, прикоснись ко мне, — попросила она, приподнимая бедра и прижимаясь своей киской к выпуклости в его джинсах. — Пожалуйста, Маркус.

Он застонал. Боже, ему нравилось слушать, как она произносила его имя.

Он развел ее ноги шире, поблагодарив свой диван. Может, он и дерьмовый, но тем не менее был вынослив, как чертов мамонт. Его локти были уперты по обе стороны от нее, они соприкасались только ртами. Маркус так глубоко целовал ее, что у них перехватило дыхание, когда он, наконец, отстранился. Поцеловав ее шею, он толкнул ее на диван и через ткань рубашки лизнул затвердевшие соски. Кейт сразу отозвалась на это, поэтому он вновь слегка лизнул и прикусил сосок, заставив ее задрожать под ним. Ее дыхание участилось, так что он мог слышать ее сердцебиение, когда опустил ее ниже, целуя ее сквозь одежду и делая более дикой.

Это была прелюдия, и Маркус любил делать это медленно, изматывая женщин, прежде чем они взрывались. Опустившись вниз к ее бедрам, он сдвинул ее юбку вверх, чтобы обнажить черное кружевное белье. Он покусывал внутреннюю сторону ее бедер, оставляя влажные прохладные следы. Запах ее возбуждения заставил его член дернуться. Кейт была безумно заведена. Через трусики Маркус лизнул ее киску, оставляя их в качестве барьера, и она затряслась под ним, громко застонав в тишине.

— Пожалуйста, — продолжала умолять она.

Он стянул трусики вниз по ее длинным ногам и, блядь, они были длиной в милю. Бросив их на пол, Маркус вернулся к нежной коже между ее ног. Он был твердым, чертовски твердым, когда слегка щелкнул языком по ее влажной киске. Кейт выгнулась под ним, и ее руки зарылись в его короткие волосы. Он хотел, чтобы прямо здесь и сейчас она вонзила свои пальчики в его голову, дабы подтвердить, насколько возбуждена. Блядь, ему больно. Маркус мысленно ее умолял. Кейт царапала его, требуя большего, и он, опустившись вниз к ее бедрам, всосал ее клитор.

— О, Боже, — простонала она.

Он чувствовал, как она сжимается вокруг него, поднимая бедра навстречу удовольствию. Маркус поедал ее, силой удерживая на месте, работая языком то быстро, то медленно до тех пор, пока она не смогла больше сдерживаться. Кейт затряслась, кончив ему в рот и крича, пока ее ногти впивались в его затылок. Он повел головой вдоль ее ногтей, наслаждаясь этой болью, от которой его член начал пульсировать.

Блядь, у него давно уже не было женщины. Если он кончит прямо здесь и сейчас в штаны, то как, черт возьми, сможет пережить это?

Кейт тяжело дышала, когда Маркус остановился. Стоя на коленях, он торопливо расстегнул ремень. Не в силах ждать ни минуты, достал презерватив из кармана.

Приоткрыв рот, она жадно наблюдала за его движениями: как он снимал джинсы и трусы, прежде чем вернуться к ней.

— Просто, чтобы ты знала, у меня пирсинг, детка, — сказал Маркус, указывая на свой

член.

Кейт замерла и посмотрела вниз, ее глаза округлились.

— Где?

Он показал ей пирсинг уздечки на пару сантиметров ниже головки члена. Ее челюсть отвисла. К его удивлению, она выглядела испуганной.

— Ты можешь снять это? — нервно спросила она.

— Если ты именно этого хочешь, — ответил он, борясь с легким разочарованием от ее слов. Обычно все было по-другому. — Это должно усилить твоё удовольствие...

— Что насчет презерватива? Он не порвется?

— Со мной такого никогда не случалось.

Кейт нерешительно посмотрела на его длину и мгновение обдумывала это, прежде чем прошептать:

— Ты можешь снять это? Я просто... не знаю. Я немного боюсь порезаться или что-то в этом роде.

Маркус прикусил язык и кивнул.

— Я сниму это ради тебя, детка.

Поднявшись с дивана и отойдя к окну под освещавший его лунный свет, он осторожно снял пирсинг. Это было чертовски обидно. Обычно от этого девушки получали сильный оргазм, и ему хотелось увидеть такую же реакцию у Кейт.

Маркус надел презерватив и вернулся, к тому времени ноги Кейт уже были сведены вместе, и она встревожено смотрела на него. Он остановился, пристально взглянул ей в лицо и нахмурился.

— Ты в порядке? — спросил Маркус, задаваясь вопросом, испортил ли все этот проклятый пирсинг.

— Я расстроила тебя, не так ли? — спросила Кейт. — Когда попросила снять его.

Он улыбнулся ей и покачал головой.

— Ни в коем случае, красавица. Мне просто придется работать усерднее, чтобы заставить тебя кричать.

Ему не нужен был свет, чтобы увидеть, как она покраснела. Кейт застенчиво улыбнулась ему и развела ноги. Маркус вернулся к ней и поцеловал эти красные губы, руками поглаживая ее тело и сжимая грудь, заставляя девушку выгибаться и стонать.

— Ты же знаешь, что чертовски сексуальна, не так ли? — пробормотал он у ее рта, глядя на нее сверху вниз. — Ты как будто пришла из моих снов со своими маленькими красными губами и большими сиськами. Что я буду делать, если твоя киска еще и слишком тугая? Я, блядь, реально умру.

Кейт снова улыбнулась, глазами умоляя взять ее, и он раздвинул ее ноги шире, чтобы сделать это. Медленно он потерся о ее киску, наблюдая за реакцией, прежде чем войти в нее.

Да, она была тугой. Блядь, плотнее, чем перчатки, Боже милостивый.

Едва дыша, Маркус замер на волне удовольствия, почти не думая, а только чувствуя. Да, только чувствуя, когда он отстранился и снова врезался в нее, заставляя Кейт извиваться и громко стонать. Поставив локти по обе стороны от ее головы, он входил и выходил из нее намеренно медленными толчками. Это было трудно. Блядь, было трудно сдерживаться и не начать врезаться в нее.

— Проведи этими сексуальными ноготками по моей спине, детка, — сказал он между толчками.

Погруженная в блаженство, Кейт обвила руки вокруг него и ногтями впиалась в его спину. Этого было недостаточно, этой боли было мало, но стонов красавицы хватило, чтобы подвести его к самому краю.

Маркус трахал ее, поглощая каждый стон своим ртом и языком, пока она не затряслась под ним, взрываясь вторым оргазмом. Кейт сжалась вокруг него, и он врезался в нее еще один-два раза и громко застонал, кончая внутри нее. Это было похоже на... сладкий чертов экстази.

Это было лучше, чем любой из наркотиков, которые Маркус когда-либо принимал.

Кейт осталась, ее теплое обнаженное тело прижималось к его. Ее голова покоилась на его груди, и она обводила пальцем контуры татуировки на его животе, слегка вздыхая время от времени. Маркус чувствовал себя спокойно и эйфорически, все еще пребывая на седьмом небе от сексуальной разрядки и общества девушки, в которой воплотились все его мечты.

— Здесь было много девушек, помимо меня? — вдруг спросила Кейт.

Маркус открыл глаза и улыбнулся.

— Это твой обходной путь назвать меня бабником?

Она напрягалась.

— О, Боже мой, нет. Прости. Я думаю... обычно я не делаю этого. На самом деле, я никогда не делала это, и я знаю, что это не мое дело, но мне было просто любопытно, являюсь ли я... ну, ты понимаешь, буду ли я просто одной из таких девушек для тебя.

— Нет, ты нет, — просто ответил Маркус, и на этот раз это была чистая правда.

В основном, он не хотел объяснять, потому что никогда не придавал значения своим прошлым «связям». В конце концов, что сделано, то сделано. Но он понимал, что женщины были другими. Возможно, для них было не так легко похоронить воспоминания о сексуальных контактах, как мужчинам. Будучи слишком сентиментальными существами, они не хотят знать, что будут забыты. Они хотят быть частью души мужчины, как звезды, у которых есть свое место на небе.

Кейт не настаивала на ответах, и спустя несколько минут, легко сжав ее, он попросил:

— Расскажи мне о себе.

Маркус почувствовал ее улыбку на своей груди.

— Что ты хочешь узнать?

— Какое у тебя хобби? Что ты изучаешь? Какая она, твоя жизнь?

— Я настолько вычурно-утонченная особа, что ты закатаешь глаза.

— Сомневаюсь, что в твоём теле есть хотя бы одна пафосная косточка, детка.

Кейт засмеялась.

— Ну, люди так думают, когда я без умолку болтаю об искусстве. Видишь ли, думаю, дело в том, что я вижу красоту во всем и стараюсь воссоздать это.

— Ты рисуешь?

— Немного. В основном я делаю эскизы. В дурацком блокноте, который ношу с собой. Это не так уж и важно.

Маркус нахмурился от того, что она пыталась уйти от этой темы.

— Мне интересно узнать, почему ты критикуешь свою работу.

Кейт постучала пальцами по его груди и вздохнула.

— Я воспитана вдалеке от творчества. Мой отец называет это пустой тратой времени.

Он рассердился, когда я сказала, что после окончания школы хочу заниматься искусством.

— Звучит так, будто он придурок.

Кейт вновь засмеялась.

— Он немного деспотичен, но желает мне добра, я знаю это. Он судья и страшен, как ад, для большинства людей. Так или иначе, сейчас я в растерянности. Я не знаю, что делаю. Я посещаю курс лекций по биологическим наукам, но ничего из этого не заставляет мое сердце биться быстрее.

— Если это не будет твоей страстью, тогда твое сердце никогда на это не откликнется.

— Да, — уныло прошептала Кейт. — Ты прав. Жизнь — сложная штука. Я имею в виду, что понимаю: я имею больше, чем большинство других людей, но тяжело сделать человека счастливым и не потерять себя в процессе. В любом случае, я не собираюсь менять мое мировоззрение на какое-то другое.

— Ты имеешь ввиду, на вычурно-утонченное?

— Да, — усмехнулась она. — Именно так.

— Мне это нравится.

Это заставило ее еще ближе придвинуться к нему, и Маркус представил, что мог бы слушать ее все время, хотя даже мечтать об этом было глупо.

— Расскажи мне немного о себе, — сказала она. — Я хочу знать. Всегда хотела знать.

Приподняв несколько ее длинных шелковистых прядей и пропустив их между пальцами, Маркус обдумывал, что ей рассказать. Мог ли он рассказать ей хоть что-то хорошее?

— На самом деле, нечего рассказывать, — тихо ответил он. — Я просто обычный парень с «другой стороны дороги».

Ей не нужно было знать о его жестоком отце или безалаберной матери. Или о том, что в пятнадцать лет его выгнали из дома с одним рюкзаком и пачкой M&M's. Или о том, как нищета заставила его стать уличным преступником, чтобы добыть немного денег на еду. Теперь *его* жизнь была трудна, но он не собирался озвучивать это девушке, которая, вероятно, никогда этого не поймет, и, он надеялся, не должна будет.

Кейт не настаивала на другом ответе, и он был благодарен ей. Она, казалось, уважала границы, но, блядь, Маркус хотел, чтобы вместо этого она разрушала их. Она сменила тему, и он слушал ее сладкий голос, поддерживая разговор, чтобы просто слушать ее. Они говорили, казалось часами, а затем ее голос затих, и Кейт уснула в его объятиях.

Глава 3

Маркус

Его разбудил толчок в плечо. Маркус медленно открыл глаза и в темноте уставился на Кейт. Уже полностью одетая она стояла у края дивана и держала в руке свою сумочку.

— Прости, что разбудила тебя, но у меня нет возможности вернуться домой, — сказала она. — Я надеялась, что ты подбросишь меня.

Маркус резко вздохнул и огляделся в поисках часов.

— Который час?

— Почти пять.

Черт побери, еще слишком рано.

— Я подвезу тебя чуть позже, детка. Как насчет того, чтобы еще немного полежать со мной, а потом мы где-нибудь позавтракаем?

Ее руки нервно теребили ремешок сумочки.

— Я бы очень хотела позавтракать с тобой и все такое, но... я не могу остаться. В семь отец будет ждать меня на нашем традиционном воскресном завтраке, и если он увидит, что меня нет... — она замолчала и вздохнула.

— Что же случилось со вчерашним «меня ничего не волнует»? — весело спросил он.

Кейт не улыбнулась в ответ. Вместо этого она занервничала еще больше.

— Тогда я просто могу поехать на автобусе или еще на чем-нибудь. Не хочу заставлять тебя вставать, это не честно с моей стороны, и сейчас так рано...

— Блядь, нет, — перебил он, садясь и потирая уставшие глаза. — Я просто шучу. Такая девушка, как ты, не может ездить на общественном транспорте в этой части города. Я только возьму ключи и поеду.

Ее плечи облегченно опустились.

— Спасибо, Маркус. Я ценю это.

На мгновение Маркус задержал на ней взгляд, любясь ее все еще туманными от секса глазами, и почувствовал, что улыбается.

— Ты думала, что я какой-то придурок? Что выгоню тебя или что-то подобное?

Кусая нижнюю губу, она пожала плечами.

— Если честно, я не знала, чего ожидать. Никогда не делала этого прежде.

— Не делай этого снова, — сразу же сказал Маркус. Он не знал, почему сказал это. Эта девушка могла делать все, что хотела, но, черт возьми, он знал, что она достойна большего, чем трах на одну ночь.

Кейт странно посмотрела на него, и Маркус, прочистив горло, быстро добавил:

— Знаешь, там и здесь есть всякие сумасшедшие. Не угадаешь, с кем окажешься в постели.

— Думаю, что мне повезло, — ее рот расплылся в широкой улыбке, и он почувствовал, как эта улыбка согрела его. От ее чистой красоты в груди что-то всколыхнулось. Маркус встал и попытался стряхнуть это наваждение. Кейт всего лишь хотела провести с ним ночь, и сейчас он впервые почувствовал себя использованным, что оказалось не самым приятным чувством.

Избегая ее взгляда, он взял со стола ключи и сказал:

— Давай отвезем твою красивую маленькую попку домой.

Все сорок минут, пока они добирались до ее дома, Кейт не отводила взгляда от Маркуса. Ее зеленые глаза пронзали насквозь, и ему нравилось чувствовать их тепло, когда она смотрела на него.

— Я живу здесь, — сказала Кейт, указывая на дом.

Маркус остановил машину напротив высотного современного многоквартирного комплекса. Он наблюдал, как Кейт забирала свою сумочку и застегивала ремешки туфель на

ногах. Казалось, что девушка тянет время. Маркус видел, как ее охватило знакомое напряжение, прежде чем она, наконец, открыла свою сумку и вынула оттуда листок бумаги и ручку.

Удивленный, Маркус наблюдал, как Кейт писала, и точно знал, что это будет ее номер телефона.

— Знаю, у тебя их, наверняка, много, — тихо сказала Кейт, избегая его взгляд, — Но... знаешь, я прекрасно провела ночь и... если ты когда-нибудь захочешь позвонить, или что-нибудь еще, или... — покраснев, она замолчала и протянула листок бумаги.

Маркус взял бумагу из ее рук.

— Договорились.

Улыбнувшись, она посмотрела на него.

— Ладно, хорошо, спокойной ночи, ну, или... доброе утро, скоро увидимся, или созвонимся, ну, это тебе решать.

— Ты еще услышишь меня, — сказал Маркус. — Я обещаю.

Кейт остановилась и с надеждой посмотрела на него. Этот взгляд прошел через все его внутренности, разрезая как острое лезвие. Маркусу никто никогда не дарил такого взгляда. Ему и раньше давали телефонные номера, но это было мимоходом и без особых надежд. Кейт же сделала это так, будто она ждала от него большего. Может быть, это была не просто одна ночь. Возможно, она была серьезно заинтересована. И блядь, он также был слишком заинтересован. Ему очень нравился этот ее взгляд. Нравилось ощущать теплое чувство внутри своей пустоты.

Недолго думая, Маркус наклонился и, нежно взяв ее лицо в свои ладони, прижался своими губами к ее. Рукой Кейт тут же прошлась вверх по его груди и обняла за шею. Она целовала его в ответ с такой силой, которой он даже не ожидал. Кейт приоткрыла рот, и Маркус углубил поцелуй, пройдясь своим языком о ее, отчего она тихо застонала. Боже, если бы только мог, он бы трахнул ее прямо здесь и сейчас.

Вместо этого Маркус отстранился, его кровь бурлила, а глаза были широко открыты. Черт, он любил ее вкус. Кейт вновь посмотрела на него с очевидным желанием.

— Теперь иди внутрь, — сказал он ей, стараясь, чтобы голос звучал нормально.

Кейт кивнула и отстранилась.

Маркус смотрел, как девушка открыла дверь и вышла из машины. Она шла, немного шатаясь, и он улыбнулся очевидному эффекту, который оказывал на нее. Маркус продолжал наблюдать, пока ее стройная высокая фигура не скрылась в доме, лишь остановившись один раз, чтобы взглянуть на него. Это колдовское выражение все еще украшало ее лицо.

Когда она исчезла из поля зрения, Маркус попытался собраться с мыслями. Его сердце тяжело билось в груди. Ему нравилась эта девушка. Кейт понравилась ему еще в их первую встречу, когда он тайно продавал товар в ее кампусе. Он наблюдал, как она с прижатыми к груди учебниками бежала от одного здания к другому. И уже тогда ее красота вызвала у него улыбку. Маркус был уверен, что она была чертовски милой девушкой, и оказался прав. Именно такой она и была.

До этого он еще ни разу не тратил так много времени на разговор с девушкой. Кейт хотела, чтобы ее обнимали, касались, заботились, словно также, как и он, всю жизнь была лишена этого. Но Маркус знал, что это не так. Такой девушке, как она, дарили необходимую любовь и заботу, которые она заслуживала, а такие дети, как он, были никому не нужны и брошены на произвол судьбы.

Вчерашний вечер был удивительным, отчего на пути домой его охватило уныние. Маркус жил в другом мире, и у него никогда не будет возможности воссоздать девушке ее круга тот образ жизни, которым Кейт обеспечивал отец. В то же время, парень трахал девушек ее круга, но они не были такими же настоящими и милыми, как Кейт. Они просто получали то, чего хотели, и уезжали, утолив свою жажду ощущений с грубым мужчиной.

Маркус со страхом смотрел на высотные здания, когда проезжал мимо них. Здесь было слишком много денег. Больше, чем он мог мечтать заработать. Даже если будет копить до семидесяти лет, Маркус никогда не сможет жить здесь. Он относился к неудачникам, проклятым ничтожествам с нулевым капиталом и миллионом чертовых проблем. Ему было суждено раствориться в неизвестности на своей «стороне дороги» и каждый день опасаться быть пойманным за преступления, бояться наручников на своих руках, где им, собственно, и было самое место. Иногда Маркус надеялся, что это произойдет, и ему не придется больше стараться выжить в этом мире.

Через несколько дней, когда Кейт вспомнит отвратительный диван в его ужасной квартире, он исчезнет из ее мыслей. Она поймет, что достойна большего, чем это, и он превратится в забытое воспоминание, вызывающее стыд на протяжении долгих лет. В конечном итоге, он кивнул сам себе, представив ее рядом с каким-нибудь адвокатом, которого бы одобрил ее отец. У Кейт будет карьера и крепкие отношения, дом, пара-тройка детей, и она никогда больше не вспомнит о нем.

Маркус продолжал смотреть в окно, любясь сменой декораций. От небоскребов и процветающих предприятий до витрин дерьмовых магазинов и разваливающихся домов. Это была его реальность: суровая и холодная, пустая и несовершенная. Обычно это не беспокоило его. Парень хотел выпить или нюхнуть кокса, чтобы притупить охватившее его чувство. Но, блядь, прямо сейчас он был трезв как монах и чувствовал себя отвратительно. Реальность ощущалась, как удар в лицо. Конечно, он мог легко заняться сексом, но не мог удержать девушку, даже если от этого зависела его жизнь.

Было еще темно, он стоял на светофоре всего в нескольких кварталах от своей квартиры, когда заметил фигуру. Это была молодая темноволосая девочка не старше пятнадцати, и, казалось, она спешила, идя вниз по пустому тротуару, сжимая лямку рюкзака и каждые пару секунд оглядываясь через плечо. Маркус проследил за ее взглядом, и ему потребовалось несколько минут, чтобы понять, в чем дело. Парень в толстовке следовал за ней по пятам, находясь на расстоянии полу-квартала от нее. Так же, как и девушка, он быстро шел, чтобы догнать ее.

Маркус нетерпеливо ждал, когда загорится зеленый свет. Его колено подпрыгивало, а взгляд оставался на девушке. Когда она завернула за угол, скрывшись из виду, он почувствовал, как холод пробежал по спине. Парень в толстовке, набирая темп, также завернул за угол, исчезнув из поля его зрения.

Дерьмо.

Гребанное дерьмо.

Улицы были пустынные. Еще не было даже шести утра. Типичный район, в котором все еще спят. Куча безработных наркоманов и ублюдков, подобных ему.

— Просто уже, блядь, включите зеленый, — зарычал Маркус на светофор.

Только он загорелся, и Маркус нажал на газ, его седан помчался по улице, повернув за тот же угол, что и девочка. Он крепко сжал руль, не уверенный в том, что обнаружит, когда доедет.

Его затрясло, и внутренности словно провалились в ледяную яму. Рюкзак девочки валялся на земле, она была в нескольких метрах от него, прижатая спиной к груди парня. Девушка не издавала ни звука, и он считал это странным, пока парень не повернулся в его сторону, и Маркус не увидел руку возле ее рта. Он утаскивал ее в соседний переулок.

Недолго думая, Маркус открыл бардачок и вытащил свой карманный нож. Он хранил его на случай, если какой-нибудь мудака попытается ограбить его машину, но, проведя вчерашнюю ночь с Кейт, не хотел держать при себе оружие, чтобы она не заметила и не испугалась его. Не заглушая мотор, Маркус вышел и поспешил в переулок, в котором они находились. Он замедлил шаг, когда приблизился и глянул в темноту.

— Перестань дергаться, — прошипел парень, толкнув девочку к стене.

— Да пошел ты, — она укусила его руку.

— Не сопротивляйся. Просто не дергайся, и все закончится.

Но девочка не переставала сопротивляться. Она выкручивалась, и парень вдруг взвыл от боли. Он убрал укушенную руку от ее рта и затряс ею от боли.

— Чертова сука! — прорычал он, швырнув ее лицом о кирпичную стену. Она вскрикнула, но продолжала бороться. — Чертова сука!

Гнев затопил Маркуса, он приблизился, открыв свой нож. Все произошло быстро и словно в тумане. Он схватил парня за капюшон, оттянув его от девочки. Парень все еще держал ее за волосы, и, падая назад, потянул ее за собой, так что она свалилась прямо на него. Девочка изо всех сил пыталась освободиться, когда Маркус опустился на колени и приставил нож к горлу парня, заставляя его полностью застыть на земле.

— Отпусти ее, — потребовал он у этого куска дерьма.

Парень сразу же повиновался, а сбитая с толку девочка отползла к стене, чтобы отдышаться.

— Я отпустил ее, — сказал ему парень, в знак поражения подняв руки вверх. — Конец истории. Я пойду.

— Я, блядь, так не думаю, — возразил Маркус.

Парень был слабее Маркуса, но с легкостью мог догнать и изнасиловать беззащитную девочку, когда Маркус уйдет. Он поставил парня на ноги и схватил его за растрепанные волосы. Тот сопротивлялся, но сдался, когда Маркус подвел его на то же самое место, где он разбил лицо девушки.

— Тебе нравится делать больно девушкам? — спросил его Маркус. — Ну, а мне нравится делать больно таким говнюкам, как ты.

Парень вскрикнул, прежде чем его лицо врезалось в стену, кирпич окрасился кровью. Не останавливаясь, Маркус снова ударил его о стену, теперь уже сильнее. Так было всегда: когда он бил человека, то испытывал невероятный кайф. Этот коктейль из злости и адреналина делал его неуправляемым. Ничто не могло отвлечь его. Маркус нуждался в этом кайфе, как в новом глотке воздуха — это опьяняло, текло у него в крови и поднимало на призрачные высоты.

После второго удара тело парня обмякло, и Маркус отпустил его. Без сознания тот рухнул на землю. Шум в ушах у Маркуса постепенно прекратился. Он перешагнул через парня и посмотрел на девушку: она стояла и смотрела пустыми глазами на искалеченное тело. Он остановился, наблюдая за ней. Девушка была молоденькой, маленькой, с угольно-черными волосами и темными глазами. Увидев кровь на ее лице, он медленно подошел к ней.

— Ты в порядке? — спросил Маркус.

Она отвернулась от тела парня и посмотрела на него.

— Конечно, я в порядке, — сердито сказала она. — Что за глупый вопрос.

Его челюсть чуть не упала от удивления. Какого хрена?

— Избавь меня от нотаций, крошка. Я только что спас тебя.

— Я не нуждалась в твоей помощи.

Какого хрена?

— Какого хрена?

Убрав волосы с лица, она повернулась и убежала. Он последовал за ней, не веря своим ушам. Маркус думал, что девчонка будет в истерике, а она просто ушла!

— У тебя обратная реакция после травмы или еще какое-то дерьмо? — спросил он. — Ты понимаешь, что он хотел тебя изнасиловать?

Девушка проигнорировала его, схватив рюкзак с земли, и его содержимое кучей выпало на землю. Она выругалась и наклонилась, поспешно поднимая свои вещи.

Маркус тоже опустился на колени и поднял несколько вещей, которые она сердито вырвала из его рук.

— Мне не нужна твоя помощь, — она практически плюнула в него. — Я была бы очень признательна, если бы ты просто съебался.

— Ты просто очередной маленький раздражительный подросток, да? — спросил он, не реагируя на ее фразу. Маркус сгреб ее барахло и засунул в рюкзак. — Чертово спасибо не убьет тебя, принцесса.

Она замолчала и сердито посмотрела на него. Маркус напрягся при виде крови, заливающей практически половину ее лица. Она выглядела немного злое и красиво... чертовски красиво.

— Я не принцесса, — с горечью сказала она. — Я преступница. Такая же, как и ты.

Маркус потерял дар речи, не зная, что ответить, его губы невольно дернулись вверх. Он наслаждался ее поведением. Заставив себя отвернуться от ее затравленного взгляда, Маркус схватил ее открытый бумажник. Он увидел школьное удостоверение личности, быстро забыв название школы, а затем ее имя.

— Эмма Уорн, — пробормотал он. — Четырнадцать лет. Чем, черт возьми, ты занималась всю ночь, бродячая кошка?

— Не твое дело, — был ее ответ, когда она вырвала бумажник из его рук и засунула в рюкзак.

— У тебя есть семья?

Нет ответа.

Маркус раздраженно фыркнул, приближаясь к ней.

— Где ты живешь? Блядь, позволь мне помочь тебе, Эмма.

Когда он хотел коснуться ее руки, она вытащила складной нож из кармана и быстро попятилась, уверенно держа его в руке, предупреждая его мрачным угрожающим взглядом не приближаться.

— Я уже говорила тебе, — Эмма стиснула зубы. — Мне не нужна твоя помощь.

Даже не заметив того, что девчонка была вооружена, Маркус с изумлением смотрел на нее.

— Даже с таким лезвием тебе понадобится помощь, — мягко сказал он, разглядывая ее лицо и пытаясь понять, что же это, на хрен, за девчонка.

Эмма слегка покачала головой, продолжая отходить назад.

— Помощь — это для слабаков.

Больше не взглянув на него, она отошла, взяла рюкзак и перебросила его через плечо, не выпуская ножа из рук. Маркус смотрел, как она развернулась и быстро пошла по тротуару, практически побежав, и ее волосы казались черной волной в раннем утреннем свете.

— Эмма Уорн, — прошептал он сам себе, не понимая, зачем.

Она была первым и единственным человеком, который заставил Маркуса Бордена задуматься.

На протяжении недели Маркус полдюжины раз за день вытаскивал номер Кейт. Он долго и упорно не решался позвонить ей. Они могли бы переспать еще раз, и это могло бы пройти даже лучше, чем в первый раз, но какой во всем этом был смысл?

Кейт была той девушкой, к которой было опасно привязываться, а это последнее, что ему было нужно. Особенно сейчас, когда он связался с несколькими действительно опасными парнями. Если он облажается, то они смогут найти его слабые места и навредить ему, а если у него будет девушка, о которой он будет заботиться, то она и будет тем слабым местом, которое пострадает.

Взглянув в сотый раз на ее номер, Маркус закипел от злости и смял бумагу, бросив ее в ближайшую урну по пути домой из закусочной, где он ел.

Не было никакого чертового способа. Кейт была слишком хороша для него.

Она жила в своем мире, а он в своем.

Глава 4

Кейт

Он не позвонил.

Уже девятый день я ничего о нем не слышала. Я даже нигде не встречала его.

Разглядывая узоры на спинке кровати, я думала о том, чтобы продолжать жить дальше и не предаваться воспоминаниям. Но все вышло наоборот: меня отвергли, я страдала и зализывала кровоточащие раны. Зачем он обещал позвонить и не сделал этого?

Ежедневно прокручивая в голове наш разговор, я прошла все круги ада. Насколько искренне звучал его голос, как хорошо он выглядел и как ухаживал за мной. И чем больше накручивала себя, тем больше росло мое уныние. В итоге, к моему собственному смущению, однажды вечером, я обнаружила себя на пути к его дому. Я окончательно потеряла голову, и даже сейчас, будучи запертой в этом подвале, я цепенею лишь от одной мысли о принятом тогда решении. Не знаю, что на меня нашло, но я с ума сходила по Маркусу Бордену. Он делал с женщинами такие вещи, которые невозможно было объяснить, не выглядев при этом безмозглой душой.

Я припарковала свой голубой «Корвет» у тротуара напротив какого-то уродливого здания и пошла к домофону. Ища его имя, я ощутила разочарование, когда не нашла. Было такое чувство, будто его вообще не существовало. Несколько минут я стояла, решая, смогу ли попросить кого-нибудь из жильцов пустить меня внутрь, когда услышала:

— Кейт?

Я подскочила и обернулась. Маркус стоял на тротуаре, одетый в джинсы и простую

черную майку, демонстрирующую его загорелые руки и все эти черные и серые татуировки. На шее висел огромный крест на серебряной цепочке. Был ли Маркус всегда таким большим? Я не помнила, чтобы он выглядел таким широким или пугающим. Если бы мой папа был здесь, то назвал бы его хулиганом. И не по причине того, как он одевался или выглядел, а из-за того, как Маркус себя вел. «Гребанный авторитет» всегда присутствовал в нем. На мгновение я задалась вопросом, какого черта приехала к нему. Он был другим, и я никогда не смогла бы его понять.

Я замялась. *Кейт! Какого черта ты здесь делаешь?* Это ошибка! Маркус был просто незнакомцем, и я сильно заблуждалась, полагая, что этот парень сдержит свои обещания или, хотя бы, будет искренним той ночью. Господи! Просто я была душой. Я чувствовала себя такой наивной и глупой!

— Что ты здесь делаешь? — спросил Маркус, отражая мои мысли. Он выглядел смущенным, пока разглядывал меня, одетую в цветочное летнее платье. Как никогда я чувствовала себя не в своей тарелке.

Я помотала головой.

— Неважно. Я уже ухожу.

Маркус на несколько шагов приблизился ко мне. Его голубые глаза впились в мои.

— Я не понимаю. Ты пришла сюда ради меня, верно?

Я упрямо покачала головой.

— Нет.

— Тогда зачем ты здесь?

— Я уже ухожу.

Попыталась сдвинуться с места, но он протянул ко мне руку.

— Нет, — сказал он, и его лицо смягчилось. — Поговори со мной, Кейт. Не убегай.

Я сделала пару глотков воздуха, не зная, как объяснить ему все и не выглядеть при этом сумасшедшей. Не было никакой возможности увильнуть, я чувствовала себя униженной и грязной. Даже за несколько жизней я не смогла бы отмыться.

Смирившись, отвернулась и пробормотала:

— Ты не позвонил.

Маркус не ответил и не шевелился несколько мгновений, и я была уверена, что покраснела до корней волос. Наверняка, он принял меня за чокнутую.

— Посмотри на меня, — сказал он и его голос звучал низко и серьезно. Когда я отказалась, Маркус подошел ближе ко мне и загородил обзор своим телом. — Посмотри на меня, Кейт, — повторил он.

Я медленно подняла на него взгляд, и в ярких лучах солнца его великолепное лицо показалось мне таким же, как и тогда, когда я была здесь в первый раз.

— Я не позвонил ради твоей же пользы, — осторожно объяснил он. — Детка, ты солнце, а я чертова тьма. Мы с тобой из разных миров, и в аду тебе будет лучше, чем со мной.

Моя грудь сжалась, когда я ответила:

— Это не тебе решать.

В течение нескольких минут Маркус изучал каждый сантиметр моего тела: маникюр, прямые, гладкие светлые волосы, дорогое платье и идеально нанесенный макияж. Неожиданно я ощутила, что мне необходимо переодеться. Правда была в том, что я сделала все возможное, чтобы поразить его. Но сейчас все выходило совершенно наоборот.

Маркус осмотрелся вокруг и нахмурился, заметив у тротуара мою машину.

— Не очень удачное место для парковки, — пробормотал он.

— Не подумала, — тупо ответила я. — Знаю, что должна была. Думаю, это из-за излишней импульсивности.

И глупости.

— Позволь, я покажу тебе кое-что, — сказал он, оборачиваясь ко мне.

— Ладно.

Маркус взял меня за руку, что, по моему мнению, было хорошим знаком и повел наверх в свою квартиру. Все это время он выглядел противоречиво, его брови были нахмурены, лицо серьезно. Когда мы добрались до квартиры, Маркус отпустил мою руку и ключом открыл дверь.

— Заходи, — сказал он, и я вошла вслед за ним в квартиру.

Я растерялась, когда он отступил в сторону.

— Оглянись, — сказал он. — Я живу здесь шесть месяцев, и вот что я из себя представляю.

Сделав так, как он велел, осмотрела его квартиру. Мои каблуки громко стучали по половицам, в то время как я проходила по гостиной мимо дивана, на котором получила самый лучший сексуальный опыт. Определенно, он видал и лучшие времена. На самом деле, вся комната была заполнена дрянной мебелью и коробкой из-под телевизора, модель которого устарела еще с десятков лет назад.

— Зайди в спальню, — продолжил Маркус, заметив мою нерешительность. — Давай, детка, осмотрись хорошенько.

Я так и сделала.

В спальне была разломанная двуспальная кровать и небольшой светло-коричневый письменный стол, заваленный всяким хламом. На кухне в раковине было полно грязной посуды, и даже кухонные шкафы были желтыми от времени. Я начала понимать, что он пытался сделать.

— Итак, ты на мели, — пробормотала я, оборачиваясь к нему, и легкомысленно добавила. — И ты немного неряшлив.

Маркус скрестил руки на груди, опершись спиной на входную дверь, и пристально смотрел на меня. Он ждал большего, и я вздохнула.

— Ты тоже принимаешь наркотики? На них ты тратишь деньги? Я думала, что у дилеров должна быть куча налички.

— Я зарабатываю немного, — ответил он. — Связался с опасными людьми, и они отбирают большую часть моего заработка.

— Тебе это нравится?

— Нет. Я ненавижу это.

Я пожала плечами.

— Так брось это.

— Бросить? — он слегка усмехнулся. — Ты ничего не знаешь о моем мире, красотка. У меня с рождения не было таких возможностей как у тебя. Я вырос среди этой отравы и вынужден заниматься тем, чем занимаюсь. Данная работа — это пиздец, но она приносит мне гораздо больше денег, чем если бы я работал с девяти до пяти, зарабатывая копейки. В конце концов, именно так и устроен мир. Ты едва выживаешь и должен работать. Ты борешься и борешься и так до самой смерти. Нет легких путей. Никакой помощи из-за угла,

никаких родителей, которые исправят твои ошибки, а это самая легкая работа, которая только может быть. Всем насрать на то, что ты здесь. Я один против всего мира, и это моя жизнь, Кейт! Это пиздец как уродливо и я не собираюсь вносить это уродство в твою яркую идеальную жизнь.

Несколько секунд я обдумывала это. Продолжая осматривать его квартиру, я прекрасно его понимала, но меня это совсем не беспокоило. Маркус нравился мне, а остальное было неважным.

— Ты не привнесешь в мою жизнь уродство, — сказала я, глядя на него. — У нас есть связь. Ты заставил меня испытать то, чего я никогда не испытывала. И я хочу повеселиться с тобой. Хочу, чтобы ты прикасался ко мне так, как в ту ночь. Это все, чего я хочу. Это все, чего я хотела, когда давала тебе свой номер телефона. Ничего серьезного. Я не собираюсь влезать во всю ту грязь, которой ты занимаешься.

Маркус отвернулся с разочарованным выражением лица.

— Значит, я нужен тебе только для сексуальных целей.

— До тех пор, пока ты не сможешь дать мне больше, да, — с надеждой ответила я.

По правде говоря, я с самого начала хотела большего, но также знала, что это была лажа. Я не могла пока принять все плохое в его жизни. Это не сработало бы и не продержалось долго. Я хотела видеть только хорошее, но это было не так. У него была не только я. Ему нужна была женщина, которая превратит зло в добро. Женщина, которая будет бороться за то, чтобы изменить его, даже если он продолжит заниматься распространением этой дряни. Бороться до тех пор, пока он не начнет честную жизнь. Именно это имело значение. Я боялась все это сделать. Позже я оправдывала себя тем, что была молодой и хотела продлить этот кайф. Но, если честно, то в тот момент, когда пришла к нему, я была эгоисткой.

Я могла сказать, что Маркус разрывался, особенно когда его взгляд прошелся по мне. Что же, скоро эта зависимость будет обоюдной. Он будет хотеть меня все время, стараться дать мне больше, а я буду противиться, не будучи готовой принять все это.

Отложив сумочку, я подошла к нему. Маркус с опаской смотрел на меня, пока я подходила к нему. Его взгляд выдавал уязвимость. Я остановилась перед ним, и мои руки скользнули по его крепкой груди. Его руки опустились, когда я сделала это, и он закрыл глаза, наслаждаясь моими прикосновениями. Я остро ощущала, насколько он хотел, чтобы его любили. Какую бы травму он не получил, будучи ребенком, внутри него сохранилась потребность в любви, скрытая за суровой внешностью. Возможно, в душе этого грубого молодого человека хранился нетронутый запас любви, готовый выплеснуться наружу. Было грустно думать о том, как много людей закрывается от мира по причине их абсолютной ненужности и дерьмового воспитания.

И поэтому я хотела Маркуса еще сильнее.

— Скажи «да», — прошептала я, отбрасывая робость. Я хотела быть уверена в нем. Нуждалась в этом.

Маркус открыл глаза и посмотрел на меня. От этого взгляда бабочки запорхали у меня в животе.

— Да, — прошептал он в ответ. — Я чертовски хочу тебя. Хотел с той секунды, когда впервые увидел. Но также я не живу фантазиями. Я хотел быть уверенным, что ты знаешь, что делаешь. Только и всего.

Моя грудь сжалась. Погладив его по щеке, я улыбнулась.

— Я уверена, — сказала ему.

Не прошло и секунды, как он впился в мои губы. Его губы были созданы для меня. Клянусь. Я ощутила огонь, который усиливался от его прикосновений. Схватив меня своими сильными и крепкими руками, Маркус понес меня обратно к дивану. С отчаянным выражением он нежно снимал с меня одну вещь за другой. Он везде целовал меня, наслаждаясь каждым миллиметром моего тела, и я сопротивлялась его языку до тех пор, пока он не овладел мной.

Я была покорена.

Без особых усилий, ему понадобилось совсем немного времени, чтобы украсть мое сердце.

Глава 5

Кейт

— Итак, что же произошло дальше? — спросил мужчина.

Я уставилась на него и на нож, небрежно покачивающийся в его руке.

— О чем ты? — в оцепенении спросила я.

— О вас, очевидно же. О чем, мать твою, я могу еще спрашивать?

Я вздрогнула.

— Зачем ты хочешь это знать?

— Как уже говорил, я убиваю время, выбирая момент для убийства. Просто расскажи мне. Это неплохо облегчит душу, ведь ты все равно умрешь. Черт, если ты настолько благородна, то я позволю тебе умереть спокойно.

Вздрогну, я подтянула колени к груди, сдерживая рыдания, готовые прорваться.

— Почему ты хочешь убить меня?

Мужчина наклонился вперед, его взгляд был темным и зловещим.

— Давай скажем так — мой брат восстанавливает справедливость. Так сказать, око за око. Мужчина твоей мечты хорошенько его ободрал, и он не может этого простить. Нельзя просто появляться из ниоткуда и красть наши территории. Он должен бояться переходить нам дорогу, и лучший способ показать ему — это разобраться с тобой.

— Маркус найдет тебя.

— Нет, не найдет. Когда твое гниющее тело выловят в реке Нью-Рейвен, он будет так поглощен твоей смертью, что даже и не подумает искать нас.

Мне нечего было ответить на это.

Он реально был сумасшедшим, и сейчас я была уверена в своей скорой смерти более, чем в чем-то другом. Невозможно описать словами весь ужас моего состояния, сочетающийся с каким-то жутким спокойствием. Я хотела бы исправить совершенные мной ошибки, отпустить все заблуждения и позволить уйти проблемам, которые теперь кажутся такими незначительными.

Жизнь действительно коротка, и наслаждалась ли я каждой ее минутой?

Мысленно утешаю себя, ведь я пыталась. Чертовски трудно пытаться жить для себя.

— Говори, — потребовал он. — Расскажи мне о ваших отношениях.

— Я не собираюсь делиться с тобой деталями, — отвечая, стараюсь, чтобы голос звучал

ровно. — Тебе не удастся узнать больше. Я уже все тебе рассказала. Рассказала, как мы встретились, и даже немного больше, но на этом все. Ничего больше.

Он смотрит на меня целую минуту, секунды тянутся тревожно медленно.

— Ты хочешь перейти к делу? — внезапно спросил он. — Хочешь, чтобы я вырезал твое сердце прямо сейчас, а не чуть позже?

Дрожа как осиновый лист, я уставилась на нож и представляла его вонзающимся в мою грудь.

— Я не понимаю, зачем ты делаешь это, — в отчаянии выкрикнула я, мои зубы стучали. — Я хороший человек! Я никому не делала зла. Я ничем не заслужила этого.

— Как долго ты была с ним? — продолжил он, полностью игнорируя мои слова.

— Если он уехал четыре года назад, значит, он был только с тобой? Это правда?

Я просто молча смотрела на него.

— Один год с тобой ничего не значил для него? Не так ли?

— Спустя несколько месяцев после знакомства мы стали видеться каждый день.

— Вы открыто были любовниками? Твое окружение было в курсе?

— Нет, — прошептала я, рассеянно глядя мимо него, перебирая в памяти те моменты моей жизни, которым не суждено повториться. — Мы встречались тайно. У нас был свой собственный мир. Маркус был беден, но это не имело значения. Происхождение тоже не имело значения. Мы оставляли за спиной жизнь с ее проблемами, когда были вместе.

— Это был просто секс?

— И да, и нет. Это было... все. Иногда я приходила к нему, иногда он ко мне.

— Тебе всегда было хорошо с ним?

Я не заметила его сильного желания выяснить это и уверенно кивнула.

— Да.

Маркус исследовал каждый миллиметр моего тела, всегда сперва даря удовольствие мне. Сам он сдерживался до конца. Но... даже тогда я чувствовала, что есть какая-то другая сторона его сексуальности. Я не знала, какая именно, а он никогда не говорил об этом. Но он сдерживался каждый раз, когда брал меня.

— И никто не знал? — мой убийца давил на меня.

— В конечном счете, узнали. Я стала отдаляться от всех, стала хуже «замечать следы». После того, как я стала пренебрегать общением с друзьями и родителями, а мои оценки снизились, люди стали что-то подозревать.

— Так он стал твоим миром.

— Да.

Больше ничего не волновало меня — только ощущать его и те ласки, которые он дарил моему телу. Я могла быть открытой и рассказывать ему абсолютно все, он никогда не осудил бы меня так, как другие.

— Кто узнал об этом?

Я вздохнула, переживая те страшные воспоминания.

— Мой отец.

И тогда все изменилось.

Маркус высадил меня в шесть утра, зная, что мой отец выходит к завтраку в семь. К этому моменту мы были вместе уже около года, который ощущался как один день — ослепительный и захватывающий. В созданном нами мире мы жили и дышали друг для друга, каждый мой день завершался в его объятиях. Он уравнивал меня, заставлял чувствовать себя так, будто я могу изменить его жизнь. Я часто об этом вспоминаю.

По-моему, я была готова бросить учебу и предать ожидания отца. Свое будущее я видела рядом с Маркусом, мы бы оба работали. Это могло быть возможным, не так ли? Бедность меня не пугала. Меня не волновало ничего, кроме ощущения его полных губ на моих губах.

— Позвони мне, — сказала я, целуя его. — Не заставляй меня снова ждать, Маркус. Ты всегда так делаешь.

— Я позвоню тебе вечером, — пообещал он, нежно перебирая пальцами мои волосы. — Я не заставлю тебя ждать, красавица.

Я подарила ему еще один плавающий сердце поцелуй, прежде чем войти в дом.

Выглядела я дерьмово — зеркало в лифте подтвердило мои подозрения. Моя юбка измялась, волосы в беспорядке, от макияжа ничего не осталась — тушь, размазанная вокруг глаз, делала меня похожей на енота. Да уж, у того, кто меня сейчас увидит, не возникнет никаких сомнений, чем я занималась всю ночь.

Воспоминания заставили мои щеки вспыхнуть. Господи, своим языком он творил такое... Мое тело заныло, стоило только подумать об этом, но у меня было мало времени. Мне нужно было быстро принять душ, привести себя в порядок, расчесаться и мысленно подготовиться к часовому допросу моего отца на тему «почему я не идеальная».

Я открыла дверь и поспешно вошла. Закрыв дверь и повернувшись, я резко остановилась и подпрыгнула от удивления. Мой отец был здесь. Он стоял в центре моей комнаты спиной к окну, в которое, скорее всего, видел, как я выходила из машины. Отец был одет в костюм для гольфа. Конечно, в этот день он и его высокомерные приятели обычно играли в гольф, но не сегодня. Улыбка сошла с его обычно безупречно выглядящего лица, стоило ему взглянуть на меня. Он был очень зол. Чертовски зол. Я вздрогнула, когда он сделал шаг в мою сторону.

— Так вот чем ты занимаешься! — закричал он, останавливаясь напротив и осматривая меня с головы до ног. — Думаешь, твоя мать будет гордиться, узнав, что ты в бандитском квартале кувыркаешься в постели с преступником, торгующем наркотой?

О, Боже мой, я чувствовала, что моя жизнь кончена.

Я не знала, как реагировать. Чувства были подобны хаосу. Как он догадался? Никто не знал про Маркуса, даже мои самые близкие друзья.

— Ты следил за мной, — в ужасе прошептала я.

— Конечно, я следил за тобой, — сердито ответил он. — Ты мой единственный ребенок, моя маленькая девочка. Неужели ты думаешь, что я буду сидеть сложа руки, в то время как ты забросила учебу и стала избегать нас? Твоя мать расстроится, Кейт. Ты поставила меня в ужасное положение. Ты делаешь это специально?

— Нет.

— Ты пытаешься бунтовать? — спросил он с болью в глазах. — Мы на тебя слишком давим? Я плохой отец?

— Нет, папа, нет.

— Тогда почему?

— Это не имеет отношения к вам.

— Все, что касается тебя, имеет отношение к нам.

Мои глаза наполнились слезами.

— Я не специально. Мне понятен твой гнев, папа...

— Нет, — он резко покачал головой. — Это не злость, а разочарование. Я действительно думал, что ты не такая, как все, но никогда не ожидал от тебя ничего подобного. Бросить все ради этого мальчишки, преступника, который сейчас никто и *навсегда* останется никем.

— Он хороший, отец. Я не была бы с ним, если бы он не был хорошим человеком...

— Я его проверил, Кейт. Он не является хорошим человеком. Парень не вылезает из неприятностей с пятнадцати лет. Посмотри, где он живет, чем занимается. Подумай, прежде чем назвать его хорошим человеком.

Это было несправедливо. Каждый, кто видел его образ жизни, считал его ужасным человеком. Но никто по-настоящему не знал Маркуса, в нем было нечто большее. Это было несправедливо.

Я не ответила. Не смогла подобрать слов. Меня с поличным поймали на месте преступления, и не было смысла скрываться или пытаться что-то приукрасить. Я чувствовала, что упала в глазах своего чертового отца. Я была смущена и подавлена, но, что более важно, я разочаровалась в себе. Все произошло из-за моей неосторожности, моей патологической привязанности к Маркусу.

— Итак, — продолжил он, — вот как мы поступим...

Раздавшийся стук в дверь прервал его и заставил меня замереть. Это мог быть только один человек. *Дерьмо.*

Глаза отца округлились.

— Ты дала ему ключ?! — в ужасе прошептал он.

Я колебалась, и его лицо помрачнело. Он промчался мимо меня, и я в отчаянии последовала за ним.

— Папа, стой! — крикнула я. — Не надо, пожалуйста, не делай ничего!

Отец оттолкнул меня, открыл дверь и замер при виде Маркуса, держащего в руке мой кошелек. Он был одет в привычные мешковатые джинсы и черную майку.

Лицо отца пошло красными пятнами, и я схватила его за руку, когда он сделал шаг к нему.

— Ты, сукин сын! — крикнул отец, тыча пальцем в Маркуса. — Оставь в покое мою дочь! Ты слышишь меня?

Маркус сделал шаг назад, переводя непонимающий взгляд с меня на отца.

— Ты, блядь, ничтожество! — мой отец наступал, а я с умоляющим выражением лица просила его остановиться. — Мне все про тебя известно! Ты черное пятно на репутации моей дочери, ты вредишь ей. Ты слышишь? Оставь ее в покое!

Маркус просто смотрел на меня, его лицо не выражало никаких эмоций.

— Ты забыла свой кошелек, — спокойно сказал он. Не дав ему договорить, отец вырвал его из руки Маркуса.

— Убирайся! — потребовал он. — Еще раз подойдешь к моей дочери — тебе конец. Я вызову полицию, и тебя посадят. Ты слышал меня?

Маркус промолчал, умело скрывая свои эмоции. Я бы предпочла видеть его злым, нежели безразличным, как сейчас.

— Маркус, — прошептала я полным печали голосом.

Он просто засунул руки в карманы, послал мне последний убийственный взгляд и вышел в коридор. Я вздрогнула, когда отец захлопнул за ним дверь и начал звонить матери. Чувствуя себя потерянной и загнанной в ловушку, я слушала, как отец говорил ей о произошедшем. А в голове гудел один и тот же вопрос: как, черт возьми, я смогу снова его увидеть?

Наступивший день был адом. Моя мать вела себя так, будто я совершила убийство. Она рыдала в моей квартире и грозилась вернуть меня домой, пока я не одумаюсь. Отец не поехал играть в гольф и в течение трех часов читал мне нотации о том, как все исправить, пока окружающие не узнали о моей связи с преступником.

Это была катастрофа.

Я обиделась на них. До этого дня я никогда не думала плохо о своих родителях.

Сейчас мне было ненавистно то, что они судили меня, не дав возможности объясниться.

А потом все стало еще паршивее, когда Маркус не позвонил мне, как обещал. Мой телефон все время лежал в кармане в режиме «вибро». Родители были так поглощены своими переживаниями, что не подумали отобрать его.

Мое тело взрывалось от злости. В ту ночь я была взбешена на отца за те вещи, которые он наговорил Маркусу. Решила, что меня не волнует, что он не принял его. Я хотела, чтобы мои мечты о побеге сбылись. Была убеждена, что ради Маркуса готова была отказаться от всего.

Как только родители уехали к себе, я поехала к нему. Это было сумасшествием. Я понимала это, но мне нужно было увидеться с ним. Только проехав по его улице, я пришла в себя и поняла, что сейчас было неудачное время для прогулок в этом районе. Стоящие на улице люди внимательно смотрели на мой паркующийся голубой «Корвет». Это была опасная территория. Я была близка к тому, чтобы развернуться и уехать, когда увидела его. Он стоял недалеко от дома в компании парней, прислонившись спиной к кирпичной стене и держа в руках бутылку пива. Недовольство отразилось на его лице, когда он увидел меня.

Возвращаться назад было поздно.

Я переминалась с ноги на ногу в своих шлепанцах, выглядя не так впечатляюще, как обычно. На мне были простые черные леггинсы и свободный топ, волосы были собраны, и отдельные выбившиеся пряди падали на лишенное макияжа лицо. Мой внешний вид отлично вписывался в это место. Я медленно направилась к нему, игнорируя изучающие меня взгляды.

Маркус стоял неподвижно, скрестив руки. Он просто в ожидании стоял там, без всяких эмоций наблюдая за моей нервозностью. Парни вокруг него расступились ровно настолько, чтобы я смогла подойти. Маркус посмотрел на них, и, поняв его с первого взгляда, все разошлись, предоставляя нам возможность поговорить. Я была на грани нервного срыва и не знала, как извиниться за ужасное поведение отца и в то же время исправить все между нами.

— Привет, — нерешительно произнесла я, пытаюсь улыбнуться.

Он наклонился ко мне и тихо спросил:

— Что ты здесь делаешь, Кейт? Уже десять вечера.

— Я хочу поговорить с тобой о том, что произошло утром, — ответила я. — Ты обещал

позвонить, но после инцидента с моим отцом не сделал этого.

— Я подумал, что отец отобрал у тебя телефон, и не хотел доставлять новых неприятностей.

— Он не забирал мой телефон, и меня не волнуют проблемы, если это означает, что мы вместе.

Маркус медленно вздохнул.

— Кейт, — прошептал он, и его голос прозвучал грустно. — Я больше не хочу, чтобы мы встречались тайком...

— Я знаю. Мы и не будем.

— Твой отец был прав.

Я замерла и с удивлением взглянула на него.

— В чем он был прав, Маркус?

— Я не достоин тебя. Я гребанный неудачник. И даже если я не хочу встречаться тайком, нам придется. С моим образом жизни и кучей дерьма, в которое я ввязываюсь, тебе небезопасно находиться рядом, особенно сейчас. И, твою мать, уже очень поздно, а эти люди вокруг не так терпимы к богатеям, как я. Тебе повезло, что ты нашла меня здесь.

— Я больше не буду приходить сюда так поздно.

— Не в этом дело, Кейт.

Я схватила и отчаянно сжала его руку.

— Я не могу без тебя. Мы каждый день были вместе. Почему бы тебе просто не приходить ко мне? Я не готова отпустить тебя, Маркус. *Я не могу*. Это разрушит меня. Я уже разрушаюсь.

Он был частью меня, и я была готова признать это. Хотела этого. Слова, рвавшиеся наружу, слетели с моего языка.

— Я люблю тебя, — набрав полные легкие воздуха, выдохнула я. — Ну вот. Это правда. Я люблю тебя и не могу без тебя.

Маркус прервал меня жестким поцелуем. Он схватил меня за волосы, притягивая к себе, и я почувствовала, как сильно он нуждался в этих словах. Ему нужно было знать, что его любили. Святой Боже, в этот момент я поразилась, сколько же ужасов ему пришлось пережить, чтобы так хотеть услышать это. Когда его губы оторвались от моих, он прижался своим лбом к моему и с грустью заглянул мне в глаза.

— Маркус, — прошептала я, и он, закрыв глаза, резко выдохнул. Наше дыхание смешалось. — Я брошу все. Откажусь от всего ради тебя. Я хочу все уродство.

Его рука разжалась, и он, истерзанный и несчастный, отступил от меня. Я не могла понять, почему. Ведь он тоже хотел этого.

— Я не знаю, что делать, — сказал Маркус и покачал головой. — Ты заслуживаешь большего, а я не смогу дать тебе то, от чего ты собираешься отказаться.

Я тоже покачала головой.

— Ты ничего не жалел для меня.

— Не уверен, как долго ты будешь это чувствовать, детка. Я видел это раньше. Ты начнешь ненавидеть меня...

— Нечестно так говорить. Это просто твои домыслы. А может, все будет наоборот. Я стану любить тебя еще больше. Разве это не стоит риска?

Он вздохнул, запустив руку в волосы.

— Если бы все было так легко. Сейчас я в большом дерьме. Надо быть слепой, чтобы

довериться мне. Ты многого не знаешь. Быть здесь — не очень хорошая идея для тебя. Ты должна уйти. Должна убраться отсюда, прежде чем кто-то решит поговорить с тобой.

— Тогда пойдем со мной.

— У меня есть дела, которые надо закончить.

— Какие? Наркотики? — зашипела я, взбесившись от того, что он предпочел их вместо того, чтобы уйти со мной. Маркус слушал меня две секунды назад? Я сказала, что люблю его, хотя это было нелегко.

С мрачным выражением лица он огляделся, затем схватил меня за руку и потащил к машине.

— Это нечто большее, — проскрипел он мне в ухо. — Твою мать, ты делаешь меня слабым — это видят все. Ты должна сесть в свою машину и никогда больше сюда не возвращаться.

— А как же мы? — я плакала перед открытой дверью своей машины.

Он остановился и посмотрел мне в лицо.

— Ты должна сосредоточиться на том, что действительно важно для тебя сейчас...

— Ты самое важное!

— Я говорю о твоей учебе, друзьях, семье и обо всем остальном, что было до меня.

— Но мне нужен ты.

Он тяжело вздохнул.

— Может, однажды я и стал бы достаточно хорош для тебя. Блядь, я делал бы все для того, чтобы это стало возможным. Но это не зависит от меня, Кейт. Это не случится сейчас. Ты должна уйти и не позволять такому ничтожеству, как я, испортить тебе жизнь. Твой отец любит тебя. Он делает это, чтобы тебя защитить.

— Он видит в жизни только черное и белое!

— Я знаю. Возможно, именно это я и заслуживаю. Дело в том, что он так поступает не из вредности — он заботится о тебе. И, блядь, Кейт, если в жизни и надо чем-то дорожить, так это любовью семьи. Это то, чего я не смогу дать, а тебе это необходимо.

— Нет.

— Да, это так.

Он был прав. Я ненавидела это.

— А теперь уходи, — сказал он. — Ты должна.

Я пыталась сопротивляться, но он смотрел на меня, не желая принимать мои возражения. Я не плакала. Во мне было больше злобы, чем обиды.

— Ты совершаешь ошибку, — сказала я.

Взглянув на него, я села в машину. Сжимая руками руль, уехала оттуда прочь, наблюдая в зеркале заднего вида за его уменьшающимся силуэтом.

Он хотел меня отпустить.

Но я не уйду. Никогда.

Неделями я неустанно ему звонила, но его телефон не отвечал.

И только спустя три недели я узнала, что он уехал из города.

Он не возвращался четыре года.

— Тебе стоило двигаться дальше, — сказал мужчина, забавляясь. — Это мог быть конец вашей истории. Ты могла бы прожить жизнь, и вся эта ситуация — ты и я, здесь и сейчас — никогда бы не случилась.

— Я не могла, — честно ответила я, глядя на его темную фигуру. — Мое сердце не позволяло мне двигаться дальше.

Сердце само решает, кого оно хочет, не советуясь с нами.

— Ты думаешь, он любил тебя? — спросил парень. — Ты отдала ему свое сердце, ничего не получив взамен.

Я вздохнула.

— Маркус любил мой образ, который создал сам, больше, чем меня *настоящую*.

— О чем ты?

— Думаю, в его голове я была недостижимым идеалом. Он никогда не считал бы себя достойным меня, если бы остался тогда.

Мужчина задумчиво помычал.

— Думаешь, поэтому он уехал из города?

— Я не уверена, но... Мне всегда было интересно это. Я хотела знать, что творилось в его голове в ту ночь, когда он ушел.

Сидя в этом подвале, я знала, что даже повернув время вспять, не получу ответа на этот вопрос.

— Ты взбунтовалась против своего отца, так ведь? — допытывался он. — Поэтому стала учителем?

— Да.

— Когда ты узнала, что Маркус вернулся?

Я мягко улыбнулась.

— Я была в продуктовом магазине и подошла к кассе, чтобы оплатить покупки, когда увидела на журнальной стойке местную газету. До сих пор помню, как подошла к ней. Мое сердце болезненно сжалось. Дрожащей рукой я взяла газету: в ней была статья и фотография, на которой он обменивался рукопожатием с мэром города. Маркус пожертвовал полмиллиона долларов на реконструкцию исторического здания в Нью-Рейвен, которое ранее было запланировано под снос. Они благодарили его за сохранение истории и за финансовую помощь. Благодаря этому здание сохранили, и на какое-то время он стал героем.

Эта новость потрясла меня. Я почувствовала, как мое тело воспарило. Это казалось невозможным. Но это было правдой. Маркус вернулся. Он разбогател больше, чем когда-либо мог мечтать, и выглядел как Адонис. Кажется, он нарастил килограммов двадцать мышц.

— Как давно вы виделись?

Я выбралась из своих воспоминаний и медленно покачала головой, пристально глядя на мужчину.

— Мы не виделись.

Я не собиралась рассказывать ему, каким нежным был Маркус со мной. Как упорно он боролся за меня, когда вернулся. Как он изменился, но все же сохранил для меня часть себя прежнего, которого я знала и которого он скрывал.

Я вспомнила, как собиралась на утреннюю прогулку в парк через несколько дней после того, как увидела ту статью в газете. Вспомнила даже, как изменился воздух, когда я

остановилась в саду. Я ощутила его присутствие еще до того, как он приблизился. И вот он передо мной, одетый в костюм, абсолютно неузнаваемый. Маркус, словно загипнотизированный, просто смотрел на меня.

— *Ты вернулся, — прошептала я.*

— *Я вернулся за тобой, — прошептал он в ответ.*

Испустив слабый вздох, я почувствовала, как мое тело медленно парализует. Я не собиралась дарить этому человеку такие моменты. Они были моими и останутся со мной.

— Итак, перейдем к делу, — медленно сказал он.

Я заставила себя кивнуть.

— Да, — выдохнула я, ощущая себя храбрее, чем когда-либо. — Я готова.

Я думала о Маркусе, когда мужчина поднялся с места.

Думала о той чистой любви, которую берегла для него, когда мужчина начал приближаться ко мне.

Ощущала любовь каждой клеточкой своей души, когда мужчина сомкнул руки на моей шее, погружая мой мир во тьму. Я боролась за жизнь, но это было бесполезно.

Я умирала, и его лицо мелькало перед моими глазами, пока я делала свой последний вдох. На долю секунды Маркус снова был со мной, обнимал меня и говорил, что все будет хорошо.

А затем темнота окончательно поглотила меня.

Маркус

Она в реке, мистер Борден. Я оставил ее тело целым — это больше, чем вы заслуживаете. Учтите это, когда в следующий раз сблизитесь с женщиной. Отвали от нашей территории. Это наши улицы. Не твои.

Это сообщение разорвало его душу.

Он опоздал.

Маркус вошел в тихую воду, смутно слыша вдалеке вой сирен скорой помощи и полицейских машин.

Под пасмурным небом она плыла лицом вверх, светлые волосы колыхались вокруг.

Мужчина плыл, не замечая холода воды, не думая ни о чем, кроме нее. Он двигался рывками, его глаза покраснели и губы дрожали, когда он приблизился к ней.

— Нет, — выдавил он.

Нет. Нет. Нет. Нет. Нет. Нет.

Это неправда. Этого не может быть.

Все вокруг поплыло, в глазах потемнело. Он почти потерял сознание от шока, когда дотянулся до нее. Ее бледная кожа была ледяной на ощупь. Он обернул руку вокруг ее тела и прижал к себе.

— Кейт? — испуганно прошептал он.

Маркус повернул к себе ее лицо, и его сердце рухнуло в груди. Ее глаза были открыты и мертвенно пусты. Он в отрицании потряс головой и погладил ее по щеке.

— Проснись, — молил он. — Проснись, не поступай так со мной. Не надо! Мать твою, не делай этого со мной... Нет. Нет. Нет.

Он испустил гортанный рык, выдавливая весь воздух из легких, пытаясь принять то, что

видел, и то, чего касался.

— Блядь, я люблю тебя, — сказал он, чувствуя, как боль кинжалом разрезает его грудь. — Я пиздец как люблю тебя, но никогда не говорил тебе этого. Я никогда не говорил тебе. Никогда...

Он обвел пальцем ее безжизненное лицо, ее тонкие губы, и, блядь, они даже после смерти были красными. Он пропустил пальцы сквозь пряди ее длинных светлых волос, захватив их в горсть. Ему не хватало воздуха. Мир вокруг него разлетался на куски.

Нет. Нет.

Дрожа, он поплыл обратно вместе с ней и вынес ее на песчаный берег. Его тело трясло, его лицо побелело, когда он взглянул на женщину, к которой вернулся. Женщину, которая подарила ему цель, когда он был потерянным и пропащим. Маркус открыл рот, но слова застряли в горле, так и не прорвавшись наружу.

Он рухнул на нее, зарываясь лицом в мягкий изгиб ее плеча. В этот миг его мир лишился красок. Он приподнялся, чтобы взглянуть в ее лицо — все вокруг стало черно-серым. Ударив руками по песку, мужчина ощутил острую боль, сопровождающуюся такой яростью, что кровь застыла в жилах.

Эта ярость была восхитительна.

Эта ярость давала ему цель.

Эта ярость изменила его.

Все, что оставалось от прежнего Маркуса, умерло в тот день на берегу реки вместе с Кейт Девено.

Часть 2: Борден и Эмма

Трагедия жизни — не в смерти.

Трагедия жизни в том, чему мы позволяем умереть внутри нас, пока мы живы.

Норман Казинс

Глава 6

Эмма

Они прозвали его Танк, и я могла понять, почему, сейчас, когда оказалась стоящей перед ним. Мужчина был чертовски огромен. Как великий Аякс, дьявольски огромен. (*Прим. в древнегреческой мифологии греческий герой, участвовавший в осаде Трои*). Мне пришлось закинуть голову, чтобы оглядеть все его почти два метра роста.

Однако Маркус Борден был намного моложе, чем я ожидала. На вид ему было немного за тридцать. Его каштановые волосы были длиннее, чем на фотографиях, которые я видела, и немного завивались на лбу и у основания шеи. У него сердцевидное лицо, пухлые губы, строгий прямой нос и высокие скулы. Я подумала, что с такими внешними данными он похож на милого красавчика, но на этом сходство заканчивалось. Его резкие движения и холодный взгляд выдавали в нем хищника.

И только одно слово пришло мне в голову в этот момент: *Пиздеееееец*.

Меня сразу же переполнил страх. Казалось, будто из меня выбили весь воздух. Его

мрачное выражение лица довело меня до края, когда уверенный взгляд его голубых глаз скользнул по мне. За ту долю секунды, что он смотрел на меня, мое сердце ускорилося, и я смогла ощутить его стук в своих ушах.

Какого черта я здесь? Я согласилась выйти на одну ночь, и вот что происходит...

Там были трое людей, стоявших вокруг него, и высокая рыжая красotka в откровенном красном платье буквально висела на его руке. Она смотрела на меня, ее нежные черты лица забавлялись моим положением. Я мгновенно возненавидела эту стерву.

Когда мы впервые вошли, Борден, одетый в тонкий черный свитер и темные джинсы, стоял напротив металлического стола и перебирал что-то в открытом портфеле. Я не смогла разглядеть его содержимое с того места, где стояла, да и не то чтобы хотела этого. Единственное, чего я отчаянно хотела — это убраться подальше от этого места и от этих людей. Это было похоже на сцену из второсортного фильма про мафию, где в любую минуту ты можешь получить пулю в затылок. И я периодически оглядывалась, просто чтобы удостовериться.

Да, я снова вляпалась в дерьмо.

И снова: *Пиздеееееец.*

Меня силой притащил сюда мужик, которого называли Хоуком, и его рука все еще крепко сжимала мое обнаженное запястье. От одного взгляда на нее, мой живот сводило. У него отсутствовал средний палец на руке, а кожа от кисти до локтя была густо покрыта шрамами.

Он грубо подтолкнул меня к столу, отделявшему меня от Бордена. Я наблюдала, как другой мужчина подошел и наклонился к его уху.

— Мы заметили ее в переулке, когда решали проблему. Думаю, она все видела...

Стены завибрировали от музыки, грохочущей в задней части клуба, заглушая остальные его слова. Или, может быть, виной всему мое сердце, поднявшееся прямо в слуховой проход и оглушающе долбившее мои уши. Какая разница? Это ведь не важно? Факт в том, что я не могла слышать этого дерьма и не напрягалась.

Все еще глядя на содержимое своего портфеля, он спросил:

— Что вы видели в переулке, мисс?..

Его голос звучал ровно и спокойно, но в то же время властно. Он казался почти скучающим, будто это было просто очередным неудобством для него.

— Я ничего не видела, — быстро ответила я.

— Тебя спросили твое гребаное имя, сука, — прорычал Хоук, впиваясь пальцами сильнее в мою руку.

— Ну, видимо, я не поняла этого, — я не могла не огрызнуться. Честно говоря, будь я в здравом уме, никогда бы этого не сделала.

Мое сердце ускорилося от того, как Хоук посмотрел на меня. Я с трудом сглотнула и произнесла:

— Меня зовут Эмма Уорн.

Борден мгновенно посмотрел на меня.

— Эмма Уорн? — повторил он с ноткой удивления в голосе.

Я нахмурилась от его странной реакции, но рука Хоука предупреждающе усилила хватку.

— Д-да, — быстро ответила я.

Борден просто смотрел на меня некоторое время, и неловкая тишина ощущалась

дерьмово. Я хотела провалиться сквозь землю от тяжелого любопытного взгляда его глаз. И прежде чем я смогла поинтересоваться причиной такого взгляда, его лицо разгладилось, и он вернулся в свое прежнее состояние.

— Ты ее обыскал? — спросил он Хоука.

Тот кивнул.

— Особенно нечего обыскивать. Ее платье довольно облегающее.

Борден смерил меня взглядом. Это не было сексуальным. Просто осмотр.

— Ты проверил ее лифчик? Посмотри, может, она прячет там... нож или что-то еще?

Я мгновенно напряглась. Откуда, черт возьми, он мог знать?

— Я не проверял ее лифчик. Сейчас сделаем.

Тут же изувеченная рука Хоука потянулась к моей груди. Я отскочила.

— Нет! — зашипела я. — У меня в лифчике нож. Я сама достану.

Он вопросительно посмотрел на Бордена, и тот кивнул. Все взгляды устремились ко мне, когда я засунула руку в свой топ, ища нож, спрятанный под грудью. Я вытащила его, отчего мои сиськи оказались практически на всеобщем обозрении, пока я не спрятала их обратно. Мое лицо пылало, пока я нехотя протягивала Хоуку свой складной нож. Не то чтобы я горевала из-за него. У меня в квартире был десяток других. Он взял его и положил на стол, после чего повернулся и встал рядом со мной.

Опять тишина.

Борден, казалось, о чем-то размышлял, бросая быстрые взгляды на оружие каждые несколько секунд.

— Вы имеете привычку использовать этот нож, мисс Уорн?

— Это для защиты, — просто ответила я, и меня прошиб пот от его тяжелого взгляда.

— Вы часто подвергаетесь опасности?

— Нет.

— Тогда что вы делали в переулке в такой поздний час?

Странно, как простые вопросы, на которые довольно легко ответить, под влиянием страха превращаются в такие сложные, что невозможно подобрать ни слова. Я заикалась и моргала некоторое время, пытаясь собрать свои мысли воедино, когда Хоук громко ругнулся.

— Блядь, Борден, она собирается соврать, — сказал он. — Она двух слов связать не может...

— Я хотела подышать свежим воздухом, — перебила я его. — В клубе было очень душно. Я не привыкла бывать в людных местах. Я хотела подышать свежим воздухом. Это все. Я ничего не делала и ничего не видела...

— Она врет, — резко оборвал меня Хоук.

— Я не вру! — я не хотела повышать голос, но этот Хоук просто бесил меня. Это было похоже на обоюдную ненависть с первого взгляда. Он смотрел на меня, как на муху, которую нужно было раздавить-сжечь-искалечить.

Борден недовольно сжал губы от моего выпада. *Блядь*. Он с грохотом захлопнул портфель и, уперев ладони в стол, немного наклонился вперед, изучая меня.

Выдержать его взгляд было трудно, но я чувствовала, что у меня не было другого выбора. Он парализовал меня этим гипнотическим взглядом, я никак не могла избежать его. Потом он взглянул за мое плечо, и это простое действие побудило Хоука пихнуть меня ближе к Бордену, так что мои ноги коснулись металлического стола, и я оказалась всего в метре от него.

Оказавшись так близко, мои глаза забежали по его лицу. Я почувствовала, как каждая частичка во мне напряглась, ошеломленная видом этого мужчины, воплощавшего суровую красоту. Волна тревоги прошла через меня, когда я вспомнила, на кого в действительности усталилась.

Плохой мужчина

Опасный мужчина.

Независимо от того, как выглядел, он был холоден и зол, и я ощущала себя овечкой, которую ведут на убой.

— Вы довольно неплохо держитесь, мисс Уорн, — заметил он, вглядываясь в каждый сантиметр моего лица и тела, будто ища ответ. — Вы не пили.

По-прежнему напряженная, я покачала головой.

— Нет.

— Странно, когда кто-то приходит в мой клуб и избегает выпивки.

— Я не пью.

— Что за херня, — пробурчал Хоук себе под нос.

— Я не пью, — быстро повторила я, пока у них не возникло сомнений. — Я, я давно не пью.

— Она бесстыдно врет, — громко вмешалась рыжая. — Взгляни на нее. Она заикается и дрожит...

— Если мне понадобится твое мнение, я спрошу его, — голос Бордена не изменился, но его лицо вспыхнуло гневом, когда он взглянул на нее. Блядь, такого взгляда я не видела никогда. Она мгновенно заткнулась и отползла обратно. Вся ее прежняя уверенность испарилась, так бывает только в книжках, хотя несколько минут назад она стервозно улыбалась мне.

Казалось, кем бы ни был человек, он никогда не мог бы почувствовать себя в безопасности рядом с этим мужчиной.

— Как давно ты здесь? — спросил он потом, возвращая свой взгляд ко мне.

— Пару часов, наверное, — неуверенно ответила я.

— Ты пришла с парнем?

— Нет.

— С кем ты пришла?

— С другом.

— Твой друг все еще здесь?

— Да.

Он резко сказал:

— Мой совет: когда в следующий раз вы решитесь выйти в такое позднее время в темный переулок, мисс Уорн, имейте под рукой мужчину. То, что вы одна, как сейчас, делает вас уязвимой, и этим легко воспользоваться. Последнее, что мне нужно — это излишнее внимание к моему клубу. Очень глупо попадать в неприятности с жалким складным ножом, тем более что у вас не нашлось бы времени искать его между сисек, чтобы защитить себя.

Я сильно покраснела.

— Я же сказала, что была с другом.

— Просто скажи мне, у твоего друга нет пары перекатывающих шаров между ног, не так ли?

— Ну, да, но...

— На этом точка. Не поступай, мать твою, так снова, не внутри или поблизости моих заведений.

Я промолчала, борясь с желанием сказать ему, что я взрослая женщина и могу делать все, что, черт возьми, хочу. Но да, я этого не сделала. Не сейчас, когда была в центре логова дракона, готового сожрать меня даже за то, что неправильно моргну.

— И в следующий раз, — добавил он, и легкая ухмылка скривила его губы, — пытайся избегать темных переулков для того, чтобы подышать свежим воздухом. Это просто уличная логика.

Я прикусила нижнюю губу, сдерживая готовые вырваться проклятия. Я уверена, мне удалось это из-за страха.

— И куда ты собираешься теперь? — резко спросил он.

— К моему другу? — я понятия не имела, какого ответа он ожидал.

— Неправильно. Ты идешь домой. Не так ли? — его лицо помрачнело, когда он посмотрел на меня.

Жар залил мои щеки. Я быстро кивнула.

Он разглядывал мои голые руки.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Вы без пальто, мисс Уорн?

— Я... Я не знаю... Я не... — я начала заикаться, оглядывая свое черное платье и голые руки, удивляясь, где, черт возьми, я оставила пальто, пока не вспомнила, что даже не взяла его.

Несколько мгновений он наблюдал за тем, как я пытаюсь выплыть, после чего повернулся к стоящему рядом со мной козлу.

— Хоук, — сказал он раздраженно, — мисс Уорн немного запуталась. Возможно, это объясняется ее слабоумием. Отвези ее домой, когда она закончит нести чушь, — его мрачный пристальный взгляд опустил на меня. — Я больше никогда не хочу видеть тебя в моем клубе. Усекла?

Я снова кивнула.

— Молодец. *Уебывай отсюда.*

Хоук грубо вытолкнул меня из комнаты. Голова кружилась, я едва стояла на ногах. Мои колени подкашивались, но Хоук удерживал меня в вертикальном положении. Хотя опасность миновала, я знала, что у меня паническая атака. Перед глазами мелькали круги. Я наблюдала, как мои ноги неравномерно переступают по дороге. Этот мужик практически меня тащил. Я слышала громкие голоса и музыку на заднем плане, когда холодный осенний воздух коснулся моего тела. Прежде чем успела что-либо понять, я уже оказалась на заднем сидении движущейся машины.

— Какой твой чертов адрес? — грубо спросил меня Хоук.

— Мейпл-стрит, 2514, — ответила я онемевшими губами.

Борясь с тошнотой, я обхватила руками свой живот и просидела так всю дорогу. Когда мы добрались до высотного жилого здания, Хоук провел меня мимо группы парней, обычно околачивающихся вокруг комплекса каждую ночь, не проронив ни слова. Он стоял позади меня, наблюдая, как я осторожно открываю стеклянную дверь ключом, висящим на моей цепочке.

Когда я открыла ее, он проводил взглядом мои неуверенные шаги к лифту. Я оглянулась

на него несколько раз, его длинные волосы и густая борода надолго врезались в мою память. Когда лифт закрылся, и он исчез, я мгновенно согнулась пополам в углу в приступе рвоты. Ничего не вышло, потому что я не ела весь день. Дрожь не прекращалась, кислота жгла мне горло, слезы и черные волосы застилали мои глаза, а мой желудок мучительно сжимался.

Я вытерла рот тыльной стороной ладони и практически поползла к своей маленькой однокомнатной квартире, всю дорогу используя стены для поддержки. Третья дверь от лифта на четвертом этаже — это показалось мне дорогой жизни. Я могла слышать привычный шум телевизора за соседней дверью и визги парочки, живущей в квартире напротив. Обычно это раздражало бы меня, но сейчас я впервые приветствовала это. Оно вернуло меня в объятия моего привычного мира оттуда, откуда я только что вернулась.

Я не переоделась или помыла руки, и даже не добралась до двери спальни. Я рухнула на свой трехместный диван и сильно задрожала. Было немного за полночь, когда я вошла, потому что каждый час я наблюдала за тикающей от единицы к шестерке стрелке.

Не знаю, о ком я больше думала: о Маркусе Бордене или о мужчине, задушенном в переулке.

Глава 7

Борден

Прижавшись лбом к стеклу, Борден уставился в панорамное окно своего пентхауса, наблюдая за рекой Нью-Рэйвен. Он постукивал своим пистолетом о стекло, пока смотрел на волнение речной воды. Если смотреть достаточно долго, то начинаешь чувствовать такое же волнение внутри себя. Боль стремительно прошла сквозь него, когда он пытался представить в темной воде тело, плывущее по течению, покачивающееся, как и он сейчас.

Он часто прогонял себя через эту пытку. Это была единственное, что заставляло его чувствовать хоть что-то. Его мир был окрашен в черное и серое, но эта боль время от времени вносила оттенок красного. Это доставляло ему боль, а с болью приходило ощущение того, что он все еще человек.

А это было последнее, что он чувствовал. То, что был живым. Его жизнь теперь была основана на власти, контроле, и бизнес уже не так привлекал. Адреналин, питавший его ранее, теперь уже ушел в небытие. Борден был пуст, просто играл роль, которую ему больше была неинтересна. Он страдал. Его путь — это путь человека, у которого нет радости, только страдание. Пустота была проклятьем. Судьба ударила по нему пять лет назад, и с тех пор эта сука давала о себе знать. А поскольку Бордену нечего было терять, его не заботило, если сука в итоге победит.

Отвернувшись от окна, он положил пистолет на журнальный столик в гостиной. Тот лежал рядом с открытым чемоданом, и Борден безразлично уставился вниз на его содержимое: он был полон стодолларовых купюр.

Деньги ничего не значили для него.

Мертвец.

Мертвец.

Мертвец.

Это все, чем он был.

И все же, было одно, к чему вернулись его мысли.

Эмма Уорн.

Было ли возможно то, что это была та самая девчонка, которую он спас в этом же переулке девять лет назад? Выглядела она в точности как та. Нет, это и *была* она. Маленькая уличная кошка со складным ножом. Девушка вспоминалась ему, словно картинка возникала в голове, и время от времени он пересматривал ее, думая о ее струящихся черных волосах и затравленных глазах.

Она не узнала его, а почему должна была? Было темно, и в то время он был совершенно другим мужчиной, как физически, так и эмоционально. Смерть сделала это. Когда она ударяет, то часть тебя меняется навсегда.

— Эмма Уорн, — прошептал мужчина, смакуя ее имя на языке.

Хоук узнал ее адрес для него. Он и так знал, что у бедной девушки не могло быть никаких дел в этой части города. В любом случае, она с трудом могла выглядеть соответствующе.

— С каких это пор мы стали убеждаться, что люди возвращаются домой в целости и сохранности? — спросил его Хоук, когда вернулся. — Сучка могла бы добраться сама.

— Она едва могла ходить, — ответил Борден. — Она не ушла бы далеко.

Кто-нибудь воспользовался бы тем, что она была одна, особенно после того, как мы отобрали у нее нож.

— Кого это ебет? Кто-то сослужил бы нам неплохую службу, если бы позаботился о ней раньше нас. Она явно не будет молчать об этом, Борден. Нам и так жарко из-за чертовых байкеров в проклятом порту. Один рот откроется, и полиция заebet нас, снова прочесывая все наши территории. Черт, наверное, мне стоит вернуться и прикончить ее...

— Нет, — перебил его Борден, чувствуя, как волна беспричинного гнева прошла сквозь него. — Не трогай ее.

Хоук смотрел на него с сомнением.

— Я не понимаю.

— Никаких вопросов.

Хоук вздохнул и после этого ушел, раздираемый адскими сомнениями.

И сейчас Борден, находясь здесь, почти улыбался, вспоминая ее выражение лица во время допроса. Девчонка была упряма, а в ее глазах была твердость, и он знал — она боролась каждой клеткой своего существа, но сдержалась.

Умная девочка.

Раздавшийся стук в дверь вырвал его из мыслей. Борден закрыл чемодан и побрел к входной двери. Открыв ее, он столкнулся лицом к лицу с красивой брюнеткой в белом мини-платье. Мужчина оглядел ее сверху донизу, недовольство явно отразилось на его лице. Еще один эскорт.

— Какого хрена тебе надо? — рявкнул он, хотя уже знал ответ.

— Ребята сказали, что тебя нужно немного утешить, — игриво ответила она, хлопая ресницами, уверенная, что это был ее лучший способ обольщения.

Блядь, девчонка была тощая. Он склонил голову и осмотрел ее несуществующие бедра, удивляясь, как некоторые могут считать нормальным подарить ему палочку от мороженого. Он привык к эскортам и их манере поведения. Парни были неудержимы в своем стремлении засунуть его в девчонку по самые яйца. Но Бордену это доставляло только скуку. Ему надоело лживое желание в их глазах, потом их крики в поддельном экстазе, когда он трахал

их, зная наверняка, что это долбаное притворство, чтобы получить свою дозу по окончании работы.

Просто подделка. Все вокруг было подделкой.

Подделка, ебаная подделка, подделка, подделка.

— Позволь мне подарить тебе удовольствие, — продолжила она, пытаясь убедить его еще одним взмахом ресниц.

Борден закатил глаза и распахнул дверь.

— Ты можешь попытаться, — ответил он, впуская ее.

Она может попытаться, но он уже знал — у нее не получится.

Как и у всех предыдущих.

Ему всегда снится один и тот же кошмар: он входит в реку, но вода красная и со вкусом крови.

Кейт всегда плывет далеко, ее светлые волосы колышутся по сторонам.

И всегда, независимо от того, насколько быстро плыл, он не мог догнать ее. Она продолжала плыть в красной воде по реке, которая не имела конца, и он изнурял себя, продолжая плыть до изнеможения, до боли в конечностях и кругов перед глазами.

И всегда Борден чувствовал режущую боль и тоску, обматывающую и сжимающую его сердце до тех пор, пока в нем ничего не оставалось. Эта тоска была сильной и целиком поглощала его.

Самое страшное — это пробуждение. Потому что просыпался он, чувствуя абсолютную пустоту.

Глава 8

Эмма

Большую часть следующего дня я проспала на диване. Обычно по воскресеньям я покупала продукты и навещала бабушку. Но не сегодня. Со стороны я, наверное, представляла собой довольно жалкое зрелище: свернувшаяся в углу дивана с широко открытыми глазами и задающаяся вопросом — был ли это сон или по дороге домой меня реально пытались задушить.

Интересно, почему меня отпустили. Конечно, я ничего не видела, но меня и не спрашивали о том, что я слышала. А даже если бы и спросили, то что бы я ответила? Не знаю, что бы со мной сделали, расскажи я им эту часть информации.

Это преступники, очень опасные преступники. Это не те люди, с которыми ты захочешь связываться или даже сидеть рядом на благотворительном балу. Ты не можешь им улыбаться, не можешь на них смотреть, не можешь делать ничего, не боясь при этом оказаться мишенью, но мне каким-то образом удалось сбежать от них. И не просто от них, а от самого *короля*.

Маркус Борден, он же кровавый король Нью-Рэйвен, о котором знают все в каждом

уголке города. Парень стал притчей во языцех, так или иначе, он является хозяином этой территории. Маркус владеет многими успешными предприятиями, в том числе и клубом, где я недавно была. Я просто не ожидала, что в тот момент он или кто-то из его людей может *быть* там.

В длинном списке предприятий, которыми владел мужчина, особое место занимал порт, где он контролировал все внутренние и внешние поставки в Нью-Рэйвен. Главварь Борден был лакомым куском, единолично контролирующим и держащим в своих руках все связи и нити. В течение последних нескольких лет за ним охотится полиция, заподозрившая его в незаконном обороте наркотиков — об этом постоянно пишут в газетах — но он недосыгаем. Против него не нашли ни единой улики. Неважно, сколько раз выписывались ордера на обыск, ничего так и не было найдено.

Я постоянно видела его лицо в газетах, но никогда не видела его. До прошлой ночи. Такой бедной девушке, как я, нечего было делать в его части города. Я чувствовала себя абсолютно чужой в «Совах» (*Прим.: название клуба, которым владеет Борден, «Owls»*). Лара, моя давняя подруга, вышла замуж за состоятельного мужчину и переехала в пентхаус, расположенный в центре самой богатой части города. Она и затащила меня туда, убедив, что мне нужен отдых от многочасовой работы в закусочной и что мне необходимо отвлечься в хорошей компании под громкую музыку.

Моя предполагаемая «хорошая компания» бросила меня в центре клуба танцевать с каким-то придурком, который не был мужем Лары, да еще и в окружении, по крайней мере, дюжины мужиков с блудливыми руками. В окружении такого количества незнакомых людей я, естественно, волновалась и чувствовала себя не в своей тарелке. Я сбежала через ближайший выход, ведущий на дорожку к парковке, что находилась через улицу. Мне нужно было немного остыть. Там было очень душно. Мне удалось остаться незамеченной и невредимой; я ничего особенного из себя не представляла, не то что богатенькие девушки с их пластмассовыми лицами и поддельными сиськами.

Выйдя, я ощутила свежий ветер и наслаждалась ощущением пространства и покоя. Я не сделала и четырех шагов, как дверь снова открылась, а я слышала крики мужчины и голос другого, угрожающего убить его. В испуге я спряталась за последним из четырех бункеров, стоящих вдоль стены. Была кромешная тьма, и я никак не могла позвать на помощь, оставшись при этом незамеченной. Я не пыталась наблюдать за происходящим. Слишком боялась, что меня заметят. Я выросла в жестоком районе и знала, что есть вещи, в которые женщине не стоит лезть, и одна из них — не вмешиваться в разборки вооруженных мужчин.

Его выволокли совсем близко к тому месту, где пряталась я.

— Пожалуйста, — я слышала, как он умолял. — Дай мне последний шанс. Я найду деньги и заплачу. Клянусь, я заплачу!

Мужчина истерично это повторял, но его не слушали. Затем последовал короткий обмен словами между двумя людьми.

— Прикончи его, — сказал низкий голос. Потом послышался звук затрудненного дыхания и хрипы, из-за чего я поняла, что мужчину задушили.

Зажмурив глаза, я закрыла уши. Чувствовала себя ребенком, спрятавшимся в углу и представляющим, что все будет хорошо, если притвориться, что ничего не было. Я сжала губы, боясь даже вздохнуть. Это состояние длилось несколько минут, как вдруг чья-то рука схватила меня за руку и резко подняла.

— Ты, блядь, кто?

Прежде чем я смогла ответить, меня припечатали к кирпичной стене, и я издала крик боли, когда мое плечо проехалось по шершавой поверхности. Боль словно парализовала меня, мой мозг будто отключился. Не воспринимая человека передо мной, я видела только его длинные волосы.

— Отведи ее к Бордену, Хоук, — где-то рядом сказал другой голос. — Она все видела.

Помотала головой, пытаясь вытрясти из нее все эти воспоминания. Я была жива. Я в порядке. Зачем продолжать об этом думать? Я пережила много дерьмовых ситуаций, и эта одна из них.

Да, а теперь, черт возьми, успокойся.

Чтобы отвлечься, схватила с журнального столика пульт и включила телевизор. Я села, опустив ноги на ковер, и провела рукой по своему бунтующему желудку. Лениво просматривая новости и прогноз погоды, я задремала.

Громкий стук разорвал тишину, и я вскочила, хлопая глазами. Меня затрясло, сердце заколотилось в груди.

Кто может находиться за дверью?

Никто никогда не приходил ко мне.

Задержав дыхание, я замерла на несколько минут. Может, они уйдут, если я не отвечу. Может...

БАХ! БАХ! БАХ!

Дерьмо.

Ощущая тяжесть всего мира на своих плечах, я медленно встала и подкралась к двери. В панике я задалась вопросом: были ли это они, и если да, то пришли ли они, чтобы убрать меня.

Не имея дверного глазка, я не могла узнать, кто это был. Сделав несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться, я открыла дверь. При виде высокого полицейского, стоящего в коридоре, меня накрыла волна облегчения. Это был молодой шатен с обеспокоенным взглядом. Облегчение сменилось растерянностью. *Что это?*

— Эмма Уорн? — спросил он.

— Да, — неуверенно сказала я.

— В отдел полиции поступил звонок от жильца этого дома, обеспокоенного вашей безопасностью. Прошлой ночью вас провожал домой мужчина, это правда?

Я снова неуверенно кивнула.

— Нам сказали, что этот человек связан с Маркусом Борденом. Это тоже правда?

— Я была в одном из его клубов, — вместо ответа сказала я. — У меня не было возможности вернуться домой.

— Я понимаю это, но мне также известно, что для Маркуса Бордена несколько необычно провожать людей домой, если только ничего не случилось. У нас было несколько серьезных жалоб ранее, и мы знаем, что забота о безопасности — последнее, чего можно ожидать. Звонивший сказал, что не уверен, последовал ли мужчина за вами или нет, и что с тех пор в квартире тихо.

Да, кое-что случилось! Внутри себя я рвала волосы от досады за свое молчание. Я чувствовала, что правда готова вырваться наружу, но подавила ее.

— Ничего не случилось, — уверенно ответила я. — Мы познакомились прошлой ночью, и он решил проводить меня домой, узнав, что мне не на чем вернуться. Кроме того, он был... вежлив.

Да, вежлив, как гребаный убийца.

— Вежлив? — повторил офицер, скептически изучая мое лицо.

Возможно, вежлив — это перебор.

Под его внимательным взглядом я ощущала каждый свой нерв. Последнее, чего я хотела — это проблемы. Если один из его людей все еще здесь, то что они подумают после прошлой ночи, увидев офицера полиции, входящего в жилой комплекс?

— Так с вами все в порядке? Ничего не случилось? — спросил он, и забота в его голосе была мучительна.

— Я в полном порядке, — солгала я. — У меня была длинная ночь, и мне нужно отдохнуть.

Эмма, ты трусиха.

— Я ценю вашу заботу, офицер, — постаралась закончить разговор.

Он медленно кивнул, видимо, оставшись при своем мнении. Я поймала его взгляд, направленный в квартиру позади меня.

— Вы не будете возражать, если я зайду и осмотрюсь, мисс Уорн?

Нахмурившись, я решительно ответила:

— Возражаю.

Он оглянулся на меня.

— Просто, чтобы удостовериться, вот и все.

— Я в полном порядке.

Он разочарованно вздохнул.

— Ладно, ну, хорошего вам дня. Если вы знаете или вспомните что-нибудь, то немедленно свяжитесь с нами.

— Хорошо. Спасибо.

Я быстро закрыла дверь и на мгновение задержала дыхание. Только услышав его удаляющиеся в сторону лифта шаги, я с облегчением сползла на пол. *О, Господи, спасибо!* Затем я задалась вопросом, кто мог видеть меня прошлой ночью и позвонить в полицию, чтобы проверить мое самочувствие. Этот человек мог бы прийти и сам, если так уж волновался. Никто не приходил в голову. Я никого не знала в доме, и никто, естественно, не прилагал усилий, чтобы узнать меня, за те два года, что я здесь жила.

Бессмыслица какая-то.

Помимо этой загадки, остаток дня прошел спокойно. В пустом холодильнике я нашла три фаршированные маслины и заставила себя проглотить их, а также сделала ужасный бутерброд с сыром, который смогла съесть лишь наполовину. Некоторое время меня трясло, и я долго смотрела из окна спальни, со страхом ожидая увидеть одного из людей Бордена, следящего за мной. Там никого не было, и я обозвала себя параноиком. Но разве это паранойя, когда дело касается Маркуса Бордена?

Вечером позвонила обеспокоенная бабушка, к которой я должна была прийти, так и не сделав этого.

— Так, все хорошо? — спросила она, чихая, ее голос был гнусавым.

— Да, все отлично, — соврала я. — Хотя твой голос ужасен.

— Просто грипп. Должно быть, я заразилась на приеме у доктора в пятницу. Да, скорее всего там. Я больше нигде не была. В следующий раз позвони мне и дай знать, если не сможешь прийти. Ты же знаешь, что я приготовила для тебя много вкусностей. Думала, ты появишься.

— Прости, бабуля. Если хочешь, я могу прийти завтра. Я освобожусь в шесть.

— Да, завтра в любое время, Эмма. Не хочу, чтобы пропало столько еды. Я сделала для тебя сосиски в тесте и куриную запеканку, часть которой ты можешь заморозить.

— Не могу дождаться.

— Почему твой голос такой грустный? Обычно ты бодрее, дорогая.

— Я просто... был тяжелый день, знаешь ли.

— Ну, береги себя. Не позволяй никому воспользоваться тобой. Особенно мужчинам. Ты сама себе хозяйка.

Я удивленно моргнула. Она считает, что у меня проблемы с мужчиной? Думаю, она не верила, что все эти месяцы я была одна. Это довольно грустно, когда твоя бабушка уверена в том, чего нет.

— Не буду, — пообещала я. — Не беспокойся обо мне. Расскажи лучше, чем ты еще меня накормишь.

Она продолжила, рассказывая о том, что приготовила или собирается приготовить для меня. Ее не оставляли мысли, что я голодаю. Бабушка хорошо знала, что моей зарплаты недостаточно, чтобы ежедневно позволять себе хорошо питаться. Несмотря на то, что у нее самой было мало денег, все, что она имела, вкладывала в меня. Это очень ценно, и я не знаю, что бы делала без нее. Знаю, что завтра будет гораздо больше, чем просто заскочить к ней. Чтобы до нее добраться, необходимо больше часа и сменить два автобуса. Но я скучаю по ней и чувствую себя виноватой, что продинамила ее сегодня.

После телефонного разговора я долго лежала в ванной, пытаясь изгнать воспоминания предыдущего дня. Еще я была расстроена тем, что Лара, сука, не удосужилась даже позвонить мне, чтобы узнать, как я добралась до дома.

— Это был последний раз, когда я с тобой разговаривала, — бормотала я себе под нос, злобно качая головой и представляя ее улыбающееся лицо.

Готовясь ко сну, я получила несколько нетерпеливых сообщений от Блайт — своей лучшей подруги.

Блайт: Извини, я не смогла вернуться за тобой. Прошлой ночью у меня был сееееекс! Мужик — Адонис. У него шесть кубиков! Он прекрасен до жути, как мафиози, но... О. Мой. Бог. Засуха закончена, и это того стоило! Как прошла твоя ночь? Дай мне сплетен и, пожааааалуйста, скажи, что тебе улыбнулась удача. ХХ

Я: Поздравляю с трахом =D По крайней мере, прошлой ночью удача улыбнулась одной из нас.

Блайт: Не похоже, что ты в порядке. Ты в порядке?

Я: Замечательно.

Блайт: ??

Я: Лара кинула меня. Использовала, чтобы выбраться из дома.

Блайт: Сука.

Я: Определенно.

Блайт: Мы должны закидать яйцами ее шикарную «Феррари».

Я: На самом деле, это «Ламборгини».

Блайт: Супер-сука.

Я: И не говори.

Блайт: Ну, я никогда не стала бы тебя использовать, детка. Если я ее увижу, то воткну ей вилку в глаз. Так нормально?

Я: Мило. На всякий случай сделай это в оба глаза. Она живучая маленькая сучка. Я иду спать. Увидимся завтра в раю. <3

Я закуталась в одеяло и ждала, когда сон сморит меня. Несмотря на смертельную усталость, я ворочалась до полуночи, вспоминая переулочек и лицо Борген. В один прекрасный момент я встала и подошла к окну. Выглянула сквозь жалюзи, сканируя улицу, высматривая машину Хоука, припаркованную где-нибудь поблизости. Ничего не обнаружив, вернулась в кровать и наконец-то погрузилась в глубокий сон про опасного мужчину.

Я видела его губы.

Его глаза.

Мрачное выражение его лица.

Его красивый и одновременно страшный образ терзал мое сознание, пока в моем теле смешивались страх и возбуждение.

А затем я проснулась, ужасаясь мечтам о мужчине, который в два счета мог бы свернуть мне шею.

Глава 9

Эмма

В закусочной было необычнолюдно для утра понедельника. Вместе с двумя другими официантками, Блайт и Тессой, мне пришлось пропустить первый перерыв. Никого из нас это не порадовало.

Как обычно, Дэнни-мудак, наш биполярный мудак-босс, он же владелец закусочной, заперся в своем кабинете на весь день. Он сидел за своим компьютером, создавая видимость «работы», но в последний раз я засекла, что он дронит на оргии в своем кабинете, а это не то, за что платят деньги. Ленивая задница просто кинул нас отдуваться одних, и кухня была не в восторге от этого.

В таком случае, неужели настолько трудно почистить свою веб-историю? Или хотя бы оттереть клавиатуру после того, как кончил? Там есть пятна настолько древние, что, я уверена, они могли бы соперничать с эпохой динозавров. *Фу, блядь!*

Только после обеда мы поняли, что у школьников начались каникулы, поэтому сюда пришло так много детей с родителями. Обычно мы очень хорошо относимся к завсегдатаям, поэтому они были весьма терпеливы, когда поток посетителей увеличился. Еда обычная, ничего особенного, обстановка довольно приветливая. Это лучшее место работы в настоящее время, особенно в сочетании с хорошим коллективом.

— Ты сегодня очень красивая, — сказал Джон, наш завсегдатай. Широкая улыбка расплылась на его морщинистом лице, когда я остановилась принять у него заказ.

— Спасибо, Джон, — ответила я, даря ему самую яркую улыбку, на которую способна.

Я все еще немного не в себе, особенно после моих тревожных снов, но привычный рабочий ритм помогал восстановиться.

— Есть ли счастливчик, зарывающийся между твоих ножек, сладкая?

Я вздохнула, пытаясь терпеливо отвечать на его сегодняшнюю порцию вопросов. Он обычно спрашивал снова и снова одно и то же, и я сомневалась, что он даже осознал это.

— Пока нет, — я попыталась уйти от темы. — Вам как обычно? Сэндвич с ветчиной и кофе?

— Конечно, — ответил он, пристально разглядывая меня с головы до ног. Джон был потрепанным старым хрычом. Ты не можешь называться официанткой, если хотя бы раз не натыкалась на такого. На мою голову такие сваливались регулярно.

— Досадно, так досадно. Знаешь, если тебе когда-нибудь потребуется хорошая смазка, — он подмигнул. — То я всегда здесь для тебя.

Я зажала рот на мгновение, борясь с подступающей к горлу тошнотой. И выдала натянутую улыбку.

— Буду иметь это в виду, Джон, спасибо.

Я отвернулась от него, и улыбка моментально сползла с моего лица. Какого, собственно, хрена? Мудак шестидесяти с чем-то лет просто предлагает смазать меня?

— Ты в порядке? — спросила Блайт, поймав мой ошарашенный взгляд.

— Мне не стоило останавливаться у столика Джона, — просто ответила я.

Она поежилась.

— Он предложил намазать маслом твои булки, как мне на прошлой неделе?

— Нет, он предложил смазать меня, после чего жутко подмигнул.

— О да, подмигивает он всегда жутко.

— Я беру перерыв, — вмешалась Тесса, раздувая щеки.

Мы кивнули ей. Так обычно и было. Тесса брала первый перерыв между нашими. В свои сорок с небольшим она была проворнее, чем мы с Блайт вместе взятые. Кроме работы, ее жизнь была бесконечной драмой матери-одиночки с чередой дерьмовых бойфрендов. Несмотря на это, в ней сохранилась романтика, и я завидовала ей.

Блайт, напротив, была болтушкой. Ей было двадцать четыре — всего на год старше меня. Она выглядела на двадцать, имела потрясающую спортивную фигуру и естественно-красивое лицо. Хватило нескольких пошлых шуток, чтобы мы сошлись и стали лучшими подругами.

— Ты должна мне все рассказать про эту суку Лару, — сказала Блайт, когда мы с ней поравнялись.

— Обязательно, — ответила я.

— Я хочу знать каждую деталь той ночи.

Я снова кивнула. Определенно *нет*. Я расскажу ей, конечно, но опустив определенные детали. Не хочу, чтобы она узнала о Бордене. Чем меньше она будет знать опасных подробностей, тем лучше. Не то чтобы он был как-то опасен для меня. Это просто случилось, и я была уверена, что на этом все и закончилось.

Я позволила ей взять второй перерыв, когда Тесса вернулась, но в этот момент в закусочной стало значительно спокойнее, заказы прекратились.

— Тебя подвезти сегодня? — спросила Тесса после того, как мы подали все блюда.

— Мне к бабушке, — ответила я. — Придется ехать на автобусе.

— Это далеко, да?

— Да.

— Ну, если твои планы изменятся, буду рада подвезти тебя. Теперь я буду часто ездить этой дорогой. Я вернулась к Дэну.

Я притворилась удивленной, так как их отношения «здравствуй и прощай» уже никого из нас не шокируют.

— Да, я знаю, и что? — она ослепительно улыбнулась, ее лицо порозовело. Ее крашенные рыжие волосы напомнили мне рыжеволосую девицу из прошлой ночи, и вспышка паники молнией прошла по моему позвоночнику. — Он умолял дать ему еще один шанс, и признаю, я тоже слишком тоскую по нему.

Она говорила об этом добрых пять минут, пока Блайт, наконец, не заставила ее вернуться. Я направилась на кухню, где Пэт-повар оставил мне на одном из столов свежееиспеченные маффины с голубикой.

— Спасибо, Пэт, — поблагодарила я с улыбкой. Я была жутко голодна.

Пэт повернулся с застенчивой улыбкой.

— Пожалуйста, Эмма. Для тебя все, что угодно. Просто дай мне знать, если Блайт тоже чего-нибудь хочет, хорошо?

Я кивнула, борясь с желанием закатить глаза. Еще один мужчина, расстилающийся перед Блайт. Не удивительно: девчонка могла без усилий обвести мужчину вокруг своего маленького пальчика.

Я села на стул напротив открытой задней двери. Тесса обычно здесь курила, а Блайт трещала по телефону. Я же садилась насладиться своими маффинами и минут пятнадцать отдыхала от шума.

Смотреть было не на что, кроме двери соседнего магазина одежды, стена которой совсем недавно украсилась граффити. Я заметила надпись, которой не было раньше. Написанная ужасным почерком, она гласила: «Только мертвые рыбы плывут по течению».

Чертовски глубокая мысль, неизвестный чувак!

Моя разгоряченная кожа приветствовала осенний воздух. Я откинулась назад и выковыривала ягоды из маффинов, с жадностью поглощая их и мечтая о бабушкиных сосисках в тесте. Неплохо, когда есть вкусная еда. Прошло три дня с тех пор, как мой желудок был полон. В нем ничего не задерживалось от страха произошедшего. И все еще — *ВСЕ ЕЩЕ* — этот сон преследовал меня. Я гадала, почему мои мысли все время возвращались к Бордену, как сейчас. Его внешность не могла отвлечь от того, что он сделал. Назовите большим любопытством тот факт, что меня всегда восхищала его внешность на газетных фотографиях. Меня поразило то, что в жизни он выглядит еще лучше. Но еще он вызывал нечто такое... Какую-то извращенную тягу к тому, чтобы добраться до его сути и выяснить долю правды в окружающих его слухах. Это будоражило фантазию. Тайна, маячащая перед глазами и остающаяся неразгаданной.

Как и остальным, мне никогда ее не разгадать.

Вдруг чья-то рука легла на мое плечо. Я чуть не подскочила и, подняв глаза, увидела растерянную Блайт.

— Эй, Эмма, — сказала она нерешительно.

— Что случилось?

— Кое-кто спрашивает тебя.

— Кто?

Блайт выглядела очень встревоженной.

— Это тот парень, Борден. Ну, ты знаешь, *Борден*. Там все в шоке сейчас.

Я замерла, широко раскрыв глаза и испугавшись до чертиков.

— Там тихо, как в могиле. Можно услышать, как иголка упадет. Я хотела обслужить его, но он сказал, что ему нужна ты и он будет тебя ждать. Я решила сразу сказать, чтобы ты была в курсе, — Блайт выглядела смущенной. — Я не знала, что вы знакомы! Я имею в виду, что это безумие. Ты должна была рассказать мне. Какой он? На вид он страшная задница...

— Дерьмо, — выругалась я.

Я встала, сунула ей в руки маффин, вытерла руки о фартук, все время задаваясь вопросом: что ему от меня нужно? То есть, конечно, мои мысли прилипли к нему, как банный лист, но мне не хотелось встречаться с ним в реальности снова. Если я и не хотела умирать, то теперь да, я на пути к смерти. Блядь.

Он не поверил тебе. Он знает: ты что-то слышала. Тебе конец.

— Я могу сказать, что тебя здесь нет, Эмма, — сказала Блайт за моей спиной, чувствуя мое беспокойство. — Ты должна ему денег или что-то еще? Может, вызвать копов? Эти люди опасны. Он опасен.

— Нет. Все нормально. Я разберусь с этим. Все хорошо. Я в порядке... Это... — я замолчала и попыталась успокоиться.

— Что происходит? — требовательно спросила она, схватив меня за руку. Ее голос стал серьезным, и она сказала: — Пожалуйста, скажи мне, что ты, блядь, ни во что не вляпалась. Пожалуйста. Ты должна рассказать мне, Эмма. Ты должна доверять мне.

— Все нормально, — ответила я, освобождаясь из ее хватки.

— Это не выглядит нормально. Я собираюсь позвать Дэнни...

— Нет! Не создавай проблем, Блайт. У меня все под контролем. К тому же, что, черт возьми, Дэнни сможет сделать? Он первый обосрется, если узнает, что Борден здесь.

Она подозрительно нахмурилась.

— Ладно, какого черта ты натворила, Эмма?

— Ничего плохого.

— Судя по всему, ничего хорошего. Что случилось? Ты выглядишь так, словно готовишься к собственным похоронам. И учитывая то, что такой человек, как Борден, ждет тебя, я склонна думать, что это вполне возможно.

Я остановила на ней взгляд и пожала плечами.

— Честно, Блайт, чем меньше ты знаешь, тем лучше.

Ее лицо вытянулось.

— Что это значит?

Я не ответила. Вместо этого покинула ее, оставив в полном замешательстве. Я не хотела заставлять Бордена ждать. Я шла вперед маленькими шагами, ожидая, когда он окажется в поле моего зрения. Выйдя из кухни, я схватила блокнот и ручку, представляя себя в каком-то параллельном мире, где он просто пришел заказать что-то типа кофе или сэндвича, или молочный коктейль, или... блядь, ни в каком параллельном мире этого не может произойти.

Я нашла его сидящим в одиночестве в одной из кабинок напротив окна. Он вальяжно расположился, одетый в темные джинсы и черную рубашку с длинными рукавами, подчеркивающую его мужественность. Борден выглядел чертовски большим.

Он смотрел в окно, вертя в руках серебряную зажигалку, пока я приближалась к столу. Я чувствовала, что взгляды всех присутствующих в кафе были направлены на нас. Он словно почувствовал мое приближение — я уверена, услышать он не мог — и перевел на меня свой

взгляд. Он терпеливо ждал, когда я подойду ближе. Я остановилась в нескольких шагах от него, не в силах скрыть шок. Какого черта он здесь делает? Нерешительно я открыла рот, чтобы сказать хоть что-то, но он опередил меня.

— Присядь, — приказал он, кивнув на стул напротив него, убирая зажигалку в карман. Ладно, хорошо.

Я буду сидеть, независимо от того, что он мне скажет.

Я сделала, как мне приказали, и уставилась на стол, чтобы избежать его пронзительного взгляда.

— Хороший день? — его голос был лишен эмоций, словно у робота.

— Вам незачем изображать искренность, — четко ответила я. — Я знаю, что вам похуй. На мгновение он замер, словно мой ответ удивил его. Затем он медленно кивнул, пробурчав:

— Правильно. Тогда ближе к делу. Ты знаешь, почему я здесь, не так ли?

— Это... связано с той ночью.

— Хорошо, по утрам ты явно умнее.

Я с усилием поборолa вспышку гнева. Придурок.

— Теперь, думаю, что для нас важно поговорить о той ночи честно и открыто, и для начала посмотри на меня.

Я сделала, как он мне сказал, только потому, что знала: он способен вышибить из меня все дерьмо. Льющийся из окна солнечный свет освещал его, отражаясь в его льдистых глазах. В этот момент я поняла, почему женщин тянуло к нему, несмотря на его репутацию. Похоже, он умел хорошо скрывать свою темную сущность перед людьми.

— Так-то лучше, — сказал он с единственным одобрительным кивком. — Я анализировал то, что ты сказала мне прошлой ночью, и обнаружил несколько расхождений, в которых хочу разобраться. Я собираюсь задать тебе несколько вопросов, Эмма, и ты ответишь на них правдиво.

Настала моя очередь кивнуть.

— Хорошо.

Он сунул зажигалку в карман и выпрямился так, чтобы оказаться лицом к лицу со мной. Затем он положил свои большие руки на стол. По поводу рук у меня свой пунтик. Не переносю мужиков с гладким маникюром. Мой взгляд невольно задержался на его длинных пальцах, ища мозоли, которые, я знаю, там были. Ни колец, ни часов. Он производил впечатление невероятно простого парня, и какая-то маленькая часть меня была особенно этим заинтригована.

— Что ты видела той ночью? — спросил он, концентрируя на себе мое внимание. Его глаза подмечали малейшие изменения в моем лице. — Смотри на меня, когда будешь отвечать, Эмма.

Это была сложная задача, учитывая мои обычно бегающие глаза, когда я лгала. Я твердо взглянула на него, понимая, что сейчас не время позволять страху управлять моими словами.

— Я ничего не видела, — ответила я, и это было правдой. — Было темно.

— Тогда что ты слышала?

А вот *этого* вопроса я боялась больше всего. Я открыла рот, чтобы ответить, но закрыла его, понимая, что мои глаза забегали. Я посмотрела на него и поняла, что он это заметил. Его взгляд прошупывал мое лицо. На мгновение я отвлеклась, когда он рассеянно провел кончиком языка по своей нижней пухлой губе. Вау, у него офигенно красивые губы.

— Ничего, — в итоге сказала я, оторвав взгляд от его рта, который, казалось, просто притягивал внимание. Я не могла сказать ему правду. Не тогда, когда понимала, чем это может для меня обернуться.

Он был непроницаем. Его взгляд тяжелел с каждой секундой, как бы давая мне еще одну возможность исправиться. Затем он кивнул.

— Хорошо, — сказал он, но голос его был уже не так суров, как раньше. — Я надеюсь, то же самое ты сказала полицейскому, который приходил в твою квартиру на следующее утро.

И вот так все просто. Я поняла, что возведенная мной стена дала трещину. Мои плечи недоверчиво опустились. За мной следили...

— Выдохни, — услышала я его слова. В состоянии панической атаки дыхание было последним, о чем я думала. — Успокойся.

Его глаза переместились на мои дрожащие руки. Я тут же спрятала их под стол, чтобы он не увидел. Господи, какого черта со мной происходит? Я никому никогда не показывала своей слабости. Знаю, это было не всегда удачно, но все же я всегда гордилась своей стойкостью и способностью справляться с трудностями. И так было всегда.

Соберись, Эмма. Ты переживала и худшее раньше.

— Я ему ничего не сказала, — быстро ответила я. — Ничего. Он сказал, что кто-то звонил им и просил справиться обо мне. Им сказали, что видели твоего человека...

— Говори тише.

Я закрыла рот и напряженно оглянулась. Увидела взволнованную Блайт, стоящую в другой половине зала. Все остальные тоже смотрели. Борден проследил мой взгляд. Все быстро отвернулись и продолжили свои разговоры, но они были далеко не такими громкими, как раньше, и я знала, что они все еще пытаются вслушиваться.

— Я ничего не сказала, — успела прошептать я, глядя ему прямо в глаза. Он должен был знать, что это абсолютная правда.

Он обвел взглядом закусочную еще раз, убедившись, что на нас никто не смотрит. Я поняла, насколько странно мы выглядели. Молодая официантка с херовой почасовой зарплатой и, возможно, самый богатый мужчина в Нью-Рэйвен.

О, и он кровавый преступник! Да уж, давайте не забывать об этой важной детали, не так ли?

— Где офис? — внезапно спросил он. — Он есть в этой дыре или нет?

Мои брови сошлись в замешательстве.

— Эм... да, рядом с кухней.

В задумчивости он резко встал и схватил меня за руку. Я вздрогнула, когда он поднял меня на ноги и потребовал:

— Веди, сейчас же.

Я двигалась, мои мысли мчались галопом. Лица присутствующих повернулись к нам, и Борден огрызнулся:

— Смотрите в свои гребаные тарелки.

Все подчинились.

Естественно.

Блайт стрельнула в меня страдальческим взглядом, но я лишь покачала головой. Мне не нужно, чтобы она привлекла его внимание. Тесса решительно прогнала ее, шепча что-то на ухо. Блайт нехотя кивнула тому, что она сказала.

Мы остановились у офисной двери, и я тихо сказала:

— Там мой босс...

Борден прервал меня, отпустив, и дернул ручку двери. Обнаружив, что дверь заперта, он сделал шаг назад и долбанул по ней ногой. Замок сломался с первого удара, и дверь распахнулась. Дэнни-мудак вскочил со стула, быстро застегнул штаны и в шоке уставился на Бордена.

— Что происходит?

— Пошел на хуй отсюда, — глядя в упор, заткнул его Борден.

Дэнни помедлил, переводя взгляд с меня на Бордена, но подчинился. Только тогда я уставилась на Бордена, размышляя, как далеко он может зайти. Когда Дэнни вышел, умышленно избегая встречаться с ним взглядом, Борден захлопнул дверь и повернулся ко мне. К тому времени я отошла на шаг, двигаясь к столу. Удар по ногам сзади остановил меня.

На несколько минут в комнате воцарилась тишина. Тишина и...

Стоны. Страстные стоны, звуки бьющихся друг о друга тел и крики девушки.

Я поморщилась, а лицо Бордена вытянулось.

— Какого хрена? — буркнул он.

Я подошла к компьютеру позади меня.

— Он... он смотрит порнуху.

Он замолчал и оглядел комнату, словно внезапно не мог понять, где находится. Его ноздри раздулись от отвращения, и да, здесь было реально отвратительно. Можно сказать, это был некий храм Дэнни, увешанный плакатами обнаженных женщин и фотографиями столетней давности, когда он был членом футбольной команды в старшей школе.

Пока стоны продолжались, он вздохнул и покачал головой.

— Это бесит меня.

— Я-я могу выключить, если вы хотите...

— Да, выключи это, куколка. Выруби нахер.

Слишком потрясенная, чтобы двигаться, я выдернула вилку из розетки, а он выдал несколько красочных ругательств. Теперь установилась действительно полная тишина, и я выпрямилась, опираясь для поддержки о стол. Этот мужчина был словно бомба замедленного действия, и мне нужно было сгладить бушующую в нем бурю как можно скорее.

Я повторила то, что сказала ранее:

— Я ничего не сказала, мистер Борден. Я имею в виду, полицейскому. Я не сказала ни слова.

— Я знаю, что ты ничего не сказала, — ответил он, медленно двигаясь ко мне, пока его глубокий взгляд не встретился с моим. — Меня больше беспокоит, мисс Уорн, что вы откроете свой рот и посчитаете себя обязанной что-то сказать, когда произошедшее нажмет некую моральную кнопку внутри вас.

Я усмехнулась.

— Если бы вы знали меня хоть немного, то понимали бы, что этого не произойдет.

— Почему это?

— Потому что я берегу себя и понимаю разницу между глупостью и разумом.

— Тогда ты знаешь, почему я делаю это.

— Да, и я считаю вас параноиком.

Его брови взметнулись, будто я оскорбила его, и, возможно, так оно и было. Видимо, в итоге я не такая уж умная.

— Я бывал не раз в подобных ситуациях, куколка, — пояснил он. — У меня есть повод быть параноиком. Я знаю эти игры. Ты идешь в полицию, рассказываешь им то, что, *тебе кажется*, ты видела или слышала, и я получаю геморрой на свою задницу. Полиция начинает совать нос в мой бизнес, блядь, в каждую деталь моей жизни только потому, что кто-то открыл свой маленький ротик. Это еще ни разу не увенчалось успехом, но попытки не прекращаются. Я не понаслышке знаю законы, дышащие мне в спину...

— И вы здесь, чтобы запугать меня, — прервала его я. Я удивилась своей вспышке, но не могла поверить тому, что услышала. Слова моей бабушки эхом отдавались в моей голове.

Не позволяй никому воспользоваться тобой.

Я подумала, будет ли она чувствовать то же самое, когда узнает, что мной управляет Борден.

Скорее всего, нет.

— Разве это не так? — настаивала я, с трудом сглатывая.

Он склонил голову набок, его губы дернулись.

— Я здесь, чтобы сказать тебе: я могу сделать гораздо больше, чем просто запугать, мисс Уорн. Я могу сделать все, что захочу.

Прямо здесь он демонстрирует свою власть надо мной, и эта самоуверенность вызвала во мне волну гнева.

— Все, что угодно, — он продолжал говорить, его глаза сканировали каждую часть меня, доведя мой сердечный ритм до перегрузки и заставив мою кожу вспыхнуть от его пристального взгляда. — И вы знаете, что я подразумеваю под словом ВСЕ, не так ли, мисс Уорн?

Я крепко ухватила за край стола обеими руками и ответила:

— Я знаю, что вы угрожаете мне.

Он снова облизал губы, *эти гребаные губы*, вызвав во мне легкое покалывание.

— Я просто констатирую факт, куколка. Каждое действие может иметь прямую и обратную реакцию.

Я моргнула. Этот мудака собирается объяснить мне один из трех законов движения Ньютона?

Он продолжил двигаться в моем направлении, и это начинало настораживать меня. Застыв на месте, я наблюдала, как он сокращает расстояние между нами. Часть меня интересовало, что он сделает, добравшись до меня... и почему-то мне хотелось это выяснить.

— Я ясно выражаюсь, Эмма? — спросил он, останавливаясь напротив и нависая надо мной. Я оказалась между его руками, вцепившимися в стол позади, его мозолистые пальцы слегка касаются моих.

Я наклонилась к нему и почувствовала, как мое тело задрожало под его пристальным взглядом. Подчиниться или нет? Это вопрос.

И я сама все изгадила.

— Нет, Борден, — я не соображала, что несу. — Ты просто придурок, и это глупо, потому что ты сам облажался. Я никогда не собиралась быть посвященной в то, что услышала, когда выходила из твоего клуба; это просто случилось. Если что-то подобное подвергает опасности твой бизнес, твою репутацию или твои интересы, то, возможно, вам

следует душить людей до того, как они покинут помещение.

Тишина.

Боже мой, что я только что сказала? Правда в том, что его слова задели меня за живое. Ничто не вызывает во мне такую ненависть, как чьи-то попытки манипулировать мной. Когда кто-то загоняет меня в ловушку, заставляет чувствовать себя отбросом, распоряжается мной по своему усмотрению. И знаете, что? Я достаточно насмотрелась за два года работы в этой помойке, будучи на побегушках у мудака, не считающего меня за человека. Но на работе прогибаться было необходимостью. Мне нужны деньги и работа, не важно, какой ценой.

Но это не было работой. Этот мужчина хотел манипулировать мной, запугивая, а я определенно не так воспитана, чтобы позволить ему злоупотреблять этим. Маркус Борден или кто-то другой — это было недопустимо и убило бы остатки моей гордости.

Когда его завораживающие глаза распахнулись от сказанного мной, я поняла, что могу загнать его в угол. Я знала: он пытался запугать меня и лишиться выбора, но он у меня был. Осознание этого здорово укрепило меня. Я наклонилась вперед так, что нас разделяли всего несколько сантиметров, и вернула ему такой же жесткий взгляд, каким он одарил меня.

— Вы думаете, я бы вышла из той двери, если бы знала о том, что произойдет? — спросила я его. — Знаете ли вы, как заблуждаетесь, говоря об этом? Я хорошо знаю, на что вы способны, но прямо сейчас вы пытаетесь переложить свою вину. И будет разумнее, если мы просто остановимся и забудем все, что произошло, или мы *думаем*, что произошло, той ночью.

Если он и был намерен говорить прямо здесь и сейчас, то я не уверена, что смогла бы расслышать его из-за грохота собственного сердца, отдающегося гулом в ушах. Мои ногти мучительно впились в дерево стола, сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Выражение его лица не изменилось, и я начала волноваться, слышал ли он хоть слово из того, что я сказала, пока он не кивнул. Затем без предупреждения его рука потянулась вверх, захватывая мой подбородок и поворачивая так, чтобы заставить меня посмотреть ему в глаза. В них не было злости, но где-то в глубине сквозило любопытство. Я ахнула в шоке от тепла его прикосновения, от тепла в его удивительных глазах, от того, насколько близко мы находились друг к другу, когда он прошептал:

— Ты смелая, не так ли, бродячая кошка?

Я потеряла дар речи и просто моргнула.

— Ты маленький котенок. Ты пытаешься казаться злобной, но вместо этого ты охренительно прекрасна.

Теперь я уставилась на него. Он придвинулся настолько близко, что я ощущала его тело, прижатое к моему. Я пыталась не реагировать на зарождающееся чувство тяжести в моем животе. Честно говоря, это было настолько неожиданно и неподвластно моему разуму, но мое тело... моя кожа вспыхнула, сердце ускорило ритм, а он продолжал прижиматься ближе.

— Отпусти меня, — прошептала я, пытаюсь усмирить порхающих в животе бабочек.

— Зачем? — тихо спросил он, его голубые глаза прожигали меня. — Тебя это возбуждает, не так ли? Я вижу это по твоему лицу. Ты покраснела и тяжело дышишь.

— Отпусти меня, — повторила я.

Это бред. Я не возбуждена. По крайней мере... не разумная часть меня. Только мое тело... ладно, мое гребаное тело реагировало животными инстинктами, не поддающимися разуму.

Это ничего не значит.

— Возможно, мы сможем это как-то исправить, — пробормотал он, горячо дыша мне в рот, рукой медленно скользя от моего бедра до талии. Я старалась не думать о том, как хорошо ощущается тепло его руки и как безвольная часть меня хочет, чтобы это не прекращалось. Как только его пальцы коснулись моей груди, что-то во мне щелкнуло. В бешенстве я подняла руку и залепила ему пощечину.

Сильно.

Я действительно ударила его, *реально* сильно.

Громкий звук, словно щелчок хлыста, прозвенел в моих ушах. Словно взрыв бомбы. Звон в воздухе, шок от произошедшего и ощущение, что душа покинула тело.

И потом долбаный страх.

Ох, дерьмо. Дерьмо, дерьмо, ебаное дерьмо. Что, блядь, я натворила?

Его руки мгновенно опустились, он отшатнулся с выпученными глазами и отвисшей челюстью. Его щека стала пунцово-красной, а на лице читалась смесь ярости и... чего-то еще. Как будто... *восхищения* и... *чего-то животного* и...

Без предупреждения он внезапно обвил рукой мою шею, резко притянув меня к себе, и обрушил свои губы на мой рот. Я оцепенела от ощущения его удивительных губ. Тепло его большого тела обволакивало меня, сердце взволнованно колотилось в груди. Он прижался ко мне. Ощущение его толстого стояка вызвало в моем животе трепет, опускающийся все ниже, вызывая волну возбуждения в самых потаенных местах. Я чувствовала, словно угли разгораются внутри меня. Это было странное ощущение. Возбужденная, я окунулась в его объятия и раскрыла губы, приветствуя поглаживающие движения его языка. Я дрожала, тяжело дыша ему в рот. Он был великолепен на вкус. Необыкновенно хорош для монстра.

Без предупреждения другой рукой он скользнул по моей спине и сжал мою задницу, твердо удерживая напротив него. Он действовал, словно имел право прикасаться ко мне так, как захочет. Самоуверенный ублюдок, знающий, что превращает меня в расплавленную огненную лаву, готовую взорваться по его команде.

Мои ноги дрожали, между бедер покалывало. Клитор запульсировал, боль внутри меня нарастала с каждой секундой. Он не прерывал поцелуя, его твердая рука по-прежнему была обернута вокруг моей шеи. В моем мозгу стали проноситься тысячи образов. Я представляла, как он поднимает меня и распластывает на столе. Думала о том, как хорошо будет ощущать его внутри, когда он погрузится в меня, заполняя мою пустоту миллиметр за миллиметром. Мне было удивительно хорошо в этой фантазии. Это все оттого, что я чертовски возбуждена.

Мне было стыдно, что я не могла этого контролировать, но мои губы умоляли его не останавливаться. *Господи, не останавливайся!* Я стонала в его руках — блядь, я реально стонала — его ласки подводили меня к оргазму.

А потом так же резко он оторвался от моего рта, и я чуть не застонала снова — на этот раз от сожаления. Моргнув, я открыла глаза и встретила с его озадаченным взглядом. Его грудь вздымалась вверх-вниз. Он убрал от меня руки и сделал шаг назад. Глаза все еще прикованы к моим с выражением «какого хрена только что произошло» на лице. Я была уверена, что выгляжу так же.

Я не могла вымолвить ни слова.

А что тут скажешь? *Типа, эй, почему ты целуешь меня после того, как я влепила тебе пощечину? Почему мне это тоже понравилось? Минуточку, есть более важный вопрос: почему тебе это понравилось? Пожалуйста, просвети меня, и, может, мы сможем*

продолжить то, что делали: пощечины и объятия, и поцелуи — все остальное!

Конечно, нет. Возбужденную Эмму надо утихомирить и запереть в клетку. Маленькая распутница. Постыдилась бы!

Собравшись, он откашлялся.

— Считай, теперь мы квиты, — сказал он опасно низким голосом.

В его голосе сквозило возбуждение, я поняла это. И, мой Бог, это было горячо.

— Все должно остаться здесь, — грубо продолжил он, его тяжелый взгляд остановился на моих глазах. — Я не хочу, чтобы что-то всплыло снова только потому, что ты снова откроешь свой симпатичный гребаный ротик. Иначе мне придется вернуться и использовать этот маленький гребаный рот снова. Поняла?

Он не стал дожидаться моего ответа. Резко развернулся и вышел, не удосужившись даже попрощаться, потому что когда это такие люди говорили «до свидания», правда?

Это был просто поцелуй, выброси этого парня из головы, Эмма.

Мои ноги ощущались, как желе, когда я медленно последовала за ним. Практически задыхаясь, я вышла из офиса и посмотрела ему вслед. Сильный, высокий, уверенный в себе, но даже я заметила, что он сам был не готов к тому, что произошло. Я удивила его, и не знала, как теперь себя вести.

Потому что я и сама была удивлена.

Когда он исчез из вида, я провела пальцем по своим губам, ощущая их припухлость. Я протяжно вздохнула, напряжение медленно покидало мое тело. Его прикосновения все еще ощущались, я старалась игнорировать странную тяжесть в груди. Блядь, его рот целовал меня. Эти гребаные погибельные губы оправдывают свое название. Он завелся от пощечины, но... почему?

Чувствуя любопытные взгляды практически каждого посетителя забегаловки, я развернулась и поспешила прочь. Выйдя через заднюю дверь, я остановилась на дорожке, лениво уставившись на граффити на стене, слушая щебет птиц над головой и ожидая, когда охладится моя кожа и восстановится дыхание.

«Только мертвые рыбы плывут по течению» — перечитывала я снова и снова, пока мое сердце грохотало в груди.

Глава 10

Борден

Блядь, что только что произошло?

Нет, действительно, ему нужно было понять. Он просто собирался докопаться до причины, почему она ничего не рассказала полиции. Это вызывало в нем новые незнакомые эмоции.

Это был шок.

«Вежлив» — она сказала полиции, когда офицер спросил ее.

Вежлив.

Да, такой же вежливый, как лев, загоняющий газель и вскрывающий ей зубами горло.

У Бордена были в прошлом похожие проблемы. Эти ублюдки всегда все выбалтывали полиции, когда он отпускал их. Почему она этого не сделала? Когда он узнал об этом, то

решил приехать в эту дыру и выяснить.

Но сейчас он запутался даже еще больше.

Выйдя из закусочной, он резко остановился у ряда магазинов.

Он... Он что, похож на человека, с которым можно так разговаривать? И он... он просто, блядь, поцеловал эту девку, после того как она влепила ему пощечину?

Какого хуя?

Шок усиливался.

Он мысленно оглянулся назад, с ужасом вспоминая, как выстраивал этот гребаный бизнес и какой ценой достались ему все эти деньги. Запах этого выворачивал его внутренности наизнанку.

Он нахмурился.

Никто не смел разговаривать с ним так. Кто бы это ни был — будь он, блядь, вдвое выше и крупнее — *никто* не позволял себе так разговаривать с ним в течение последних четырех лет. И что бы кто-то ни сделал — даже если бы, блядь, просто подумал сделать — ничего никогда не сходило никому с рук.

Он облизал губы — они все еще хранили ее вкус. Девчонка бьет его, а он за это ее целует. И не просто целует, а практически *берет силой*. Какой, блядь, в этом смысл? И почему, святое дерьмо, это еще сильнее его разжигает?

Женщина только что поставила тебя на колени, Маркус. Именно так.

Его кровь закипела.

Как будто злость бурлила в каждой его вене. Она вихрем промчалась через его тело. Вечная злость. Злость всегда была единственным спасением в самых безвыходных ситуациях. Сейчас она толкала его на то, чтобы ворваться обратно, скрутить ее маленькие худые руки и потребовать извинений.

Нет.

Нет.

Он хотел ворваться обратно, сгрести ее гребаные волосы, нагнуть над тем дерьмовым столом и трахать глубоко и жестко, чтобы она умоляла дать ей еще *больше*.

Она боялась его! Он видел, как она дрожала, прятала свои светло-карие глаза и еще... и еще она совершенно бесстрашно наорала на него. И она ответила на его поцелуй так искренне, так горячо. Он знал — в тот момент она действовала безрассудно, как и он. И просто воспоминание о том, что произошло несколько минут назад, мгновенно вытеснило всю злость и заменило ее... странным возбуждением. Как ебанный наркотический кайф.

Эти ощущения были настолько непривычными, он давно похоронил их внутри себя. А сейчас он практически ощутил цвета вокруг. Они были блеклые, но пытались прорваться наружу. Он чувствовал, как что-то пробуждается внутри, что-то... *волнующее*.

— Хули пялишься? — рявкнул Борден на случайного прохожего, замедлившего шаги и смотревшего на него.

Глаза того округлились, и он убежал. Да, это *та* реакция, к которой Борден привык. До того момента, как его отчитала девчонка вдвое меньше, с печальными глазами, сливочной кожей и маленьким ядовитым ротиком...

Его член неожиданно дернулся. Ебанный предатель.

Она была такой же дикой, как в четырнадцать лет, и это заводило его и, блядь, не отпускало.

Маленькая бродячая кошка.

Он вытащил телефон и набрал номер.

— Хоук, — сказал он, — у меня для тебя работа. Эмма Уорн. Я хочу знать каждую гребаную мелочь о ней. Где училась, с кем дружила, с кем трахалась — черт, каждую ебаную деталь ее прошлого. *Все*.

Не дожидаясь ответа, он выключил телефон и засунул его в карман. Он понимал, что на взводе, но это были знакомые эмоции. Сегодня взорвана унылая пустота его жизни. Он не встречал кого-то столь нестигаемого целую вечность, и даже двести килограммов ходячего холестерина не могли с ней в этом соперничать.

Эмма была другой.

Он просто знал это.

— Хули смотришь? — снова рявкнул он другим испуганным глазам. Намек быстрее смываться еще работал.

Глава 11

Эмма

Словно в тумане, я добралась до бабушки около семи вечера. На крыльце для меня горел свет — она делала так каждый вечер, когда я жила с ней и возвращалась поздно. У нее двухкомнатный одноэтажный домик, тесный для нас двоих, но удобный для нее. Дому было около шестидесяти лет. Бабушка переехала сюда, когда стала моим опекуном. Мне тогда было семь. Это было шестнадцать лет назад, но я отчетливо помню тот день: растерянность, волнение, вопросы, на которые она деликатно отвечала, после того как мою мать посадили в тюрьму.

Мне нравилось, что бабушка ничего не изменила в доме. Каждый раз, входя в дверь, я словно бы возвращалась в детство, и она хотела, чтобы я чувствовала себя хорошо.

У меня всегда был запасной ключ с собой. Когда я вошла, внутри было тихо и тепло. Я окликнула ее и услышала приглушенный храп из гостиной. Она спала в кресле с раскрытым на коленях фотоальбомом. Ее длинные седые волосы рассыпались вокруг морщинистого лица. Я постояла немного, любуясь ею и ощущая большой прилив любви с горьковатым привкусом осознания того, что год от года она только стареет. Ей уже немного за семьдесят, и она начала выглядеть на свой возраст.

Половица подо мной скрипнула, и она сразу же зашевелилась. Ее глаза медленно открылись, и она широко улыбнулась, увидев меня.

— О, ты пришла, — воскликнула она, отложив фотоальбом, чтобы обнять меня.

— Конечно, пришла. Я соскучилась, — сказала я, крепко обнимая ее в ответ.

Позже она приготовила мне шоколадный кекс и большой стакан лимонада, как я любила еще в детстве. Мы сидели за кухонным столом, говорили о ее здоровье, о моей жизни и работе. За это время я уничтожила большую часть содержимого моей тарелки.

— Я думаю, ты должна искать другую работу, — сказала она. — Найти что-то более оплачиваемое, Эмма.

— Знаю, — согласилась я. — Это довольно сложно. Не так много вакансий, бабушка. Здесь теперь так много жителей. Вакансии есть, но конкуренция очень высокая. Работы в закусочной мне пока хватает.

— Просто не прекращай поиски. С притоком людей открываются новые компании. Может, ты сможешь найти вакансию бухгалтера. Несмотря на то, что это звучит не очень обнадеживающе, ты не должна оставлять попыток. Не правда ли?

Я кивнула, но все было не так просто. Знаю, что работа в закусочной удобна для меня, дает время для поиска чего-то еще, но есть счета, которые необходимо оплачивать, поэтому я почти всегда в убытке. Мне нужно поднапрячься и подыскать что-нибудь другое.

— Конечно, ты всегда можешь выйти замуж за богатого, — добавила она, усмехаясь.

— Здесь же крутятся сотни богатых молодых холостяков, — выдохнула я с сарказмом. — Боже, как я не подумала об этом? Пойду и подберу одного. Я уверена, один из них обязательно заинтересуется такой, как я, бедной официанткой.

— Часики тикают, дорогая. Время уходит.

— Мне двадцать три, бабуля! Сейчас люди женятся в сорок! Мы в двадцать первом веке, ты в курсе? Больше нет необходимости выходить замуж в пятнадцать.

Это правда. Бабушка вышла замуж в пятнадцать. Они с дедушкой прожили в браке тридцать пять лет, пока у него внезапно не случился инфаркт, и он не покинул ее. К сожалению, я никогда его не знала. Она не вышла замуж снова и не искала себе нового спутника.

— Ну, к разговору об этом, — начала она, избегая моего взгляда, — у тебя действительно никого нет, так ведь?

— Нет, бабуля, — сказала я, возвращаясь к своему десерту и доедая последние несколько кусочков. — Я бы сказала тебе.

Она скептически подняла бровь.

— Правда?

— Я ничего не скрываю от тебя. Если я встречу какого-нибудь парня, ты узнаешь об этом.

Она немного оживилась и небрежно ответила:

— Я просто хочу тебе напомнить: хоть я старая и дряхлая, но все же женщина.

— Знаю, бабуля, знаю.

— Это не праздное любопытство. Я хочу быть уверена, что ты посещаешь врача и заботишься о своей женской безопасности. Я имею в виду противозачаточные таблетки и все такое. Ты можешь не говорить об этом, если тебе неприятно, я не заставляю.

Я подавилась смехом.

— Ничего неудобного, и да, я предохраняюсь, не волнуйся.

Ее плечи немного расслабились.

— Прекрасно, ведь это важно, правильно?

— Правильно.

— Чем ты предохраняешься, могу я узнать? Я знаю, какая ты забывчивая на прием таблеток.

Я подавила вздох.

— У меня имплантат в руке.

— Имплантат — это хорошо, — она кивнула, но не успокоилась. — Но это же не защищает от болезней?

— Нет.

— Ты уверена в своих партнерах?

Я поежилась и подавила еще один вздох.

— Не волнуйся. У меня... знаешь, у меня никого не было *очень* давно, бабуля. Так что успокойся, хорошо? Я в порядке.

— Хорошо, хорошо. И знай, я всегда с тобой, несмотря ни на что, — она подарила мне свою нежную улыбку, согревшую меня до самого сердца.

— Я знаю, — проглотив ком в горле, почти прошептала я, глядя на нее. Эта женщина любила меня безоглядно, и я удивлялась, чем могла заслужить такую любовь.

— В любом случае, я рада, потому что у меня на примете есть мужчина для тебя.

За последние пару хреновых дней, я впервые рассмеялась. Бабушка не оставляла попыток сыграть роль свахи. Снова.

— О, Боже, — пробормотала я. — Кто на этот раз?

— Он доктор, — ответила она, явно гордясь собой. — С тех пор как доктор Брахим переехал, я хожу к нему.

Я засмеялась еще сильнее.

— Ох, значит, он твой доктор? Он достаточно стар, чтобы годиться мне в отцы?

— На самом деле, он молод. Я хочу, чтобы ты отнеслась к этому серьезно, — она пыталась меня вразумить, и я привыкла к тому, что она все еще видела во мне ребенка.

— И почему ты думаешь, что врач заинтересуется бедной официанткой, вроде меня? Его привлекают девицы в бедственном положении? Это то, что его заводит? Лучше этому быть так, иначе его ждет сюрприз?

Теперь она стала серьезной. Поджав губы и приподняв брови, она напустила на себя премудрый вид, еще более снисходительно глядя на меня.

— Его это не волнует, — ответила она. — Я показала ему некоторые твои фотографии.

— Ты что? — моя челюсть упала. Она всегда пыталась меня сосватать, но до такого еще не доходило. — Что значит, ты показала ему мои фотографии?

— Я ношу твои фото в кошельке, ты же знаешь.

— Ты имеешь в виду те, где я в брекетах, бабуля? С огромной кучерявой шевелюрой? На тех фото мне шестнадцать. У нас доктор, соблазнившийся на малолетку, и все благодаря тебе.

— О, замолчи, Эмма. Эти свежие, с прошлого Рождества. Ты иногда так все усложняешь. Он действительно хороший мужчина, а я умею разбираться в людях. Я уже свела тебя с ним в следующие выходные. Он сказал, что хочет пригласить тебя на ужин, но мне нужно получить твое согласие, прежде чем он закажет столик.

Я поняла, что это была засада. Неудивительно, что ей так не терпелось увидеть меня. Я знала, что она желает мне добра. В ее теле не было ни одной злой косточки. Я соглашалась на это только потому, что это сделает ее счастливой. Я чувствовала, что недостаточно делала для нее с тех пор, как стала жить отдельно.

— Я не хочу знать, как долго ты его обрабатывала, но хорошо.

Она мгновенно вспыхнула. Могу сказать, что мой ответ удивил ее. Скорее всего, она думала, что ей придется некоторое время меня уговаривать.

— Я дам ему знать и сообщу тебе детали.

— По крайней мере, могу я узнать, как он выглядит? У тебя есть его фото? Я не удивлюсь, если ты его сфотографировала. Наверное, выскочила прямо перед ним, как сталкер.

Она раздраженно вздохнула.

— Нет, этого я не сделала. Но из любопытства залезла в компьютер. У него есть

профиль на сайте клиники. Доктор Джоэл Хедленд, Эмбервэй-драйв, приблизительно в сорока минутах езды от Мэйпл-стрит, где ты живешь.

Я просто кивнула.

— Хорошо, бабуля. Я его поищу.

— Умница, — она всматривалась в меня пристальным взглядом. — Ты, кстати, говорила, что ходила куда-то с Ларой. Я не забыла об этом. Как все прошло?

Я пожала плечами.

— Не думаю, что увижусь с ней в ближайшее время.

— Это плохо.

Я кивнула и больше ничего не сказала. Я не могла. Она знала меня, как облувленную. Если бы я рассказала ей о той ночи, она бы поняла, что я что-то скрываю.

— Куда вы ходили? — спросила она как бы невзначай, но я хорошо знала этот тон. Она выуживала информацию.

— Хм, в «Совы».

— Это клуб?

— Да.

Она поджала губы, переваривая информацию.

— Я много слышала об этом месте. Знаю, что там ошивается много сомнительных личностей. Он принадлежит Маркусу Бордену, не так ли?

Одно его имя напомнило мне о сегодняшних событиях.

О его губах, лице.

О том, как ошеломляюще он меня завел.

Я напряглась и откашлялась, пожав плечами.

— Принадлежит ему? Я не удивлена. Ему принадлежит все, правильно?

Она нахмурилась.

— Я тоже так думаю. Но мне хотелось бы, чтобы ты избегала мест, которыми он владеет или хотя бы посещает. Этот человек — опасный преступник.

Бля, я не скажу ей о том поцелуе никогда, никогда, никогда.

— Хорошо, — вяло ответила я.

— Убийца, — добавила она серьезно.

— Подозреваемый, — поправила я к ее ужасу. — Разве не ты говорила, что нельзя судить о книге по ее обложке?

Она скептически вздернула бровь.

— К Бордену это не относится. Он дьявол.

Я ничего не ответила.

Почему, черт возьми, я, так или иначе, защищаю этого мудака? Он приходил ко мне на работу, запугивал меня, вынуждая молчать, что я уже и так с удовольствием делала. Потом он целует меня после того, как я ударила его, возбудив, и резко уходит.

И почему я *постоянно* думаю об этом?

— Та несчастная интеллигентная девочка погибла, — размышляла она, качая головой. — Наши сердца разбились, когда ее нашли в реке. Во всем виноват Борден. Если бы он не вернулся, она по-прежнему спокойно работала бы учителем. Она была такая красивая, такая милая. Ужас. Настоящий дьявольский ужас. Это всегда заставляет меня думать о тебе.

Я вздохнула, добирая крошки своего пирога.

— Да, я знаю. Ты много раз разыскивала меня и возвращала домой.

— Ну, ты всегда сбегала.

— Знаю. Я была испорченным подростком, мне жаль.

Нет слов, чтобы описать то чувство вины, которое я испытывала по отношению к ней. Это были темные годы моей жизни. Я была на грани депрессии, когда моя мать покончила с собой в тюрьме. Я много раз сбегала из дома, ища... *что-то* на улице и не находя.

— Это было трудное время для всех нас, — сказала бабушка, потянувшись, чтобы погладить меня по руке. — Но мы прошли через это. Я просто счастлива, что с тобой ничего не случилось.

Я избегала ее милого лица. Ей не нужно было знать, в скольких опасных ситуациях я побывала. Тупая дура, я думала, что смогла бы побороть мир своей ненавистью.

Слава Богу, тяжелые воспоминания вскоре отхлынули. Она устала. Я уложила ее спать, а она уговаривала меня остаться в гостевой комнате.

— Слишком поздно. Автобусы уже не ходят, — переживала она.

— Автобусы ходят до одиннадцати, бабушка. У меня полно времени. Не волнуйся.

— Но это опасно.

— Нет.

Да, опасно, но я могла постоять за себя.

Я оставила ее засыпающей и стала упаковывать в сумку еду, которую она отложила для меня. Один только запах сделал меня снова голодной. Она приготовила все самое вкусное. Все, что ей осталось — это в точности исполнять роль бабушки. Это стыд, что ее дочь не пошла по ее стопам, но я не хотела думать о своей матери или о том, что готовка и выпечка — это все, что есть сейчас в жизни бабушки. Потом я быстро прибралась в доме. Вымыла посуду и привела в порядок каждую комнату, надеясь на то, что завтра она проведет приятный день без домашних дел.

Я боялась идти на это свидание вслепую, которое она организовала. У меня не было отношений больше года, а даже и те, что были, длились недолго и быстро забывались. Вначале одиночество вызывало у меня депрессию, но потом я научилась не зависеть от мужчин и чувствовать себя при этом комфортно. Не хватало мне еще тратить время на беспокойство о счастье какого-то парня, когда я не могла позволить себе недельный запас продуктов.

Пока убиралась, я заметила древний ноутбук, купленный несколько лет назад, и включила его. Я не могла ждать возвращения домой, чтобы засесть за свой, так что села за кухонный стол и решила взглянуть на доктора. На сайте клиники он выскочил сразу, и я увидела его лицо на странице профиля. Он действительно выглядел молодым, с густыми темными волосами и вытянутым лицом. Привлекательный мужчина. Признаюсь, я стала меньше опасаться встречи с ним.

Я собиралась закрыть ноутбук, но на полпути остановилась. Любопытство взяло верх. Несмотря на все попытки похоронить эти мысли, я решила их немножко подкормить.

Чувствуя вину, я вбила имя Маркуса Бордена. Не потребовалось даже писать Нью-Рэйвен в поисковике, чтобы обнаружить его в первых результатах поиска. Там было много его фотографий. Он выглядел так же, как при сегодняшней встрече: суровый, отталкивающий, бесчувственный. Даже задолго до того, как нажить свое состояние, он был похож на уличного головореза. Там были и фотографии, где ему немного за двадцать. На некоторых он без рубашки. Замысловатые татуировки покрывали его когда-то худощавый торс, сползая вниз по рукам. Он был почти не узнаваем, если бы не эти пронзительные глаза.

Мерзавец неплохо скрывал их, хотя татуировки не выглядели отталкивающе.

На всех социально значимых событиях Нью-Рэйвена — вечеринках или благотворительных балах — рядом с ним никогда не было женщины, хотя выглядел он впечатляюще, одетый в стильные серые или голубые костюмы. Я прикусила губу, мысленно объединив эти и прошлые фотографии, представляя, что под этими костюмами скрываются татуировки. *И хищник.*

Там были также тонны статей о нем. О судебных исках и обвинениях против него — все вскоре после того, как он вернулся в Нью-Рэйвен, загадочным образом разбогатев. В это время он купил свой первый клуб и начал свои рискованные дела. Злые языки обсуждали, откуда на него свалилось столько денег. До меня доходили подобные слухи. Люди говорили, что он был трудным подростком, сидел в тюрьме, был замешан в торговле тяжелыми наркотиками и связан долговыми обязательствами с наркобаронами в нашей части города, и что какое-то время он жил в криминальном районе.

Основное внимание статей было сосредоточено на его давней любви, которая была убита и найдена в реке Нью-Рэйвен. Это было интересно, потому что никто не обвинил Бордена в совершении этого ужасного преступления, что породило длинную цепь криминальной активности впоследствии. Говорили, что это была месть. Два главных подозреваемых (оказалось, они были братьями) были найдены мертвыми недалеко от реки. Их тела были обгоревшими. Никто не смог доказать причастность Бордена к этому преступлению. У него было алиби всякий раз, когда требовалось. Он был хорошо подкован, к его услугам была мощная лига адвокатов. Он был, как говорили, неприкосновенен.

Я провела долгое время, подвергая сомнению мою сегодняшнюю смелость.

И поцелуй с таким ужасным человеком.

И возбуждение от этого.

Уххххххххх.

Чувство вины скрутило мой живот. Если бы бабуля узнала, она бы убила меня.

Закончив, я очистила веб-историю на тот случай, если бабуля окажется достаточно технически подкованной, чтобы проверить, какие страницы я просматривала; эта женщина не переставала удивлять меня. Затем я вышла за дверь и прошла три квартала до ближайшей автобусной остановки, крепко сжимая в кармане свой нож.

Вернувшись домой, я просмотрела все о нем снова.

И снова.

И... (вздых) снова.

Глава 12

Эмма

Оставшаяся часть недели прошла без особых событий. Блайт и Тесса стояли над душой из-за визита Бордена, но я хранила молчание. В конечном итоге они сдались, но пиздец как злились из-за этого. Хотя Блайт больше беспокоилась, что я была по уши в дерьме, однако, мне удалось убедить ее, что это не так. Но именно так и было. *Чеееррррт.*

Наступила пятница, и бабушка сообщила мне о том, что в северной части города на площади Нью-Рэйвен у меня назначена встреча с Джоэлом. Конечно же, это было

неудивительно, что такой доктор, как он, мог себе позволить жить там. Он передал, что будет ждать перед рестораном «Бистро Бэй» — очень шикарное место, в котором я, по понятным причинам, никогда не была.

Не сказать, что я с нетерпением ждала этого. Я, вроде как, хотела поскорее покончить со всем этим, потому что не была заинтересована в новых отношениях. В особенности потому, что всю прошедшую неделю чувствовала себя виноватой из-за заикливости на Бордене, хотя часть меня надеялась, что он вернется в кафе, чтобы закончить тот поцелуй.

Но ничего подобного не произошло.

Я мучилась с выбором одежды. Лучшее из того, что у меня было — это черное платье без бретелек, которое я надевала в клуб в выходной. Но для первого свидания оно слишком откровенное. Я остановила выбор на обычном красном платье с рукавами и глубоким V-образным вырезом. Оно определенно подчеркивало изгибы в нужных местах, что было трудно в последнее время, так как я почти ничего не ела, и вся одежда висела на мне.

Я выпрямила свои темные волосы. Без завитков они почти достигали локтей. В сочетании с бледным лицом я выглядела довольно невзрачно. Я не могла себе позволить приличную стрижку, поэтому нужно было придумать что-то еще. В итоге, я остановилась на красной помаде. Это было смело, но я надеялась, что сработает.

Когда я добралась до площади Нью-Рэйвен, уже начало темнеть. Вдоль нее тянулись ряды магазинов, клубов, ресторанов и садов. Я редко здесь бываю. Это мне не по карману. Я определенно опаздывала, усугубляя это тем, что не могла найти условленное место. Вокруг было множество модно одетых людей, парами или компаниями прогуливающих по улицам. Повсюду улыбающиеся лица. В таком окружении мне было неуютно. Создавалось ощущение, что я просто подделка в море привилегированных людей.

К тому времени, как мне удалось найти ресторан, я опоздала, запыхалась, а мои ноги гудели от туфель с высокими каблуками. Однозначно, они сделаны из кожи жопы Сатаны. Я сразу же заметила Джоэла. Он стоял, прислонившись к стене, и хмурился, глядя на часы.

Я надеялась, что не испортила все своим опозданием.

— Привет, — сказала я, осторожно подходя к нему.

Он взглянул на меня, окинув взглядом сверху вниз, словно оценивал товар. Его губы растянулись в широкой улыбке.

— Эмма, правильно?

Я кивнула, удивленная его слишком высоким для мужчины голосом.

— Да, это я.

Расслабившись, он оттолкнулся от стены и направился ко мне. Джоэл не был огромным, он был высоким и выглядел очень презентабельно (что помогало отвлечь внимание от его голоса). Он обнял меня, удивив нежным поцелуем в щеку. Вау, это слишком быстро.

— Я рад, что ты согласилась, — мягко сказал он. — Я волновался, что ты откажешься. Мы вынуждены поторопиться из-за твоего опоздания. Давай войдем, согласна?

Я моргнула, удивленная его замечанием о моем опоздании.

— Конечно, — пробормотала я.

— Кстати, ты прекрасно выглядишь.

Я заставила себя улыбнуться.

— Спасибо.

Он слегка дотронулся до моей поясницы (отчего мне всегда было неловко) и повел внутрь большого двухэтажного каменного здания. В мгновение ока великолепная

официантка провела нас к столику. Всю дорогу я откровенно таращилась вокруг. Все было такое большое и яркое, роскошные мягкие столы и стулья. Я никогда раньше не обедала в таком богатом месте. Здесь были большие высокие окна, которые повергли бы в стыд мою закусочную. Над головой висели хрустальные люстры. В обеденный зал на втором этаже вела длинная витая лестница.

Нам удалось немного поговорить, пока официантка, одетая в зеленую облегающую униформу, подавала нам меню. Она выглядела безупречно, каждый волосок прически лежал на своем месте. Впрочем, как и все остальные. Владелец ресторана явно предъявлял высокие требования.

— Когда ты забронировал этот столик? — спросила я, открывая меню. — Я не представляю, как можно попасть в подобное место без предварительного заказа.

— На самом деле, я заплатил за эту привилегию, — ответил он. — Я записан в листе ожидания на случай отмены чьей-то брони. Так и случилось три дня назад, и я немного доплатил за это.

О, Боже, весьма впечатляющий разговор.

— Я не уверена, что хочу знать, во сколько это тебе обошлось. Судя по цене этих блюд, я потеряю дар речи.

— Расслабься, — успокаивающе сказал он, подмигнув одновременно двумя глазами. — Выбирай, что хочешь, Эмма. Я более чем счастлив потратить целое состояние, если это дает мне возможность находиться рядом с такой красавицей, как ты.

Я бы покраснела, но... нет, не стала. По правде, меня это насторожило. Сколько мужчин пыталось заговорить мне зубы, и сколько из них делало это с единственной целью оказаться у меня между ног?

Некоторое время мы ждали наш заказ, и я изо всех сил пыталась мечтательно заглядывать в глаза мужчине, который явно был способен свалить девушку с ног, но внутри себя я ничего не ощущала. Ни бабочек, ни тепла, ни любопытства. Вместо этого возникла неловкая пауза. Ощущение, что ты в ловушке, как когда по ошибке открываешь дверь членам религиозного общества или сетевым продавцам, и тебе ничего не остается, кроме как выслушивать нелепую десятиминутную болтовню, прежде чем находишь предлог, чтобы как мурак спрятаться в доме.

Да, было подобное.

Когда наш заказ, наконец, прибыл, я попыталась подавить в себе желание нагнуться над столом и окунуть свое лицо в блюдо с морепродуктами, которое я заказала. Блядь, я целый год не пробовала устриц, а гребешки и того дольше. Это была еда, вкусом и запахом которой я намерена сполна насладиться, потому что, судя по всему, обед с Джоэлом будет одноразовым мероприятием.

— Твоя бабушка рассказывала, что когда-то ты изучала бизнес, — сказал он, завязывая разговор.

Я кивнула.

— В конце концов, я получила диплом по бухгалтерскому учету. Из-за нехватки денег у меня ушло на это два года. Сегодня образование очень дорогое. И здесь не так много вакантных мест, поэтому сейчас я застряла на работе официантки, которая мне действительно нравится.

— Нью-Рэйвен, несомненно, разросся. Думаю, пройдет немного времени, и у людей начнет появляться работа. Ты знаешь, я могу представить тебя, работающей в таком месте,

как это. Подумай о чаевых.

Я чуть не рассмеялась.

— Да? Думаю, что сейчас я далековато живу. Но было бы круто.

Снова тишина.

Его глаза прикованы к моему лицу. Это немного неприятно, когда на тебя так откровенно пялятся. Но помимо этого я чувствовала на себе еще чей-то взгляд. Я оглядела ресторан, чувствуя себя параноиком от мысли, что этот взгляд принадлежит мужчине, о котором я читаю в интернете, тратя, тем самым, свое время.

Слишком много времени.

Охрененно много.

— Как тебе моя бабушка? — спросила я, возвращая внимание к Джоэлу. — Надеюсь, это не она заставила тебя пригласить меня?

Он слегка засмеялся и покачал головой.

— Нет. Она не заставляла меня. Просто показала твою фотографию, и я не смог сказать «нет». Но признаю, она очень настойчивая женщина, не так ли?

— Настойчивость — одно из определяющих качеств моей бабушки, — усмехаясь, согласилась я.

Мы поговорили еще немного. Джоэл рассказал мне, что пробовался на две вакансии: одна — тюремного врача, а вторая — в клинике, куда ходит моя бабушка. Естественно, он получил вторую, которая его полностью не удовлетворяла.

— В тюрьме Нью-Рэйвен находятся опасные преступники, это довольно печально известное место, и я бы не слишком расстраивалась, если бы не получила там работу, — утешала его я.

Он пожал плечами.

— Да, но опыт был бы огромный. Знаешь, туда можно приезжать, когда захочешь. Это место — абсолютная глушь. Ты слышала о человеке, сбежавшем оттуда четыре года назад?

— Нет. Я не представляю, как это могло произойти.

— Ну, он и не удался, — искренне ответил он. — Его нашли в десяти километрах от тюрьмы. Он умер от обезвоживания. Его смогли обнаружить по стаям ворон, кружившимся над ним. Они почти полностью обглодали тело. А идентифицировать смогли только по нескольким оставшимся частям тела, а именно по пальцам.

Я содрогнулась от отвращения.

— Ну... ему не повезло.

— Я должен свозить тебя туда как-нибудь.

Скривившись, я приподняла бровь.

— Экскурсия в тюрьму?

— Она здорово укреплена и производит сильное впечатление, если ты разбираешься в архитектуре. Я раз пять был там, и мне никогда не надоедает. Особенно мне нравится ездить в тот район, где нашли того человека. Есть что-то жутко-мнящее в местах, где, ты знаешь, что кто-то умер. Это как быть наедине с природой.

Хм.

Ну, это странная тема для разговора, и было немного жутко от того, насколько увлеченно он говорил об этом. Мой уровень неприязни повысился, особенно когда я заметила, как загорелись его глаза при разговоре о поездке туда. Пока все было довольно терпимо. Сейчас я обедаю с доктором, который имел странную манию, связанную с

тюрьмой, и производил впечатление надыхавшегося гелия из десятка воздушных шаров.

Эти глаза могли бы блеснуть еще ярче?

Снова появилась официантка, интересуясь, как у нас дела. Джоэл заказал еще вина, и она удалилась. Я уставилась на свою еду, пытаюсь найти какую-то другую тему для разговора.

— Были и другие, кто умер в тюрьме, — продолжил он, разбивая мои надежды. — Некоторые в камерах, но, к сожалению, туда не пускают посетителей.

Какого хрена?

— Ужас.

— Да.

Тишина.

Я провела рукой по волосам и снова оглядела ресторан, с каждой минутой становясь все более угрюмой. Спасения нет. Я просто уверена, что умру старой девой с покрытой паутиной вагиной.

Вернулась официантка и нагнулась над столом, чтобы наполнить его бокал. Я не уловила этого боковым зрением, но услышала, как она ахнула, и потом увидела, что стакан с вином качнулся на краю стола и опрокинулся на Джоэла. Он зашипел, будто ошпарился кипятком, и моментально вскочил со стула.

— Блядь, ты специально? — прорычал он, резко вскакивая на ноги и пытаясь руками оттереть винное пятно от рубашки.

— Боже, мне так жаль, — извинялась официантка, с ужасом глядя на него, тут же ставя бутылку на стол и выхватывая у него салфетку. — Мне так жаль!

— Жаль? Это все, что ты можешь сказать? Неужели, блядь, так трудно налить бокал вина, женщина? У тебя две левых ноги? Это абсурд!

Когда она приблизилась, чтобы помочь ему вытереться, он зарычал и выхватил салфетку из ее рук. Пропустив мимо ушей ее извинения, Джоэл продолжил свою тираду.

— Ты знаешь, сколько стоит эта рубашка? Или эти брюки? Ты представляешь себе? Я не печатаю деньги.

Официантка отпрянула, дрожа всем телом от его внезапной ярости. На минуту я была сбита с толку, заметаившись между ними, как олень в свете фар, но в итоге взяла себя в руки.

— Все хорошо, — сказала я, мягко посмотрев на нее. Потом пристально взглянула на Джоэла. — Это недоразумение, Джоэл...

— Я понимаю, что это было недоразумение, — резко ответил он, практически выплевывая слова. У него было искаженное от бешенства лицо. — Но это очень дорогое недоразумение. Я хочу поговорить с владельцем прямо сейчас. Или с управляющим. Или с кем-то, перед кем ты отчитываешься.

Официантка смутилась.

— Он не... он не любит, когда его беспокоят.

Джоэл окатил ее ледяным взглядом.

— Меня не волнует, что *ему* не нравится. *Я* гость. *Я* плачу за эту еду. Не моя проблема, что тебе придется побеспокоить его. Просто приведи его.

Она развернулась и быстро исчезла из поля зрения. Я пребывала в шоке от абсурдной реакции этого мужчины. Он сел на место и швырнул на стол салфетку, тихо матерясь под нос.

— Мое поведение обоснованно, — сказал он, заметив мое раздражение. — Все в жизни

стоит денег, Эмма. Она не должна остаться безнаказанной, совершив подобную ошибку.

Я приподняла бровь.

— Что ты собираешься сделать?

— Потребую компенсацию. Либо не буду платить за обед. Я ожидаю, что по отношению к ней примут соответствующие меры.

— И как, ты думаешь, с ней нужно поступить?

— Будь она моим сотрудником, я бы уволил ее.

Моя челюсть упала, но я воздержалась от употребления красочных выражений. Правда, я была возмущена не меньше его, но совсем не из-за дурацкого вина, пролитого на его гребаный идиотский костюм. У меня было несколько стычек с дерьмовыми клиентами, пытающимися заставить меня чувствовать себя маленькой и жалкой, но это... это было просто подло. Мне очень хотелось отставить свою тарелку и сбежать от доктора-одержимого-смертью, но я не хотела, чтобы официантку уволили. Я готова была поручиться за нее, если бы это потребовалось, когда появится владелец.

Внезапно воцарившаяся тишина вырвала меня из гневных мыслей. Секунду спустя послышались шаги, они становились все громче и ближе. Сначала я увидела официантку. За ней виднелись ноги мужчины, держащего руки в карманах и шагающего в нашу сторону. Все в нем кричало о силе и уверенности в себе, но было и что-то знакомое. Я тяжело сплотнула, когда мои глаза увидели потрясающе крепкое тело и мрачное лицо Бордена.

Блядь. Блядь. Я когда-нибудь избавлюсь от этого мужчины?

Он даже не подал виду, что узнал меня, остановившись у стола. Его взгляд сосредоточился на Джоэле.

— В чем проблема? — потребовал он, резко переходя непосредственно к делу.

Глаза Джоэла округлились при виде Бордена. Он был удивлен не меньше меня. Мы, наверное, думали об одном и том же. Когда Борден стал владельцем этого ресторана, помимо остальных мест, принадлежащих ему?

— Никаких проблем, — сказала я вдруг, на краткий миг, обратив на себя его внимание.

— Я не с тобой разговариваю, куколка, — ответил Борден и указал на Джоэла. — Я обращаюсь к доктору.

Джоэл выпрямился и жестом указал на официантку, затем на красные пятна на рубашке.

— Произошел инцидент.

Борден даже не взглянул на рубашку. Он твердо удерживал взгляд на лице Джоэла, после чего проскрежетал:

— Объясни?

— Она пролила вино на меня и на мою еду.

— И чего же вы хотите?

Джоэл молчал, явно озадаченный вопросом. Было довольно очевидно, чего он хотел, но, я полагаю, на самом деле не ожидал, что сможет сказать это.

— Как минимум, я требую какой-то компенсации. Эта рубашка стоит четыреста долларов, мистер Борден.

Мое дыхание ослабло во время этого диалога. Вокруг ощущалось напряжение и неуверенность, будто мы балансировали на канате, и одно неверное движение могло стоить нам жизни. Борден был непроницаем, его жесткий взгляд не изменился, в то время как Джоэл старался вести себя настолько напористо и круто, насколько был способен. Он

проигрывал. Я видела капли пота, появившиеся у него на висках. Хуже всего было то, что внимание всего ресторана было сосредоточено на нас. Все лица были обращены к нам, молча наблюдая за человеком, настырно выпрашивающим у Бордена вернуть ему гребанные четыреста долларов.

Борден несколько минут смотрел на Джоэла. Затем вытащил из кармана бумажник и открыл его. Моя челюсть снова отвисла от удивления, когда Борден начал вытягивать оттуда одну за другой стодолларовые купюры, непрерывно сверля Джоэла взглядом, напомнившим мне о том, каким страшным он был в клубе и в закусочной. Он был пугающим. Блядь, возможно, он был самым страшным человеком, которого я когда-либо встречала в своей жизни. Так какого хрена внутри меня так потеплело? Почему страх внезапно перерос в возбуждение?

Джоэл расслабился на своем стуле, его губы приподнялись в улыбке, когда он смотрел на четыре сотни, покидающие кошелек Бордена. Но Борден не дал ему денег. Вместо этого он оторвал свой взгляд от Джоэла и посмотрел на стоящую рядом с ним официантку. Он кивнул ей, и она неуверенно приблизилась. Обняв за плечи, он притянул ее к себе и медленно засунул четыре купюры в вырез ее топа, спрятав в лифчике.

— Иди, — приказал он.

Широко раскрыв глаза, она развернулась и поспешила к задней части ресторана. Борден обратно повернулся к Джоэлу.

— Теперь давай решим твою проблему, — сказал он.

Я чуть не подпрыгнула, когда за спиной Джоэла возник Хоук. Настолько поглощенная Борденом, я не заметила, что мы были окружены его людьми. Хоук схватил Джоэла за руку, заставляя встать. Не прошло и секунды, как с него грубо сдернули пиджак, а пуговицы рубашки полетели в разные стороны. Несколько секунд спустя от рубашки ничего не осталось, и Хоук лениво бросил ее на пол под ноги.

— Вот, — пробормотал Борден, указав головой на кусок ткани. — Нет рубашки — нет проблемы.

Глаза Джоэла стали размером с блюдца.

— Но... она пролила на меня вино! Это ее вина!

— Она пролила на тебя вино, и поэтому ты обращался с ней, как с дерьмом, — огрызнулся Борден, его ноздри раздулись. — Она работает на меня, это мой актив, а ты унизил ее. Значит, ты унизили *меня*.

С абсолютно красным лицом Джоэл стоял несколько минут, одетый только в брюки и майку. Он заметил устремленные на нас взгляды всех посетителей, и покраснел еще больше.

— Джоэл, — быстро прошептала я, перегнувшись через стол, — просто извинись.

— Извиниться? — повторил он в шоке. — Я ничего не *делал*! Этот человек — псих!

Я зажмурилась. Господи Боже, какого черта он творит? Он ищет смерти?

— Псих? — отчетливо повторил Борден.

Джоэл не ответил. Я видела, как к нему приходит понимание того, насколько сильно он облажался. Он снова взглянул на Бордена, выглядящего с каждой минутой все более устрашающе.

— Я псих? Это то, что ты сказал? — спросил Борден, его взгляд стал испепеляющим.

— Мы должны уйти сейчас же, — сказала я Джоэлу.

— Согласен, — хладнокровно вмешался Борден. — Позвольте вам помочь.

Он подошел и резко схватил Джоэла за майку, толкая его на стол. Наши бокалы

свалились, содержимое вылилось на еду. Джоэл был примерно одного роста с Борденом, но проигрывал в массе. Страх отразился на его лице, и я понимала: нет никакой возможности выпутаться из этой ситуации, минуя Бордена.

— Человек обедает в *моем* ресторане, ест *мою* еду, оскорбляет *мою* официантку и имеет наглость называть меня психом, — громко заявил Борден, чтобы слышали все присутствующие.

Я встала, в гробовой тишине беспомощно наблюдая за тем, как разворачиваются события. Все в ужасе наблюдали, как Борден потащил Джоэла к выходу, сжимая его за шею. Я вышла из транса и побежала за ними, спотыкаясь на каблуках.

К тому времени они уже были на улице, Борден легко швырнул Джоэла на тротуар. С глухим стуком он упал на бок, крихтя от боли, когда его тело проехало по асфальту. Вместо того чтобы успокоиться, Борден снова подошел к нему.

— Прекрати, — в истерике закричала я. — Хватит! Мы уезжаем!

Борден не обратил на меня внимания, рывком снял и бросил свой пиджак. Сурово глядя на Джоэла, он начал засучивать рукава своей рубашки.

— Ты назвал меня психом. Я покажу тебе, кто такой псих, — сказал он, не повышая голоса.

Наклонившись, он схватил Джоэла и поднял его на ноги. Доктор был слишком потрясен, чтобы понять, что происходит.

— Назови меня психом еще раз. Давай...

Джоэл покачал головой.

— Я не хотел...

Борден прервал его ударом по лицу. Кровь хлынула из носа Джоэла, когда он упал на спину.

— Назови меня психом, — обманчиво спокойно повторил Борден сквозь стиснутые зубы, стоя рядом с его покалеченным телом. — Давай.

Он снова схватил Джоэла, и во мне вскипел гнев, добавляя силы. Я подбежала, схватила его за плечо и закричала прямо в ухо:

— Просто оставь его в покое. Отпусти его! — крича, я заметила прохожих. — Кто-нибудь, остановите его! Помогите!

Никто бы и не помог.

Отбросив мысли о том, кто передо мной, я схватила его за руку и встала между ним и Джоэлом. Борден собирался пройти мимо, но я заставила себя шагнуть в его сторону, умоляя остановиться.

После первого удара лицо Джоэла было кровавым месивом, и Борден готовился нанести следующий. Я не могла этого допустить.

— Оставь его в покое, — сказала я ему, и, недолго думая, схватила его лицо двумя руками, пытаясь повернуть к себе. — Посмотри на меня! — строго сказала я, приближая свое лицо так, что между нами осталось всего несколько сантиметров. Ему ничего не оставалось, как посмотреть на меня.

Голубые глаза Бордена, моргнув, на мгновение остановились на мне, потом на лежащем на земле Джоэле, затем снова на мне.

— Посмотри на меня, Борден.

Он явно не ожидал этого. Диким взглядом он уставился в мое лицо и помотал головой, словно пробуждаясь ото сна.

— Посмотри на меня.

Мышцы его лица немного расслабились.

— Оставь его в покое, — сказала я, не разрывая зрительного контакта, чтобы он не смог снова взбеситься. — Оставь его в покое, Борден. Он мудака, я знаю. Он вел себя ужасно, официантка не заслужила этого, но дело сделано. Просто оставь его в покое. Черт, давай поговорим об этом. Только ты и я. Мы сможем разобраться с этим. Я-я могу говорить за него, и мы разберемся, но просто... не бей его. Хорошо? Ты достаточно сделал.

Казалось, он не двигался целую вечность. Его взгляд путешествовал по моему рту, задержавшись там на несколько секунд. Внезапно он отошел от Джоэла, и я опустила руки, убедившись, что его внимание сосредоточено на мне. Его глаза ни разу не оторвались от моих, и мне потребовались все силы, чтобы не отвернуться. Он был настолько чертовски пугающим, нереально пугающим. Если бы во мне осталась хоть капля здравого смысла, я должна была бы трястись до самых пяток.

Я вздрогнула, когда он поднял руку к моему лицу. Подавив дрожь, я почувствовала его пальцы, легко движущиеся вдоль моего подбородка и вокруг нижней губы. Его лицо выглядело удивленным. Затем он опустил руку.

— Будь за моим столиком через пять минут, — сказал он мне.

Отвернувшись, он небрежно поднял свой пиджак с земли и направился обратно в ресторан, даже не взглянув на меня. Его тело расслаблено, он не получил никаких повреждений. Оглянувшись, я увидела не меньше нескольких десятков людей, толпящихся на тротуаре вокруг и недоуменно глазеющих на меня. Им, как и мне, наверное, тоже было интересно, какого хрена тут произошло?

Повернувшись к Джоэлу, я опустилась на колени и подолом платья вытерла его лицо. Рядом стояла корзинка с салфетками из ресторана. Я посмотрела на другую официантку, которая выглядела глубоко взволнованной этим кровавым месивом.

— Спасибо, — тихо сказала я.

— Я могу вызвать скорую, если хотите, — предложила она.

— Хочешь поехать в больницу? — спросила я Джоэла. — Ты слышишь меня? Отвезти тебя в травмпункт?

— Нет, — ответил Джоэл, едва открыв глаза. — Домой. Отвези меня домой.

Прежде чем я успела ответить, на нас упала чья-то тень. Я взглянула на двух мужчин, одним из них был Хоук, и увидела, как они наклонились и подняли Джоэла с земли.

— Что вы делаете? — спросила я. — Отпустите его!

— Мы позаботимся о том, чтобы он уехал отсюда, — ответил Хоук. — Иди внутрь.

— С ним все будет в порядке?

Они не ответили. Я смотрела, как его подняли на ноги и повели прочь. Разбитая голова Джоэла опустилась вниз, его тело обмякло, он с трудом двигался.

— Вам действительно нужно идти, — печально сказала мне официантка. — Мистер Борден не любит ждать.

Она вернулась в ресторан, а я просто покачала головой. Что случилось с моей тихой размеренной жизнью? Ощущение, будто я в другой реальности.

Я вернула свое внимание к входу в ресторан, внутри которого меня ждал псих.

Жуткие разговоры Джоэла о тюрьмах внезапно показались не такими уж плохими.

Глава 13

Эмма

Я находилась в состоянии абсолютного ужаса, когда появившаяся из ниоткуда официантка проводила меня к его столику, расположенному в укромном закутке на втором этаже. В ожидании я остановилась недалеко от уже сидящего там Бордена. Поглядывая на свой мобильник, он разговаривал с сидящим напротив него мужчиной. Он выглядел таким равнодушным. Его не волновало, что он только что избил человека и устроил это представление?

Я понимала, что Джоэл, возможно, заслуживал дерьмового отношения к себе за то, что сделал, но сорвать с него рубашку и избить? Это слишком. Простого «убирайся из моего ресторана» вполне хватило бы.

Собеседник Бордена обедал и, казалось, был единственным, кто говорил, Борден же отвечал отрывистыми фразами, которые я едва могла расслышать.

— Это будет очень выгодно для вас, мистер Борден, — говорил он.

— Я так не думаю.

— Вы могли бы заработать много денег.

— У меня уже они есть.

— Их никогда не бывает достаточно.

— Я не соглашусь.

— Что я могу сделать, чтобы убедить вас инвестировать?

— Если вы не убедили меня до этого, вряд ли что-то поможет.

Несколько минут спустя мужчина встал, разочарованно бросил на стол салфетку и ушел. Не прошло и секунды, как официантка подбежала, быстро убрала со стола и кивнула мне.

Пока я шла к его столу, практический каждый человек в зале смотрел на меня. Борден, ни разу не взглянувший на мужчину, с которым обедал минуту назад, внезапно посмотрел на меня, и головы всех окружающих в мгновение ока отвернулись. Как и тогда в закуской, его власть витала в воздухе. Я ощутила угрожающее чувство беспомощности, как только приблизилась к нему.

Усаживаясь на место, я изо всех сил старалась не дрожать.

— Твой заказ приготовили еще раз, — небрежно сказал он.

— Я не голодна, — спокойно ответила я, теперь уже избегая его взгляда. Теребя салфетку, сложенную передо мной на столе, я слышала, как он поерзал в своем кресле.

— Ты почти ничего не съела. Ты бедная, худая и явно голодна.

— После вашего уличного представления, это последнее, на что вы должны обратить внимание.

— Мое уличное представление не было таким зверским, как могло бы, если бы ты не остановила меня.

Мельком взглянув на него, я резко ответила:

— Джоэл не заслужил, чтобы его так избили, мистер Борден.

— В присутствии всех посетителей он оскорбил моего сотрудника и назвал меня психом в моем ресторане. Такое никому не пройдет даром. Я должен соответствовать своей репутации, Эмма. Если я спущу с рук такую мелочь, это создаст эффект снежного кома. Дерьмо быстро накапливается. Только так это и работает, куколка. Кроме того, — добавил

он с промелькнувшей на лице брезгливостью, — этот доктор скрывает много опасного. Мании, которые... трудно понять, мягко говоря. Ты должна благодарить меня за избавление от этого извращенца. Ты же не хочешь, чтобы однажды твои туфли нашли на обочине шоссе, верно?

И это вызывает беспокойство, хотя после моего разговора с Джоэлом я бы этому не удивилась.

— Откуда ты знаешь? — вслух поинтересовалась я, внимательно изучая его.

Он помолчал.

— Потому что я хотел это знать.

Мои брови сдвинулись.

— Но ты знал раньше? Или... — или ты выяснил, что я собираюсь на чертов обед с парнем, и его проверили?

Казалось, он понял мой вопрос и решил ответить легкой ухмылкой, которая могла означать что угодно.

— Хорошо, — прошептала я себе, посмотрев в сторону и снова на салфетку — это не ослепляет и не пугает и, что более важно, не возбуждает меня.

На несколько минут между нами возникла тишина. Я продолжала размышлять о том, как сильно я хочу убраться отсюда и вернуться домой. Никогда больше не появлюсь в этой части города. Черт, я подозреваю, что не покину территорию моего жилого комплекса в ближайшие полгода, исключая поездки на работу.

Передо мной поставили новую тарелку с моим заказом, все было приготовлено заново и пахло божественно. Я украдкой еще раз взглянула на Бордена, а потом быстро опустила глаза в тарелку. Он тяжело и пристально смотрел на меня, изучая так глубоко, как никто раньше. Это совсем не было похоже на жуткий взгляд Джоэла.

Нет, это было нечто большее.

У него в руках что-то было, и маленький проблеск подсказал мне, что это та же обычная зажигалка Zippo, которой он поигрывал раньше. Он вертел ее в руках, и я задалась вопросом, курит ли он. Я, конечно, не почувствовала запаха, когда он целовал меня... и, тьфу, почему я снова об этом подумала. Вспомнив тот момент, когда была рядом с ним, я смутилась и покраснела. И предположение, что он может знать, о чем я думаю, делает меня еще большим параноиком.

— Забавно, что мы оказались в одном ресторане после того, что случилось, — наконец, заметил он. — Мне кажется это немного странным.

Да, это было странно, но теперь я уже с подозрением смотрела на него.

— Где еще я обнаружу тебя в следующий раз? — спросил он. — Там, где я завтракаю? У меня на работе? Я бы предпочел, чтобы ты озвучила мне сейчас, чтобы избежать сюрпризов в дальнейшем.

Я удивленно приподняла бровь.

— О чем ты говоришь?

— Я не удивлюсь, если ты не только официантка. Что скажешь?

О, черт. Он думает, что я из полиции?

— Скажу, что ты параноик. *Снова.*

Он опять поерзал в кресле, из его горла вырвался нервный смешок. Я не смогла сдержаться и еще раз взглянула на него. Его бездонные голубые глаза были все еще сосредоточены на мне, словно он подшучивал надо мной, и это придавало ему обманчиво

дружелюбный вид.

В плане внешности у него потрясающие гены. Как жаль, что он был психом! Мне требовалось напоминать себе об этом снова и снова. Я задалась вопросом, что случилось с тем мужчиной на старых фотографиях. Что превратило его в этого страшного парня, сидящего сейчас передо мной?

Попытавшись подавить раздражение, я покачала головой.

— Кстати, будь я полицейским, с какой стати мне работать официанткой в другом конце города в заведении, которое вам даже не принадлежит? В этом нет никакого смысла.

— Я сталкивался с этим раньше. Сексапильные женщины, увешанные жучками для прослушки, постоянно подкатывали ко мне в надежде разговорить...

— Хотите меня обыскать? На мне нет ничего, кроме этого маленького платья, под которым, могу вас заверить, нет места для жучков.

— Ты мне разрешаешь?

Я заставила себя сердито на него взглянуть. Пусть думает, что я обиделась на это жалкое подозрение. Но увидев его лукавый взгляд и ухмылку в уголках рта, я просто взбесилась.

Он играл со мной.

Конечно же, я не была полицейским.

Конечно же, на мне не было жучков, и я не преследовала его.

Сейчас он не был устрашающим, в данный момент он был полным мудаком.

— Вы пригласили меня за ваш столик с определенной целью, мистер Борден, или я просто ваше развлечение на сегодняшний вечер? — прямо спросила я.

Он наклонился вперед, его большое тело закрыло весь мой обзор, а огромные руки были сцеплены. Его лицо зависло в районе середины стола, он впился в меня этим взглядом, будто долгое время был лишен права видеть меня.

Понизив голос, он хрипло сказал:

— Если бы ты была моим развлечением на вечер, то с трудом бы смогла уйти отсюда — и это не потому, что тебя бы избили, как ты, вероятно, подумала.

От подобного заявления, сказанного так искушающе, мое дыхание стало прерывистым, щеки вспыхнули, но не от лести, а от шока. Пока малюсенькая, крохотная, незаметная часть меня гадала, как бы это было, я сосредоточилась на своем возмущении.

Я тоже подалась вперед, наслаждаясь гневным адреналином, который он разжег во мне, и спокойно ответила:

— Я никогда бы добровольно не согласилась на то, что вы находите столь занятым, мистер Борден.

Его ухмылка сделалась шире, когда он взглянул на мои губы.

— Увидим, мисс Уорн.

Это был вызов?

— Нет, не увидим, — я чуть отклонилась. — Мы договорились больше не встречаться, помните?

— Я помню все, о чем мы договорились, куколка.

— Ничего не изменилось, правда?

Он склонил голову, сканируя мое лицо, будто пытался что-то просчитать. Я была слишком поглощена попытками контролировать свои нервы, чтобы не превратиться в ходячее землетрясение. Буквально врывшись ногтями в кожу ладоней, я сжимала их в кулаки

под столом, чтобы унять дрожь.

— Ты всегда была сильной, не так ли? — ни с того, ни с сего спросил он. — С детства и до сегодняшнего дня. Ты толстокожая. Мне нравится это в тебе. Тебя стоит держать поблизости.

Я удивленно моргнула.

— Если это попытка опрокинуть меня на ваш стол, я не вижу в этом ничего хорошего.

Он снова усмехнулся.

— Я не собираюсь причинять тебе боль, если именно это тебя беспокоит.

— Просто угрожаете мне?

— Зачем мне угрожать, если ты так хорошо бьешь меня за это? Определенно, со мной такое было впервые, мисс Уорн.

Пытаясь спрятать улыбку, я отвернулась и вцепилась в салфетку. Мне хотелось воспользоваться случаем и спросить, почему он поцеловал меня за это, но тогда пришлось бы, в первую очередь, признать, что я ответила на поцелуй этого самоуверенного мудака.

Легкая улыбка скользнула по его губам.

— Почему ты не смотришь на меня?

— Вы пугаете.

— Однако это не мешает тебе спорить со мной.

— Во всем виноваты годы непокорности.

— Мне нравится твоя непокорность, — еще тише сказал он, возвращая сексуальный голос.

Достаточно, чтобы ты завелся? Хотела бы я спросить.

— Вы такой властный, не так ли, мистер Борден? У вас все должно быть под контролем.

Он рассеянно пожал плечами.

— На самом деле, мне это не нравится.

Я нахмурила брови. Что он этим хотел сказать?

— То, что вы сделали с Джозелом, — начала я, ища на его лице хоть какие-то эмоции, — вам не нравится? Вы об этом говорите?

Его взгляд вернулся ко мне, и, полностью игнорируя мой вопрос, он сказал:

— Почему ты ничего не рассказала полиции?

К чему он ведет?

— Потому что, — пробормотала я.

— Потому что, что?

— Потому что... — я остановилась, уже поняв, к чему он клонит. — Я испугалась.

— И теперь, когда ты знаешь, что я не причиняю боли женщинам, побежишь?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я... все еще боюсь вас.

Он кивнул.

— Правильно. Как только страх проникает под кожу и оседает внутри, ты не можешь уже его неожиданно отключить. Ты научилась бояться слухов, распространяемых по всему городу, и ты испытала это той ночью, когда заметила моих людей, молотящих мужчину, который должен был мне денег. Теперь ты принадлежишь мне.

Моя челюсть отвисла, и я в растерянности посмотрела на него.

— Я принадлежу вам?

— Да. Так я всех контролирую. Ты сделаешь все, что я скажу, потому что боишься.

— Это действительно срабатывает? Вы собираетесь заставить меня сделать то, чего я не захочу? — блядь, он хочет мое тело? Так вот почему он творит все это, я поняла.

Он раздраженно нахмурился.

— Я не насилую женщин, если это то, о чем ты говоришь. По-любому, я в этом не нуждаюсь. Мне хватает тех, что липнут ко мне, а тело — это просто тело, в конце концов. Прости, если разочаровал.

Мои плечи облегченно опустились, но я все-таки вспыхнула от его эгоистичного замечания.

— Я не разочарована, мистер Борден.

— Конечно, да. После того представления в кабинете твоего босса я склонен думать, что ты способна на большее.

— Не я поцеловала вас первой, мистер Борден.

— Но ты определенно не остановила меня, не так ли? — снова ухмылка.

Я закипела.

— У меня не было выбора, и я действительно не хотела этого.

— Не ври. Часть тебя увлечена мной, уличная кошка. Часть тебя хотела узнать.

— Узнать что?

— Каково это будет, если я трахну тебя. Потому что если один поцелуй был так хорош, представь остальное. Я все еще удивлен, насколько быстро ты растаяла подо мной, как масло. Сладкое, растаявшее масло. Охуенно вкусное, если быть честным.

Господи, он хорош.

Он убивал меня.

Мое тело наполнилось позорным теплом. Оно охватило меня целиком, и я неубедительно пробормотала:

— Мне неинтересно узнать, и думаю, вы ничем не отличаетесь от остальных, так что вы неправильно все поняли.

Это была ложь.

Нагая ложь, и он это знал. Он читал меня, как раскрытую книгу. Но Борден не мог знать, как много ночей в последнее время я провела, узнавая все о нем, читая эти сплетни, разглядывая эти фотографии, эти губы, пытаюсь проникнуть в тайну Маркуса Бордена. Но здесь и сейчас, казалось, будто бы он знал это.

Возможно ли это? Я вдруг заволновалась, мог ли он раздобыть эту информацию, или он просто мог читать меня досконально.

Секунду я была слишком напугана, чтобы взглянуть на него, а теперь не смогла бы оторваться от его голубых глаз, даже если бы попыталась. Он впился в меня этим завораживающим взглядом, проникая прямо в душу. Почему мой разум и тело неожиданно взревели от безразличия и, одновременно, интереса к этому мужчине? Наедине с собой я могла легко убедить себя, что он был безумен, но здесь, так близко ко мне, он был безумно притягателен. Я чувствовала себя соблазненной, наверное, как и все беспомощные женщины до меня, уязвимые и готовые броситься на него.

— Ты очарована мной, — медленно сказал он. — Я вижу это по твоим глазам. Ты жаждешь чего-то другого, нового. Возможно, как и я.

Я сглотнула, не желая соглашаться на его заявление.

— Зачем я здесь, мистер Борден? Давайте перейдем к делу.

— Ты другая, — спокойно заметил он.

— Другая в чем?

— Просто... другая. Я вижу цвета, когда ты рядом.

Цвета. Что это значит?

Моя грудь сжалась от ощущения той тоски, которая скрывалась внутри него.

Что-то не так. Наглый высокомерный мужчина пару секунд назад исчез, и мне хотелось разговаривать с тем, кто был передо мной сейчас, пока он снова не закрылся. Я открыла рот, чтобы ответить, когда его телефон зазвонил. Пузырь, в котором мы позволили себе спрятаться, лопнул. Он со вздохом нажал кнопку на телефоне и поднес его к уху.

— Что? — требовательно спросил он.

Борден слушал внимательно, и я уже чувствовала, как сгустился воздух. Он отдалялся, возвращаясь к своему прежнему облику.

— Выезжаю через несколько минут, — сказал он, прежде чем завершить вызов, и посмотрел на меня. — Я вынужден сократить наше собеседование, мисс Уорн.

Я замерла, дыхание перехватило. Собеседование?

— Что? О чем вы говорите?

— Вы мне нравитесь, и, думаю, станете удачным приобретением для моего бизнеса. Спасибо, что проявили заинтересованность...

— Я не выражала никакой дерьмовой заинтересованности. Блядь, я не понимаю, о чем вы сейчас говорите.

Он спокойно посмотрел на меня.

— Вы бухгалтер, не так ли?

Я не ответила. Я была слишком растеряна, чтобы что-то понимать.

— Моему клубу требуется бухгалтер, и как можно скорее. Вы приняты. Будете работать рядом со мной...

— Нет, — оборвала я, повергнутая в шок его словами. — Я не буду ничего делать рядом с вами. Я даже не понимаю, о чем вы говорите!

Он засунул телефон в карман и откинулся на спинку стула.

— Это хорошо оплачиваемая должность, гораздо более оплачиваемая, чем твое нынешнее место работы. Ты должна быть мне благодарна. Не так часто кто-то мне нравится настолько, что я предоставляю ему место.

— Я не хочу наниматься к вам. Я счастлива и тем, что у меня есть.

— Ты счастлива жить в нищете? Почему-то мне кажется это маловероятным, и, в любом случае, вопрос решен. Ты занимаешь эту должность или становишься безработной, чего, я знаю, ты совершенно не хочешь. Это означало бы вернуться в домишко своей бабушки, показав себя маленькой и слабой после того, как она поверила, что ты сама хозяйка своей жизни. Было бы обидно, не так ли?

Мое сердце практически остановилось.

— Ты прошерстил всю мою жизнь?

— Каждый миллиметр.

— Зачем?

— Потому что могу.

Я застыла, пытаюсь понять этого мужчину.

— Почему я?

— Ты уже знаешь, почему.

Ты другая. Так он сказал.

Несколько мгновений мы сверлили друг друга глазами, никто не хотел отводить взгляд первым. То, что зародилось как гнев, сейчас испарилось, и я с любопытством изучала его нереально красивое лицо, желая понять, что за идеи поселились в его сумасшедшей голове и оправдывают ли они то, что он делает со мной.

— Вы заблуждаетесь, — сказала я, покачивая головой. — Что бы вы ни говорили, я не буду работать на вас, мистер Борден.

— Да брось ты, — шепнул он мне, и уголки его рта приподнялись. — Уверен, это будет весело.

Я почувствовала волну горячего трепета, ударившую меня в живот, мой клитор запульсировал. Черт, я пропала. Я не могу работать рядом с ним. Это чистое безумие, и очень опасно для возбужденной Эммы, которая снова вырвалась из той клетки, в которую я загнала ее.

— Вы сказали, что не хотите меня видеть даже близко со своими заведениями, — напомнила я ему.

Он наклонился вперед, облизал нижнюю губу и уставился на мой рот.

— Это было до того, как я попробовал на вкус твой язык.

Мои яичники словно взорвались.

Дыши, дыши, дыши.

Веселье мелькнуло в его глазах, когда он взглянул на меня. Затем он поднялся на ноги, и мое тело напряглось. Он уезжает? Возьмет ли он меня с собой? Могла ли я сказать «нет» этому опасному мужчине?

— Куда вы собираетесь? — спросила я, мой голос прозвучал по-идиотски жалко.

Он усмехнулся.

— Как бы мне ни было хорошо в твоей компании, есть еще и дела, требующие моего участия. Наслаждайся едой, уличная кошка. Я добавил еще одну порцию гребешков специально для тебя.

Я прерывисто вздохнула, ненавидя чувство разочарования, возникшее оттого, что он уезжает и оставляет меня здесь, заботливый мудака.

Он действительно насильно нанял тебя, Эмма!

В этот момент мне стало стыдно за то удовлетворение, появившееся от мысли, что я настолько ему понравилась, чтобы взять меня на работу.

Какого хрена со мной случилось? Как я могу испытывать две совершенно противоположные эмоции в одно и то же проклятое время?

Я ожидала, что он просто уйдет, и отчаянно этого хотела, чтобы успокоиться и разобраться в своих мыслях. Но он просто стоял в течение нескольких секунд. Я смогла взглянуть на него, дрожа от смущения. И еще я ощутила трепет, природу которого определить не могла. Его глаза были сосредоточены на мне. Он засунул руку в карман и что-то достал. Я была слишком занята, разглядывая его, чтобы понять, что это было, пока холодный предмет не коснулся моей груди. Я вздрогнула от все еще знакомого ощущения моего складного ножа.

Я не шевелилась, когда он нежно провел им между моих грудей, при этом я зажала кончик своего языка между зубами, и он опустил нож мне в лифчик. Затем он наклонился, и я ощутила кончик его большого пальца на моих губах. Борден слегка погладил их — очень нежно — и мое дыхание сбилось, а сердце ускорило ритм. Без особых усилий он превратил

меня в абсолютно растекшуюся лужу. Такое воздействие он оказывал на всех женщин, включая меня. Жестокая задница. Я снова утонула в его глазах, в которых сейчас было больше человечности, чем когда-либо раньше.

— Красный цвет тебе не идет, — сузив глаза, тихо сказал он. — Никогда больше не пользуйся красной помадой.

Затем его рука опустилась, и напряжение спало, когда он развернулся и вышел. Я наблюдала за ним, мое тело пульсировало от возбуждения, которого я раньше не испытывала. Голова высоко поднята, спина прямая, ноги движутся плавно — он шел так уверенно, будто был хозяином мира, он шел и...

Ох, дерьмо, кажется, он это сделал, да?

В ванной я разделась и уставилась в небольшое зеркало над раковиной. Яростно стирая красную помаду с губ, я пыталась убедить себя, что таким образом избавляюсь от *его* прикосновений. Только мое тело не соглашалось со мной.

Не смей ничего чувствовать к этому мужчине. Это сумасшествие. Это неправильно. Посмотри, что он сделал с Джоэлом.

Но он сказал, что должен поддерживать свою чертову репутацию. И что именно это значит? Это было просто шоу?

Плюс, он сказал, что Джоэл по полной облажался. Может, это была скрытая помощь? Я просто ищу повод для его оправдания.

Попыталась позвонить Джоэлу, но это не увенчалось успехом. Я сделала это только по пути домой, после того, как умяла полтарелки еды (потому что я реально была голодна, как черт, и просто не смогла удержаться). Он прислал мне сообщение с просьбой, чтобы я больше не звонила ему. Когда я спросила, в порядке ли он, ответа не последовало. Я не уверена, что ожидала его получить, но такое поведение меня разозлило. Мог хотя бы коротко ответить «спасибо» за то, что я для него сделала. Уверена, его травмы были бы намного серьезнее, не останови я следующий удар Бордена. Неизвестно, что могло бы прийти ему в голову. Я остановила Бордена. Я. Как?

Он сказал, что я другая. Что делает меня другой? Мой живот скрутило от стыда, когда я ощутила волну наслаждения, пробежавшую по моей спине. В действительности мне нравилось, что для него я другая, и, в то же время, я ненавидела себя за это.

Дерзкий.

Высокомерный.

Жестокий.

Злобный.

Я сосредоточилась на этих качествах Бордена. А не на его... нежности ко мне. Или на... *вожделении* в его взгляде. Или же на том факте, что он послушался меня, а значит, он был вменяем во время вспышки гнева.

Плюс ко всему, он потребовал, чтобы я работала на него. Проклятье, никто не говорил мне, что делать, черт побери!

Я шагнула в душевую кабину, убедившись, что вода горячая. Я безжалостно терла свое тело, пытаясь смыть воспоминания о сегодняшнем вечере и, что более важно, растущее

нездоровое влечение к Бордену. Это было глупостью. Отмывая тело, я не изменю того, что чувствую внутри.

Мое лицо горело при воспоминании о том, что он сделал. С остервенением я оттирала свой рот в надежде избавиться от ощущения его прикосновений на моих губах.

Глава 14

Борден

Сидя за своим столом, Борден пролистал последний файл из тех, что сегодня утром ему доставил Хоук.

Полное имя: Эмма Линн Уорн

Возраст: двадцать три

Образование: диплом в области бухгалтерского учета.

Посещала Южную Центральную среднюю школу. Успешно училась, хотя было много прогулов.

Семья: братьев и сестер нет. Бабушка является опекуном после...

Глаза Бордена округлились...

Мать: Марианна Уорн, умерла в результате суицида в женской исправительной колонии десять лет назад

Отец: застрелен Марианной Уорн шестнадцать лет назад.

Ну, черт, не самая типичная слезливая история в Нью-Рэйвен. И все же девчонка не производит впечатления сломленной. Она крепкий орешек, размышлял Борден.

Он пролистал еще несколько страниц. Обнаруженный им список ее парней был неприлично коротким: известно о трех партнерах, отношения недолгие, последние закончились больше года назад и длились четыре месяца.

Никакого криминала.

Никаких венерических заболеваний.

Предохраняться начала восемь лет назад. Периодически получает рецепт на снотворное. Длительная история со страхами.

И лучшее из всего этого — никаких трагедий ни с кем в ее жизни.

Что ж, Эмма была кристально чистой. Ни единого отпечатка. Гребаный блестящий пустой сланец. Бордену это понравилось.

Раздался стук, затем без разрешения дверь в его кабинет открылась, значит, это Хоук — единственный человек, которому доверял Борден.

Он смотрел, как Хоук занял место напротив.

— Он уезжает завтра, — сообщил Хоук.

Борден кивнул.

— Отлично. Не сопротивлялся?

— Перестал, когда я сообщил ему о последствиях.

— Отлично.

Теперь, когда доктора не будет на горизонте, ему не придется беспокоиться о четвертом бойфренде, хотя он знал, вероятность этого и так была минимальной.

По правде, этот парень был полный пиздец. Действительно, жуткий больной ублюдок. Его интересы разнообразны и пугающе. Убрать его из поля зрения *любой* женщины Нью-Рэйвена — благодеяние со стороны Бордена.

— Нам нужно обсудить некоторые вопросы, — сказал Хоук, возвращая его внимание. — Байкеры не собираются отвалить в ближайшее время. Гектор хочет встретиться с тобой как можно скорее.

Борден вздохнул и бросил папку на стол. Он откинулся в кресле, образы Эммы роились в его голове, пока он пытался сосредоточиться на неотложных вопросах.

Что такого особенного в ней было? Ее неповиновение? Ее переменчивое поведение, маскирующее страх? Он не мог понять почему, но она занимала его мысли каждую свободную минуту.

— Борден, — нетерпеливо надавил Хоук.

— Ну, скажи им «нет», как и в прошлый раз, — буркнул Борден, пожав плечами.

Хоук нахмурился.

— Что, если это не сработает?

— Потом это дерьмо начнет вонять.

— Полиция дышит нам в спину, Борден. Если это дерьмо завоняет, у них сложится ошибочное представление, и тогда нас начнут ебать за то, чего мы даже не делали. Я думал об этом и действительно считаю, если мы пообещаем им порт в недалеком будущем, когда страсти поулягутся, тогда они отступят...

— Они не будут использовать *мой* порт для контрабанды своих наркотиков. Как бывший наркоман, я не собираюсь с этим связываться.

— Но технически ты и не будешь, Борден. Только они.

— Пойми, если мы однажды позволим это, в другой раз они придут, ни хуя не останавливаясь, требуя еще больше партий товара в мой порт, и вот тогда нам настанет реальный пиздец, потому что будет лишь вопрос времени, как скоро полиция пронюхает про это. Ты должен просчитывать будущее, а не жить одним днем, Хоук.

— Я и *думаю* о будущем, — сердито возразил Хоук. — Это ты в последнее время витаешь в облаках.

— Я нет, — отрезал Борден.

— Да, ты, и я не собираюсь вставать на пути у твоего члена, но киска в такое время — это последнее, что нам, блядь, сейчас нужно. Сейчас я не пытаюсь учить тебя жизни, но дам несколько дельных советов. Купи себе проститутку, трахни ее и выбрось из головы ту официантку. Избавься от нее, прежде чем она завладеет твоим разумом.

Борден остановил Хоука мрачным взглядом, открывшим Хоуку истинное положение вещей.

Блядь, уже слишком поздно.

Хоук покачал головой и встал.

— Хорошо, Борден, но будь осторожен. Ладно? Следи за тем, когда впускаешь кого-то в наш круг. Последнее, что нам нужно, это буря дерьма. И подумай об этом, хорошо? Если ты будешь в опасности, тот, кто будет рядом с тобой, тоже будет в опасности. Эти байкеры станут агрессивными, если ты даже не уделишь время, чтобы выслушать их. Бывший

наркоман ты или нет — сейчас ты бизнесмен. Оставь свое личное дерьмо за дверью.

Борден стиснул зубы. Он прав. Борден пиздец как бесился оттого, насколько он был прав. Он бы последовал его совету в любое другое время, но эта девушка... она, блядь, всерьез поселилась в его голове.

Была ли она просто развлечением для него?

Может, ему нужно просто трахнуть ее, пока он не заскучает.

Он был просто заинтригован, а все его интрижки обычно непродолжительны. С этой будет так же.

Должно быть.

Иначе ему пиздец.

Может, он должен просто трахнуть ее и покончить с этим. Она не будет сопротивляться ему. Она не сопротивлялась этому и тогда, в офисе этой мерзкой задницы.

Борден нахмурился от этих мыслей. Если он возьмет ее, она, возможно, разочарует его, и тогда его странная увлеченность рассеется. Нет, он должен насладиться этой девчонкой без впихивания в нее своего члена.

Ругая себя за то, что увлекся, он поднял руку, чтобы не дать Хоуку уйти.

— Хорошо, — сказал он, — я встречу с гребаными байкерами, и мы уладим эту небольшую загвоздку.

Хоук расслабил плечи.

— Правильный выбор, босс.

— Но это не значит, что я собираюсь соглашаться на их дерьмо, Хоук. Мне плевать на твои предположения, я не уступлю этим байкерам.

Хоук кивнул.

— Я понимаю, но они могут нам пригодиться. Обдумай это. Ты не сможешь всегда оставаться неприкосновенным, Борден. Это просто вопрос времени, пока кто-то не найдет выход на тебя, и тогда ты должен быть готов.

— Я готов, — спокойно ответил Борден. — Ты не знаешь, где я был и что видел. Я ко всему готов.

Глава 15

Эмма

Появившись на работе в понедельник утром, я кое-что заметила.

Неприятную тишину.

Ощущение чего-то очень неприятного.

Я увидела это в глазах Блайт, когда она грустно улыбнулась мне. Всматриваясь в ее лицо, я пыталась понять, что случилось. Она указала на дверь Дэнни-мудака и одними губами произнесла «у тебя проблемы».

Не поняла. Я ничего не сделала.

— Он спрашивал о тебе, — прошептала мне на ухо Тесса, когда я проходила в раздевалку, чтобы повесить куртку и сумку. — Сказал, что хочет видеть тебя сразу же, как только ты будешь здесь.

Не сумев подобрать слов для ответа, я просто кивнула. Я была озадачена, как никогда.

Не знала, в чем провинилась настолько, что хер ссал кипятком от злости. Я не сделала ничего плохого. Подойдя к двери его кабинета, я постучала и в последний раз посмотрела на Блайт. Казалось, что она сильно переживает за меня.

— Заходи, — рывкнул Дэнни из кабинета.

Я отвернулась и открыла дверь. Моментально мне в нос ударил запах грязных носков и протухшей еды. Он сидел за своим столом, по которому практически растекалось его пузо, и качался взад-вперед на компьютерном стуле, сцепив пальцы рук на груди. Взгляд его глазок-бусинок прошелся по мне сверху вниз, прежде чем он наклонился вперед и быстро защелкал мышкой. Возможно, закрывая вкладки с очередным порно-видео. Убогий мудака.

— Сядь, — сказал он, изо всех сил пытаюсь включить режим «босса», хотя, наверное, был самым незлобным человеком, ходившим по этой земле. — И когда ты сядешь, я хочу, чтобы ты смотрела на меня. Пожалуйста, Эмма, потому что этот разговор будет долгим и очень серьезным.

Одной из любимых вещей Дэнни-мудака была страсть к командованию всеми подряд. Это бесконечно возбуждало его. Подавив дрожь, я напряженно села на грязный стул и взглянула на него через весь стол.

— Так что произошло? — спросила я его. — Все говорят, что ты зол на меня. Я не понимаю, почему.

— Мы получили жалобы на тебя, — ответил он, его глаза задержались на моей груди, прежде чем он взглянул мне в лицо.

— Что за жалобы? Меня все любят здесь.

— Ну, значит, не *все*, Эмма, иначе не жаловались бы, верно?

Я поборола желание закатить глаза. Господи, он такой *МУДАКА*.

— Хорошо, — осторожно ответила я. — Так в чем заключаются жалобы?

— Ну, во-первых, твой мнимый авторитет на кухне.

Я нахмурилась.

— Что?

— Ты переутомляешь наш персонал, заставляя готовить для тебя по утрам в твой перерыв.

— Пэт откладывает для меня маффин каждое утро, потому что сам так хочет, а не потому, что я принуждаю его.

Дэнни покачал головой.

— Основываясь на многочисленных жалобах относительно твоего выпрашивания бесплатных маффинов, я не могу отрицать очевидного.

Гневная дрожь пробежала по моим рукам и ногам. Я собралась и успокоилась.

— Тогда ладно. Я не буду есть маффин в утренний перерыв, раз с этих пор это стало преступлением.

— На самом деле, это кража, Эмма.

Я снова скрипнула зубами.

— Отлично, ты можешь удержать мою зарплату за эту неделю, чтобы компенсировать свои убытки. Теперь мы разобрались с этим?

— Нет. Есть еще жалобы.

Я подняла руки.

— Добей меня остальными, Дэнни.

— Больше всего жалоб на отсутствие у тебя скромности.

Я моргнула от удивления.

— Я нескромная?

Он хмуро кивнул.

— Твое вызывающее поведение доставляет клиентам неудобства.

Я снова замерла. Он, вообще, взрослый человек?

— Мое... *вызывающее* поведение?

— Я не понимаю твоих попыток клеить мужчин, от которых зависит моя прибыль, Эмма...

— Я не пытаюсь здесь *кого-то* клеить!

КАКОГО ХРЕНА?

Дэнни просто покачал головой, как будто я несла полную чушь.

— Я сам видел это. Как ты разговариваешь с людьми? Джон, в частности, часто является объектом твоих сексуальных намеков. Ты предлагаешь ему мерзкие вещи, например, чтобы он съел с маслом твои «булки», и все такое...

— Ты сейчас, блядь, серьезно? — я перебила его, гнев и шок забурили во мне, как гребаный торнадо. — Этот кобель сам клеится ко мне! И к Блайт тоже! Пойди и спроси у нее.

— Господи, Эмма, перестань обвинять старика в своих проступках. И Блайт никогда не станет без разбора приставать к пожилым джентльменам. Этот старик не сможет ничего, даже оказавшись в центре самой большой оргии в мире, — теперь он изображал из себя оскорбленного, как будто я специально обвиняла Джона в сумасшествии.

— Вдобавок, я не могу вычесть у тебя больше, чем ты зарабатываешь, Эмма. Ты натворила больше, чем достаточно, и я не могу позволить этому продолжаться. Нам и так приходится прыгать на цыпочках перед клиентами, и еще одно откровенное домогательство к очередному невинному клиенту навредит мне окончательно. Боюсь, тебе придется немедленно уйти.

Онемев, я просто хлопала глазами.

— Я... не понимаю.

— Ты уволена, — просто заявил он. — Что здесь непонятного?

— Я работаю здесь почти два года.

— И это совпадение, что за эти два года моя прибыль значительно уменьшилась?

— Твое заведение существует ровно столько же.

— Именно.

Я взглянула на него еще раз.

— Ты сам себя слышишь?

Делая вид, что у него появились срочные дела, он стал возиться с какими-то бумагами на столе, словно уже отпустил меня.

— Извини за то, что не уведомил заранее...

— Ты не просто не уведомил заранее. *Это увольнение без уведомления...*

— Я понимаю твой гнев, Эмма, но что сделано, то сделано. А теперь, если позволишь, мне нужно заниматься очень важными делами.

— Какими, например? Обкончать здесь все вокруг?

Он напрягся и взглянул на меня.

— Прости, но это мое дело.

— Да, ты сидишь за столом весь день, дрочишь, пока мы там рвем свои задницы! — я

встала, меня трясло от адреналина, и в этот момент до меня, наконец, дошло, что происходило. — Ты худший босс из всех, на кого я когда-либо работала, Дэнни, и ты просто пиздобол, потому что я ничем не заслужила такого. Ты бесхребетный слизняк, поэтому неудивительно, что ты следуешь указаниям Бордена избавиться от меня.

— Я не следую ничьим указаниям...

— Ты серьезно пытаешься это отрицать?

— Мне нечего отрицать, это неправда. Борден мне не указ.

Слишком злая, чтобы ответить, я развернулась и выбежала вон, негодую всю дорогу до раздевалки, пролетев мимо девчонок и кухни. Блайт последовала за мной, не спрашивая, что случилось. Они, вероятно, слышали весь разговор. Я чувствовала себя настолько униженной от того, что они, возможно, могли поверить в эту чушь. Вероятно, в их глазах я выглядела любительницей старичков, ворующей маффины с кухни.

— Эмма, ты в порядке? — спросил меня Пэт, стоя за кухонным столом и подготавливая рабочее место. — Я слышал крики из офиса.

Я посмотрела на него.

— Ты говорил Мудаку, что я выпрашиваю у тебя маффины в перерыве?

Он растерянно взглянул на меня.

— Черт, нет. Такого я не говорил.

— Ну, это то, что он сказал, — я повернулась к Блайт. — И, видимо, пытаюсь клеить клиентов, особенно Джона, которого открыто сексуально домогаюсь.

У Блайт отпала челюсть.

— Какого хуя?

— Именно!

Они наблюдали, как я собираю свои вещи, пытаюсь сохранить остатки гордости и не рухнуть с рыданиями на пол, оттого что снова осталась без работы.

— Что ты делаешь? — спросила Блайт.

— Я уволена, — ответила я, и мой голос сорвался. — Ничего страшного. Найду другую работу.

В городе, где найти работу охуенно трудно.

Пэт выругался. Блайт ахнула. Они говорили мне, что это несправедливо и бессмысленно. Я прикусила язык, не позволяя им узнать, что смысл всего этого мне был совершенно понятен. Трясаясь от бешенства, я открыла кошелек, чтобы достать деньги на автобус. Если бы Дэнни был нормальным мужиком, он бы признал, по крайней мере, что все это по инициативе Бордена. Он сам никогда бы не уволил меня за это. Закусочная сгорела бы быстрее, чем ему в голову пришла бы мысль уволить кого-то из нас. Мы были все вместе целых два года, со дня открытия закусочной, и вместе каждый день разгребали дерьмо.

Мой уход из закусочной выглядел как позорное бегство. Никто не смотрел на меня, даже первые клиенты, только что вошедшие в дверь, казалось, обо всем уже знали. Опустив взгляд в пол, я пыталась унять боль в глазах.

Только не плакать. Только не плакать.

Выйдя на холодный воздух, я сделала глубокий вдох.

Впервые я не знала, что делать, куда идти, как спасти свою жизнь. Это место так много значило для меня. Оно было моей страховкой. Конечно, я с трудом сводила концы с концами, но это было лучше, чем сейчас: совсем без работы, разбитая, без денег. В кошельке не более пятнадцати долларов — нет, нет, одиннадцать долларов, точно.

— Блядь! — выругалась я.

Я была на грани абсолютной паники, но этого было мало, потому что в этот самый момент небеса решили «эй, самое время добавить немного дерьма в твоё положение, Эмма» и выплеснули своё содержимое на меня. Супер! Итак, теперь я безработная, сижу на тротуаре позади закусочной, мокну под дождем, борясь со слезами, наполняющими мои глаза.

Отчаяние — очень жестокая вещь — осознала я, взглянув на все философски. Оно формирует опасное ощущение, что ты висишь над пропастью. Висишь на самом краю, глядя вниз на черную пустоту, в то время как все внутри тебя борется с неизбежностью.

Это то, как я чувствовала себя.

Нееет, если быть точной, я чувствовала себя полной неудачницей. Вот, а предполагалось, что я большая девочка. Я покинула дом своей бабушки, готовая найти хорошую работу, чувствуя себя маленьким независимым созданием, уникальным, полным бурных страстей, готовым бросить вызов всему миру.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ха.

Ха-ха-ха.

Да, правильно.

Люди не осознают, что порой исполнение их желаний зависит не только от них самих, но и от всех тех, кто встречается на их пути.

Я вздохнула.

Пора перестать ныть о том, чего лишилась. Я должна встать, должна двигаться, должна найти другую работу. Но не с Борденом. Это было бы катастрофой. Особенно потому, что я совершенно не могла контролировать себя рядом с ним. Он с удовольствием разжует и выплюнет меня.

Я пошла бы в уборщицы, если бы могла. Черт, да даже в стриптизерши, если бы сумела. Куда угодно, лишь бы избежать необходимости ползти назад к бабуле и кланчить деньги. Заметьте, мне бы и не пришлось кланчить — она отдала бы мне последнюю рубашку. Но в этом и была проблема. Я этого не хотела.

И Борден тоже знает это.

Страхнув хандру, я подняла сумку и встала. Дотащив свою задницу до ближайшей автобусной остановки, отправилась домой. Я была уже недалеко от своего жилого комплекса, когда заметила стоящего напротив него мужчину. Мои шаги замедлились, когда он посмотрел на меня и поприветствовал меня улыбкой. Он был средних лет, невысокий и полный, с самыми пушистыми серо-черными усами, которые я когда-либо видела.

Встретив мой взгляд, он жестом подозвал меня. Я нахмурилась, часть меня насторожилась, другая же часть была целиком и полностью уверена, что его прислал Борден. С трудом сглотнув, я нерешительно подошла.

— Чего вы хотите? — сразу спросила я.

Человек-усы жизнерадостно улыбнулся.

— Я здесь, чтобы рассказать о ваших должностных обязанностях и передать, что мистер Борден ожидает вас в среду утром.

— В среду?

— Да. Завтра у вас свободный день, чтобы подготовиться. Мне поручено быть вашим водителем, поэтому вам больше не придется волноваться об общественном транспорте. Если

вы пригласите меня в свою квартиру, я могу захватить папку из своего портфеля и разъяснить вам ваши обязанности...

— Он сделает это снова, если я найду другую работу, так ведь? — прервала я его жалким голосом.

Он помолчал, затем утвердительно кивнул.

— Да, Эмма, так и будет.

— Дерьмо.

— Я знаю, вам это покажется ненормальным. Честно говоря, он никогда не делал подобного раньше. Так что я тоже в недоумении. Но это хорошая высокооплачиваемая должность, — утешал он меня. — Мистер Борден очень щедр.

— Щедр? Он *вынуждает* меня работать на него.

Человек-усы кивнул.

— Да, но... по крайней мере, вы не в черном списке, Эмма, и, поверьте мне, очень опасно попадать в него, — на мгновение он смутился и откашлялся. — Так как насчет того, чтобы войти? Или мы прогуляемся до кафе, в какое-нибудь спокойное место, чтобы детально обсудить все подробности?

— За углом есть закусочная, — ответила я, с опаской поглядывая на сумку, которую он принес.

Какие такие детальные подробности нужно обсуждать в работе простого бухгалтера?

Ох, дерьмо.

Слово «*подробности*» — это преуменьшение века. Борден был ебанным нацистом со всеми своими правилами. Изучив документы, я пришла в ужас. Там были прямые инструкции, что мне разрешалось и не разрешалось надевать, список вещей, которые нельзя приносить в офис, в частности, мою сумочку, что озадачило меня.

— У Бордена есть... недоброжелатели, — невнятно пояснил Человек-Усы. — Ему необходимо всегда проявлять осторожность.

— Он думает, что я пронесу в сумочке гранатомет или еще что-то? — пробормотала я, защищаясь.

— Верите или нет, мы сталкивались с такими откровенно невероятными ситуациями в прошлом, что пронести гранатомет в сумочке может показаться кому-то гениальной идеей.

А, ну, тогда ладно.

— Но послушай, я замолвлю словечко, чтобы тебе разрешили. Просто до этого в его офисе никогда не было женщин, так что, возможно, для тебя сделают исключение.

— Хорошо.

Я подписала необходимые документы, содержащие всю значимую информацию, и когда подошло время обсудить мою зарплату, я была сильно удивлена.

— Это... в три раза больше, чем я зарабатываю за неделю сейчас, — прошептала я.

— Как я уже и говорил, мистер Борден очень щедр.

— Я не понимаю причины.

— Как насчет того, чтобы просто принять это без лишних вопросов?

Я нахмурилась. Меня приучили не удовлетворяться ничем, кроме правды, и «просто

прими это» со мной не сработает.

— Мне придется сталкиваться с чем-то плохим? — только потом я поняла. — Поэтому мне так хорошо платят?

— Что конкретно плохое вы имеете в виду?

Я спокойно посмотрела на него.

— Да ладно, не прикидывайтесь. Вы знаете, о чем я. Наркотики, убийства, изуродованные трупы.

Человек-усы смеялся... и смеялся.

— Нет, — сумел выдать он. — Вам не придется видеть наркотики, убийства, изуродованные трупы. Мистер Борден — большой профессионал.

За исключением тех случаев, когда он принудительно нанимает женщин.

Когда все было сделано и сказано, я подошла с Человеком-усы к его черному мерседесу, припаркованному напротив моего дома.

— Эти люди так смотрят на вас, — тихо сказал он мне, глядя на компанию перед входной дверью.

— Эти все время здесь торчат, — сказала я, пожимая плечами. — Они безобидны.

— Они не выглядят безобидными, Эмма.

Я посмотрела на них более внимательно. Все пятеро курили, осторожно наблюдая за нами.

— Скорее всего, это больше относится к вам, — сказала я ему. — Разъезжающий здесь на новом мерседесе привлекает к себе внимание.

Человек-усы нахмурился, его вид настолько отличался от того полного дружелюбия, бывшего всего пару минут назад. Он был крупным мужчиной, вид его не был угрожающим, однако сейчас от его взгляда волосы вставали дыбом.

— Я покружу по окрестностям некоторое время, — сказал он. — Просто, чтобы удостовериться, что они ничего не замышляют. Не могу позволить, чтобы девушка мистера Бордена пострадала из-за моего недосмотра.

Странное чувство нахлынуло на меня. Так вот кем он меня считал?

— Я не девушка мистера Бордена, — серьезно ответила я. — И я не стала бы работать на него, будь у меня выбор.

Он только улыбнулся.

— Хорошо. Я вас услышал. С этого дня я буду забирать вас в семь утра. Старайтесь не опаздывать.

Он открыл дверь машины и собирался сесть, когда остановился и повернулся ко мне.

— О, и, Эмма, — добавил он, словно спохватившись, — когда вы рядом с мистером Борденом, никогда не называйте его по имени. Это случалось несколько раз на рабочем месте и... вы видели мистера Бордена, когда он в гневе.

О, я отлично помню его в гневе.

— Никогда не называть его Маркусом, — повторила я с поклоном. — Это я смогу.

Он кивнул, оглянулся на парней и залез в свою машину. Как только он уехал, я развернулась и вошла внутрь.

Две следующие ночи я провела, перечитывая документы на случай, если что-то упустила — словно подписала отказ от своей прошлой жизни. Попутно я еще раз залезла в интернет. Это стало для меня своего рода наркоманией. Уверена, что изучила все сайты о нем. Я решила подробнее разузнать о его давней страсти.

Кейт Девено.

Она действительно была потрясающе красива. Густые длинные светлые волосы и завораживающие зеленые глаза, и ноги длиной в целую милю. Она казалась такой кроткой с этим нежным взглядом и невинной улыбкой. Некоторое время я пыталась представить такую девушку, как она, рядом с таким жестким мужчиной, как Борден. Как это возможно? Неужели раньше он не был таким пугающим, как сейчас?

Я увидела фотографию ее отца. Статьи о нем и о его ненависти к Бордену до того, как он уволился и покинул город.

«Он истинный убийца моей девочки», — сказал он однажды журналистам. — «Если бы он не вернулся, она бы не умерла».

Почему-то это пробрало меня до самых костей больше, чем все остальное.

Не подпускай его близко, Эмма.

Глава 16

Эмма

Наступило утро среды, и я спешно собиралась. Едва закончив, услышала ожидаемый стук в дверь. Это был Человек-усы. Я последовала за ним к машине. Поездка в «Совы» проходила в полной тишине. Он доставил меня в клуб и оставил напротив офиса Бордена. Я смирилась с ситуацией, уставшая после бессонной ночи, чувствуя себя дискомфортно в своей одежде. На мне была невероятно узкая юбка-карандаш, одна из немногих имеющихся, и белая шелковая офисная блузка, купленная мной в секонд-хенде несколько лет назад, когда я была полнее.

У меня не было чувства удовлетворения. После столь долгих поисков хорошей работы я вдруг захотела вернуться в униформу официантки и оказаться в закусочной рядом со своими девчонками. Там было спокойно, здесь же все было новое и другое, и я до сих пор не осознавала, насколько была не готова к этому.

Один из качков Бордена открыл дверь и жестом пригласил меня внутрь.

Я вошла в кабинет и огляделась. Он был невероятно огромным и не имел ничего общего с той задней комнатой, где я в первый раз встретилась с Борденом. Встроенные книжные полки украшали стены, вся мебель современная, выдержанная в темных тонах. Во мне затеплилась надежда... пока я не заметила стол Бордена и другой стол, стоящий прямо рядом с его.

Он в буквальном смысле подразумевал это, когда говорил, что я буду работать рядом с ним бок о бок.

Дерьмо.

Подходя к столу, я нахмурилась. Нахала Бордена еще не было. Я придвинула стул к моему, как я поняла, столу (он был абсолютно чист по сравнению с другим) и плюхнулась напротив своего компьютера. Довольно долго я пялилась в черный монитор, ожидая, когда

появится мой начальник и даст мне задание.

Просто делай это, Эмма. Делай то, что он хочет, играй по его правилам и жди, когда он устанет от тебя.

Я не была душой. Он забавлялся, играя со мной. Была уверена, он будет пытаться играть моими чувствами, продолжая угрожать оставить меня без работы, без жилья, доказывая свое превосходство. Ведь именно это он обычно делал? Просто ему нужна власть над кем-то, чтобы мучить, потому что этим он подпитывает свои садистские склонности?

Неважно, почему, но Борден не собирался вредить мне физически. Я была лишь его развлечением, которое спорило с ним много раз и избежало наказания. Безусловно, я ему быстро надоем, если откажусь делать все это.

Что ж, решено. Я сыграю в его игру. Он не был опасен для меня. Может, для других. Но не для меня.

Дверь открылась, я подняла глаза от пустого экрана и смотрела, как он входил.

Тупой ублюдок.

Ебанный отморозок.

И почему этот отморозок выглядит настолько чертовски привлекательно?

Я взглянула на него: мой мерзавец одет в идеально сидящий на нем костюм в тонкую полоску, волосы зачесаны назад, на запястье дорожные часы. Выглядит совсем не так просто, как раньше. Он что-то двигал у себя во рту.

Это был... это что, «Чупа-чупс»?

Его глаза встретились с моими, и ублюдок ухмыльнулся. Я не реагировала на его самодовольное поведение, пока он обходил стол и садился на стул рядом со мной. Все мои чувства были в состоянии боевой готовности, каждый волосок на теле встал дыбом.

Не хотел бы он прикоснуться ко мне сейчас? Или согреть меня для начала?

Я ненавидела то, как напряглось мое тело.

— Как у нас дела этим утром, куколка? — приветливо спросил он.

— Отлично, — просто ответила я, теряясь в его присутствии.

— Хорошо. У тебя впереди много работы. На прошлой неделе я уволил бухгалтера, и мы немного отстали.

Я моргнула.

— У тебя... у тебя всегда был бухгалтер?

Он кивнул, поворачиваясь к своему компьютеру.

— Конечно. Шейла была охуенная.

Я снова моргнула и попыталась подавить рвущуюся наружу ярость.

— Так тебе... тебе *не был* нужен бухгалтер?

Он резко взглянул на меня.

— Сказал же, я уволил ее на хуй, поэтому, конечно, мне был нужен бухгалтер.

Я резко прикусила язык и уставилась на ручку, лежащую на его столе. Смогла бы я осмелеть настолько, чтобы нанести ему удар в шею? Может, даже смертельный? Но скорее всего, он просто разозлится на зияющую дыру и будет очень впечатлен моим поступком.

— Ты уволил ее, потому что захотел нанять меня?

Он вытащил леденец изо рта и покрутил его между пальцами, внимательно наблюдая за его вращением.

— Это могло быть причиной, Линн.

Я напряглась. Ублюдок знал мое второе имя. *Расслабься, Эмма, он делал это, чтобы*

разозлить тебя.

Борден внимательно следил за моей реакцией, скривив губы в самодовольной ухмылке.

— Мне не нравится твоя блузка, — сказал он, сканируя мое тело сверху вниз. — Она выглядит на тебе как чехол, а юбка, наоборот, немного маловата. Думаю, в документах, которые я присылал, ясно обозначено, насколько важно здесь выглядеть презентабельно. Самое время для шопинга, да?

Я вздрогнула, моргнула и снова посмотрела на ручку.

— Конечно, — сказала я, сдерживая нецензурную брань, подкатывающую к горлу.

— Хорошо.

Я заставила себя улыбнуться и повернулась к папкам на своем столе.

— О, и, Линн, — добавил он, глядя на меня с озорным блеском в глазах, — постарайся не пускать слюни при виде меня. Я думаю, это тоже важно — научиться сдерживать в офисе свою сексуальную потребность во мне. Это лестно, но очень непрофессионально.

У меня отвисла челюсть. Я была готова закричать. Мои сексуальные потребности в нем? О, я бы показала ему свою сексуальную потребность каблуком в его гребаную задницу.

— Ты... ты думаешь, что я прямо сейчас пускаю слюни? — недоверчиво спросила я.

— Давай не будем отрицать очевидное, Линн. Ты явно горяча и взволнована. Может, тебе стоит удовлетворять свои потребности до работы? Просто я не хочу ощущать себя вожделенным куском мяса для тебя.

Мое лицо запылало еще больше, с очередной ухмылкой на лице он наблюдал за изменением его цвета. Вот урод. Я ненавидела его. Реально, реально ненавидела — вот какие чувства он вызывал во мне. Мое тело было ебаным кретином, потому что, как бы забавно это не звучало, он был прав.

Вместо того чтобы изображать из себя оскорбленную, я выбросила его нелепые слова из головы и просто выдавила:

— Хорошо. Я подумаю об этом, мистер Борден.

— Ладно. Теперь приступим.

Человек-усы проводил меня до двери моей квартиры. Войдя внутрь, я швырнула сумку на кухонный стол и в бешенстве скинула с него все остальное. Бумаги, ручки и контейнеры полетели на кафельный пол.

В бешенстве я сорвала с себя блузку, отрывающиеся пуговицы разлетелись в стороны. Швырнув ее на пол, начала сдергивать юбку. Освободившись и от нее, я в течение пяти минут пыталась ее разорвать. Когда ткань не поддалась, я, задыхаясь от усилий, швырнула ее куда-то.

Ненавижу его. Ненавижу. Ненавижу его.

Мне хотелось ОРАТЬ!

Вместо того, чтобы играть моими чувствами, как я изначально предполагала, он просто объяснил, что нужно сделать, помог начать и оставил меня в покое. В абсолютном покое, и всякий раз, обращая ко мне, говорил на профессиональные темы без намека на того чувственного Бордена, каким был до этого.

Разговоры о всякой хуйне.

День я провела, наводя порядок в своих спутавшихся мыслях и изучая необходимые программы. Хорошо, что я успешно прошла обучение, работа с цифрами была естественной для меня. Между тем, этот хер сидел рядом со мной и делал серию звонков по деловым вопросам. Когда он закончил, то уехал из клуба на деловую встречу и вернулся только к концу дня, прямо перед тем, как я закончила работу.

Он шагнул в офис и бросил сэндвич на мой стол.

— Парни сказали, что ты не обедала, — сказал он, усаживаясь и листая находившуюся в его руках папку.

Я смотрела на него и ожидала продолжения, но его не последовало. Он серьезно принес мне сэндвич, потому что я пропустила обед? Или есть какой-то подвох в этом, казалось бы, невинном жесте?

Может, он отравленный.

Я с опаской взглянула на сэндвич, запах сыра и ветчины проник в мои ноздри. Мой желудок свело от голода. Я решила выждать минут десять. Десять минут, прежде чем погрузиться в поедание. Не хотела давать ему повода думать, что собиралась немедленно это съесть. Я сделаю это как бы невзначай и...

А, к черту. Мне понадобилась пара минут.

Это был лучший сэндвич в моей жизни.

Закончив, я собрала свои вещи и стала ждать Человека-усы, чтобы он отвез меня домой. Пока я ждала, Борден ни разу не взглянул на меня, поглощенный изучением содержимого черной папки в его руках. То, как он сидел здесь абсолютно спокойный, сосредоточенный и... это *спокойствие* выглядело странно. Очень странно.

— Перед уходом оставь мне номер своего мобильного, куколка, — вдруг приказал он.

— Зачем? — спросила я.

— Затем, что я так сказал.

Неужели этот мужчина, контролирующий все и вся, не знал моего номера? Я решила не спорить. Может, он этого и добивался. Просто записала свой номер и подвинула листок по столу. Он взял его и положил поверх документов в открытую папку.

— Не очень хороший почерк, Линн, — заметил он.

Я закатила глаза, но промолчала. *Как угодно, Борден.*

— Это три или восемь? Я не могу понять, что ты написала.

— Три, — ответила я.

— Хмм, очень похоже на восемь.

Медленно вдохнула и досчитала до десяти.

— Возможно, тебе стоит писать более разборчиво.

Нет ответа.

— Ты согласна, Линн? Что должна писать более разборчиво?

Ох, я убью его нахуй. Я смотрела на него, пока он был сосредоточен на содержимом своих папок.

— Я буду писать более разборчиво, если вам так угодно, мистер Борден.

Он не ответил, но уголки его губ слегка изогнулись.

Когда Человек-усы открыл дверь и вошел, я подскочила со своего места и спешно схватила вещи. Мне нужно было убраться отсюда как можно скорее, и я уже сделала три шага, когда раздался его голос.

— Не спеши. Я жду, что ты попрощаешься перед уходом.

Я остановилась на полпути и повернулась к нему, практически выплюнув:

— До свидания, мистер Борден.

По-прежнему не поднимая глаз, он небрежно сказал:

— Подойди ко мне, Линн.

Тяжело вздохнув, я направилась к нему и остановилась около своего стола.

— Чуть ближе, куколка.

Приблизилась еще на шаг, оказавшись в полушаге от его кресла. Посмотрела на его идеальный профиль, пухлые губы, которые снова приоткрылись. Так ужасно, что такой красавчик в действительности был абсолютным мудаком.

— А сейчас нагнись, Линн, поцелуй меня в щеку и скажи мне «до свидания».

Все во мне напряглось. Я стиснула зубы, когда до меня дошел смысл его приказа. Нужно попытаться быстро найти какой-то выход. Если еще хоть на сантиметр приближусь к нему, боюсь, что выцарапаю его глаза.

Спокойно, спокойно, — шептал тоненький голосок логики в моей голове. *Он ждет твоей реакции. Не дожидется.*

Я медленно наклонилась, его запах тут же атаковал все мои чувства. Он пах так... хорошо. Можжевельник, лаванда, бергамот в сочетании с чем-то пряным. Мне пришлось задержать дыхание. Запах Бордена затрагивал что-то личное.

Мои губы ненадолго встретились с безупречной гладкостью его щеки. Я подарила ему быстрый поцелуй, после чего отстранилась. Даже не вздрогнув от прикосновения моих губ, он продолжал чтение. Я выпрямилась и заставила себя дышать. Нервное покалывание вихрем промчалось по моему телу, я поборола желание вытереть губы после прикосновения к нему. Мне не нравилось, что он приводил в смятение мои чувства.

— *Теперь* ты скажешь мне «до свидания», — сказал он.

Дрожащим голосом я повторила:

— До свидания.

Он не ответил, и я на трясущихся ногах вышла.

Поставьте это на повтор в последующие четыре дня, и вы получите представление о моей первой неделе в этой клетке. Свою первую зарплату я получила в пятницу — это было вдвое больше того, что я зарабатывала в закусочной. Странное чувство, когда проверяешь свой банковский счет и обнаруживаешь там сумму, которую никогда не надеялся увидеть. Я испытывала гордость не только от того, что хорошо справилась со своей работой, но и от того, что работала с Борденом. Кто-то должен дать мне медаль.

Если игнорировать поцелуй в щеку в конце дня (чего я совершенно не могла сделать), то между нами установились абсолютно профессиональные отношения. Основную часть утра он не появлялся в офисе, а когда приходил, много разговаривал по телефону. Ничего криминального и незаконного, все обыкновенно и по-деловому. Его репутация бандита была явно преувеличена — или так, или он чертовски хорошо это скрывал.

Я держалась особняком и ни с кем не общалась. Хотя сотрудники, видя меня, были очень дружелюбны, я воздерживалась от разговоров и избегала контактов. Не хотела никому доверять. И не собираюсь проявлять дружелюбие. Единственными моментами, когда я покидала офис, были походы в туалет или покупка обеда в закусочной в соседнем квартале.

Я видела рыжеволосую женщину — ее звали Линда — чаще, когда я выходила из офиса, и иногда, когда присутствовала там. Во время ее визитов к Бордену я узнала, что она была менеджером клуба, и это удивило меня. Я была уверена, что она согревала постель Бордена,

однако их общение было ограничено исключительно деловой сферой. И хотя она смотрела на него с нежностью во время своих визитов в офис, он едва ли отвечал ей коротким взглядом.

Несмотря на то, что мы никогда не разговаривали, ее глаза постоянно следили за мной. Это были не мимолетные взгляды или что-то подобное, а вдумчивое изучение, и такое внимание мне не нравилось.

В эти выходные я поведала бабушке о своей новой работе.

— Поздравляю, — буквально кричала она. — Наконец-то удача улыбнулась тебе! Ты это заслужила.

Да, только *удачу* зовут *Борден*, и я не уверена, что действительно заслужила эту работу. Я не сама этого добилась, поэтому держала пальцы скрещенными.

Все еще.

Теперь я могла оплачивать свои счета. Я могла позволить себе продукты, мой живот теперь был полон. Так что не важно, чем все закончится, в любом случае, оно того стоило. Я могла вытерпеть Бордена, потому что, хоть временами он раздражал настолько, что хотелось раздробить ему башку, как кусок льда, все же он был довольно сносным.

Не было ощущения, будто находишься в одной комнате с ужасным людоедом. Небольшим преимуществом была его приятная внешность, которая смягчала мое раздражение чаще, чем я могла сосчитать.

Прошла вторая неделя.

Потом третья.

Потом четвертая.

До финального поцелуя в конце дня я работала на автомате, ни о чем не думая и не волнуясь. И, смею сказать, я перестала задерживать дыхание, когда мои губы касались его щеки, потому что его запах был приятным и ненавязчивым.

Я быстро научилась читать Бордена, находясь с ним в одном помещении столько часов каждую неделю. Я улавливала его настроение и понимала, когда он был зол, а когда спокоен. В спокойном состоянии он давал мне несколько перерывов в течение дня. А будучи в гневе, он ставил полную миску фисташек на стол и, съедая каждый орешек, вслух размышлял, кого пристрелит. Он превращал комнату в помойку, заваленную обертками и остатками еды. Он доводил несчастных сотрудников и запугивал их в своем Борден-стиле, заставляя меня наблюдать за этим.

Я знала, что он галлонами пил воду и ненавидел кофе.

— Терпеть не могу запах этого дерьма, — как-то сказал он мне, кивнув на пластиковый стаканчик с кофе на моем столе. — Это чертовы бобы, ты знаешь это?

— *Кофейные* бобы, мистер Борден, — ледяным тоном ответила я.

— Бобы — они и в Африке бобы, Эмма.

— Вы собираетесь жаловаться всякий раз, когда у меня будет чашка кофе?

— Если мой нос учует его запах, то да.

Я перестала пить кофе в офисе.

Я знала, что ему доставляли удовольствие тренировки. Это было заметно, когда утром он входил в офис, такой супер-привлекательный, свежий после душа, со спортивной сумкой через плечо. Однажды утром я пришла в офис минут на десять пораньше и застала его переодевающимся около своего стола: он менял спортивную майку на свитер с длинным рукавом. Перед тем, как бросить ее на пол, он повернулся ко мне, глядя, как я вхожу, и его

взгляд оживился. Меня чуть инфаркт не хватил — такой он был огромный. Татуировки покрывали практически каждый сантиметр его мускулистого торса. Он выглядел как чертов боксер-тяжеловес.

— Нравится то, что ты видишь? — это было первое, о чем он нахально спросил.

Я посмотрела на него, покрасневшая и пристыженная, и поспешила к своему столу.

— Я могу переодеваться при тебе чаще, если хочешь, — добавил он, его глаза буравили мое лицо.

— Это будет не очень профессионально, не правда ли, мистер Борден? — ответила я ледяным тоном.

Он усмехнулся, и я задрожала от явного влечения к нему. Стоит ли говорить, что это был последний раз, когда я пришла в офис пораньше.

Я знала, что в те дни, когда заключались договоры вне офиса, он носил костюмы. Знала, что еще одним местом, где он бывал очень часто, был порт, куда он ездил проверять книги. Он любил читать новости на своем компьютере. Он покупал мне сэндвич на обед в те дни, когда находился в офисе, и никогда не спрашивал, какой бы я хотела, потому что всегда знал — и я ненавидела, с каким ожиданием стала относиться к этому, но мне это реально нравилось.

Я знала многое, но что вызывало во мне самый большой интерес, это почему, даже когда его целый день не было в офисе — неважно, насколько он был занят — он возвращался ровно за минуту до моего ухода, садился за свой стол и ждал моего прощального поцелуя. И что иногда, думая, что я не замечаю, он смотрел на меня таким всепроникающим взглядом, что я могла физически ощущать его жар.

Это было странное чувство: знать, что за тобой наблюдают, и притворяться, будто не замечаешь этого. Временами мое сердце сжималось, а живот скручивало, но не от гнева. Это было похоже на вихрь, пробегающий по моим венам из-за того, что за мной с каким-то увлечением наблюдал такой мужчина, как он.

Да, он преступник. Да, временами он буйный псих. Да, у меня мурашки бегут по телу, когда я думаю о том, что рассказывают о нем люди. Но я знала и другую его сторону. Ожидание поцелуя в конце дня, осторожные взгляды, раздражающие разговоры со мной — все это вместе помогало мне чувствовать себя свободно в его присутствии.

Маркус Борден больше не пугал меня, потому что Маркус Борден нравился мне.

Глава 17

Эмма

— У нас ужасно дерьмовая замена, — сказала Блайт на другом конце провода. — Клянусь, я хочу прибить эту суку по пятьдесят раз на дню. Не могу поверить, что прошло уже столько времени с тех пор, как Дэнни-мудак уволил тебя. Мне хочется, чтобы ты вернулась, и я уверена, что он возьмет тебя обратно, потому что его дела идут *хреново*!

Я сидела на диване, закутавшись в одеяла. Было ужасно холодно.

— Я не вернусь, даже если он предложит мне все золото мира. Кроме того, мне действительно была нужна более высокооплачиваемая работа, Блайт, — сказала я ей. — Мне жаль, что ты вынуждена оставаться с этим ничтожеством.

— Да, я поступила бы так же. Как твоя работа?

— Все хорошо. Каждый сам за себя.

— Но каково это — работать на Бордена? Разве он не страшен, как черт?

Я улыбнулась, вспоминая.

— Он страшен как черт, когда хочет быть таким. Но еще он... нормальный.

Это слово было по-прежнему странным для моего языка. Нормальный.

Нор-маль-ный.

— Ну, и как его бизнес?

Я выдохнула.

— Уму непостижимо, Блайт. Этот мужчина делает кучу денег на одних только «Совах».

Я проверяла книги из других заведений, это невероятно. Мужик должен писать книги о том, как разбогатеть.

— Он часто бывает в клубе?

— Да, он здесь постоянно. «Совы» — его первый бизнес, поэтому, я полагаю, здесь ему комфортнее всего работается.

— Это безумие. Не могу поверить, что ты работаешь на него.

— Я тоже.

На мгновение она затихла, а потом с повышенным любопытством спросила:

— Так тебе, вроде как... *комфортно* рядом с ним?

Что за странный вопрос.

— Гм, полагаю, да. К чему это ты?

— Настолько комфортно, чтобы попросить у него VIP-пропуска?

Я закатила глаза и коротко рассмеялась.

— Ты серьезно сейчас?

— Просто узнай! Это все, что я прошу. Спроси. Я слышала, VIP-зона в его клубе совершенно сумасшедшая, и раз ты спокойно общаешься с ним, может, он позволит нам туда пройти?

Я постучала пальцем по подбородку, размышляя.

— Что значит «нам»?

— Естественно, ты пойдешь со мной. Я соскучилась по тебе. Не говори «нет». Ничего не случится.

Хм. Смогу ли я действительно войти после последнего инцидента в тот самый клуб?

Но идея мне нравилась. Это казалось возможным, потому что я знала клуб изнутри и снаружи. Я знала работающих там людей, знала Бордена — а это было самым главным — все было знакомым.

— Я познакомилась с горячим парнем, — пела она. — Он обязательно тебе понравится. Он такой прикольный, такой горячий. Я ведь уже упоминала это?

— Хорошо, — сказала я, прежде чем мой мозг остановил бы меня, включив логику. Возможности моего мозга явно переоценены. — Я дам тебе знать завтра, что ответит этот придурок.

Она завизжала. Я нервно поежилась.

Насколько хорошо все пройдет, зависит от того, в каком настроении он завтра будет.

— Какого хера ты так смотришь, куколка?

Его голос напугал меня, и я подскочила на своем стуле, который был повернут в его сторону.

Я не ответила. Нервно сжав руки, несколько долгих мгновений рассматривала монитор своего компьютера, а потом вернулась к профилю Бордена, склонившегося над столом и ставившего свою до смешного красивую подпись на нескольких документах.

Как долго нужно тренироваться, чтобы получилась такая красивая подпись? Часами сидеть и выводить закорючки, пока они не станут выглядеть идеально? Или...

— Я, блядь, умираю от проказы или что-то еще? — рывкнул он.

У меня отвисла челюсть.

— Что?

Он взглянул на свои руки, потом на меня.

— Все пальцы на месте. На мне нет признаков проказы. Так, какого хуя ты так пялишься на меня?

Я ощущала его напряжение. Открыв рот, вновь его закрыла.

Конечно, мне было комфортно рядом с ним, но только потому, что все шло в рамках установленного порядка. Мы не так много разговаривали. Мои знания о нем основаны, в основном, на наблюдении, а не на живом общении, и это две совершенно разные вещи.

— Проказа не смертельна, — сказала я.

Он моргнул, а потом посмотрел на меня, как на слабоумную.

— Что?

— Вы сказали, что умираете от проказы? Проказа не смертельна, так что... — я сглотнула и отвернулась, неловко щелкая мышкой по вкладкам на экране.

Через пару мгновений я взглянула на него. Он все еще смотрел на меня. Пристальный взгляд из-под сведенных бровей, рот приоткрыт. На лице все еще сохранялось выражение «какого хуя?».

— У тебя что-то застряло в твоей заднице, Линн? — спросил он на полном серьезе.

Так же серьезно я покачала головой.

— У меня ничего не застряло в заднице.

— Тогда в чем твоя чертова проблема сегодня? Ты продолжаешь смотреть так, будто я собираюсь ударить тебя. Я рад бы понять, но ты ходишь кругами, вместо того, чтобы объяснить.

Я облизала губы и замолчала. Потому что теперь его глаза были прикованы к моему рту, а его лицо приобрело странное выражение. Он отвернулся на секунду, а затем снова взглянул на меня. На мои губы.

— Скажи мне, — потребовал Борден.

Нервно, я снова облизала губы...

— Сейчас же прекрати облизывать губы, — сказал он, его глаза потемнели.

Мою грудь стянуло от напряжения, сквозившего в его голосе. Он смотрел на мой рот так, будто в жизни не видел ничего интереснее.

Ладно, сейчас это просто было неловко.

— Моя подруга хочет вечером пойти в клуб, — не раздумывая выпалила я, иначе это тянулось бы весь день.

— Рад за твою подругу, — равнодушно ответил он.

— Она... мы хотели бы узнать, нельзя ли нам получить VIP-пропуска... — я прочистила горло и неуклюже поправила волосы, сдвинув их так, чтобы он не мог видеть мой профиль.

В течение минуты царила тишина. Без преувеличений, минуту. Не в том преувеличенном значении, когда люди говорят, что берут минуту... я действительно смотрела на часы и видела, как стрелка отсчитывала эту гребаную минуту.

Быстро взглянула на него.

— Блядь, я не собираюсь кусать тебя, — в отчаянии сказал он. — Сейчас же посмотри на меня.

Я повернула кресло в его сторону и медленно подняла глаза. Сегодня он был одет повседневно: серый облегающий свитер, черные брюки, часов нет, волосы не уложены — просто обычный непричесанный мистер Борден. Таким он мне нравился больше. Обычно, если приходил на работу в повседневной одежде, он зачесывал волосы назад. Он по-прежнему заставлял мое сердце колотиться, даже больше, чем когда целовал меня, и мысли об этом вызывали вопрос: почему он не пробовал сделать это вновь?

— Иди сюда.

Сделав несколько глубоких вдохов, я подумала: зачем ему нужно было, чтобы я подходила? Встав, я сделала несколько нерешительных шагов в его сторону. Когда подошла, он откинулся в кресле и посмотрел на меня. Его голубые глаза просканировали мое лицо, прошли по моим ногам, прежде чем снова подняться.

Мое лицо пылало, но я пыталась сохранять спокойствие — правда пыталась — но понимала, что не справляюсь.

— Тебе действительно нужны эти VIP-пропуска? — тихо спросил он.

Я кивнула.

— Да.

Он приблизил ручку к лицу и задумчиво постучал ею по уголку своего рта. Рассеянно взглянув на его губы, которых касалась ручка, я подавила потребность сглотнуть. Чертов громаила имел реально красивые полные губы.

— Два поцелуя вместо одного, — наконец, сказал он. — По одному с каждой стороны. *Сейчас.*

И это все? Ха! Повезло. Ключнуть его в щеку пять раз в неделю стало уже ни к чему не обязывающим ритуалом. Я даже не стеснялась этого больше — неважно, насколько это было непрофессионально.

Я подошла и склонилась к его щеке. Его глаза наблюдали за мной, пока я наклонялась. Он *никогда* так не делал. Сосредоточенный обычно на чем угодно, кроме меня, Борден никогда не смотрел, как я целую его.

Грудь волнительно сжалась, когда я прижала свои губы к его щеке. Отстранившись, я медленно обошла его, так как он не собирался поворачивать голову. Тело слегка дрожало, колени подкашивались. Почему он так смотрел на меня? Я не хотела, чтобы он так смотрел.

Я наклонилась, а он продолжал смотреть на меня, когда мои губы коснулись другой его щеки. Его запах, его тяжелый взгляд действовали на меня опьяняюще и лишали равновесия. Когда я начала отстраняться, то неожиданно почувствовала его пальцы на своем лице. Мои глаза округлились, сердце забилось сильнее, пока до меня не дошло, что происходит. Он заправил несколько прядей волос мне за ухо и опустил руку, все еще наблюдая за мной.

Я быстро отвернулась и спешно вернулась в свое кресло, скрывая свое лицо, чтобы он не увидел, в каком я была замешательстве.

— Будете только ты и твоя подруга? — любопытно спросил он.

Не знаю почему, но чувствовала, что мой ответ имел для него значение.

— Эмма? — надавил он.

— Хм, нет. Она и еще двое.

Я надеялась, что он не станет давить больше...

— Все женщины?

Я прокашлялась и заерзала в своем кресле от неудобства.

— Нет. Двое парней.

Тишина.

Я перешла границу? Ситуация казалась странной, между нами повисло невысказанное напряжение.

— Скажи Грэму, чтобы ваши имена внесли в список, — решительно сказал он. — Сколько угодно человек.

Боковым зрением я наблюдала, как он вернулся к своим документам. Взгляд хмурый, будто из-за чего-то рассержен. И я знала, из-за чего. Просто тоже отказывалась признавать, что мы привязались друг к другу. Его общество стало нормой для меня. Я каждый день видела его на работе. Хотела я это признавать или нет, но он стал важной частью моей жизни.

— Спасибо, — наконец, тихо ответила я.

Он промолчал. Прошла еще пара минут. Я прочистила горло.

— А Грэм — это кто?

Борден медленно вздохнул и в неверии покачал головой.

Как я могла так оплошать: не знала, что Человека-усы зовут Грэм? Такого бы не случилось, если бы мы сразу начали обращаться друг к другу по имени. Если бы наши взаимоотношения начались как-то так: *«Эй, привет! Я буду всюду следовать за тобой, потому что долбаный сумасшедший псих платит мне за это. У меня очень заметные усы, не так ли? О, и зови меня Грэм.»*

Я сказала Грэму — нет, я по-прежнему называю его Человек-усы — имена, после чего он записал меня, Блайт и остальных.

— Блайт, я, Джейк и Томас.

Он записал имена и кивнул.

Оказавшись дома, я стала наряжаться, прилагая все свои возможности. С тех пор, как я начала работать в «Совах», у меня появились свободные деньги, позволяющие купить одежду. Для начала я купила кое-что для офиса, чтобы успокоить Лорда Бордена, а потом платье на выход. Самым первым я выбрала белое мини-платье без рукавов, которое сильно открывало ноги, но скрывало грудь, так как надо. Стоило оно шестьдесят долларов. Для бедной девушки заплатить шестьдесят долларов за платье равнозначно владению тиарой королевы Елизаветы.

У меня не было намерения напиваться и связываться с тем парнем, про которого не переставала говорить Блайт. Хотя уже около года прошло с тех пор, как я была с кем-то в постели — и временами я лезла на стену, как мартовская кошка — у меня хватало ума не

прыгать в постель к кому попало.

Я оставила волосы распущенными и подошла к свету, чтобы нанести макияж. Только потом я поняла, что игнорировала красный цвет, и не хотела себе признаться в том, что это было связано с нежеланием Бордена видеть на мне красный. *Кого волнует, что думает Борден? Я могу накраситься красной помадой, если захочу. Просто... только не сегодня.*

Не могу поверить, насколько я изменилась! В последнее время для меня все ощущалось по-другому. Отсутствие стресса из-за нехватки денег выглядело так, будто с меня сорвали оковы нищеты. Мне по-прежнему приходилось планировать свой бюджет для покупки вещей первой необходимости, но это и рядом не стояло с той ситуацией, в которой я находилась до того, как Борден заставил меня работать на него.

Кто знал, что в моей беспросветной жизни появится что-то яркое?

Я прицепила ключ от двери к цепочке на шее. К этому меня приучила бабушка, когда я однажды потеряла ключ по дороге из школы. В сумку могут залезть, кошелек могут украсть, но цепочку на шее чаще всего не замечают.

Выключив свет и надев белые туфли, я выбежала из квартиры, надеясь, что сегодняшняя вечер не завершится убийством человека в переулке.

Глава 18

Борден

VIP-зал? Серьезно?

Эмма не из тех девушек, которые настойчиво добивались его и тусовались до упаду. На самом деле он знал ее, уединенно живущей в своей маленькой квартирке, сидящей на своем единственном диване и всю ночь смотрящей идиотские шоу.

Но нет.

Не этой ночью.

Сегодня ночью маленькая мисс Эмма Линн Уорн захотела вечеринку в VIP-зале с парнем, сидящим опасно близко к ней и пялящимся на ее сиськи больше, чем на лицо.

Так вот чем Эмма Линн Уорн собиралась заняться сегодня!

Борден стиснул зубы и фыркнул. Плевать. Если это то, чего она хотела, то это ее гребаный выбор.

Да. *Хватит.*

Заведение было битком забито. Люди танцевали вокруг своих столов, некоторые мужики подкатывали к танцовщицам на сцене. Мерцали цветные огни, музыка грохотала, а Борден просто стоял в море людей, наблюдая за столиком, где сидела она с парнем, пялящимся на ее грудь больше, чем на лицо.

Он был взбешен. Постоянный гнев не позволял ему остыть. Сейчас было подходящее время выпустить пар. Никто еще не вызывал недовольство Бордена! И это начало реально бесить его. Что случилось с этим городом? Неужели кому-то так трудно разворошить это гнездо и вырвать его из постоянной скуки.

Была ли скука причиной, по которой он стоял здесь?

Мужчина искал неприятностей. Да, да, так и должно было быть. Это была не она. Блядь, нет. Это были не ее карие глаза, каждый день посылающие ругательства в его адрес. Или то,

как она облизывала эти невыносимо мягкие губы, когда нервничала в его присутствии. Или то, как плавно она двигалась, не осознавая, блядь, насколько была прекрасна.

Нет. Нет. Нет.

И сейчас Борден последовал за мистером Трах-глаза в туалет, потому что... потому что ему было скучно! Вот и все.

Трах-глаза уже стоял перед писсуаром, когда вошел Борден. Он прислонился к раковине, скрестив руки на груди и наблюдая, как Трах-глаза справляет нужду.

Входящие люди разворачивались и сразу уходили, едва заметив его. Это было хорошо. Сейчас в туалете остались только Борден и Трах-глаза.

— Нравится девчонка, с которой сидишь? — спросил Борден с дружелюбной улыбкой на лице (понятия «дружелюбная улыбка» на лице Бордена не существовало, но Трах-глаза не нужно знать об этом).

Его глаза округлились при виде Бордена.

Господи, неужели это тот тип парней, которые интересуют Эмму? Высокий, худой, с нелепо торчащими в стороны волосами, похожими на швабру и... на мудаке были обтягивающие джинсы? Мужчина... Мужчина в *обтягивающих джинсах*?

Это будет серьезное оскорбление всей мужской расе, если Борден позволит этому мальчику в узких джинсах уйти домой с женщиной, которой нужен нормальный мужик.

— Очко в твою копилку, — добавил Борден, приподняв брови. — Очень эффектная.

Трах-глаза расслабился и улыбнулся в ответ, пока прятал свой маленький мальчишеский член обратно в узкие джинсы, и застегивал их.

— Да, мужик, она совершенно убивает меня, прикинь? Она будет подо мной всю ночь.

Нет, блядь, не будет.

— Да? Охренеть! Она красотка, правда?

— Клянусь яйцами, да. Я собираюсь сокрушить эту киску.

Борден напрягся. О, было бы слишком просто затащить этого мудака в кабинку и встряхнуть из этих узких джинсов.

— Тебе охуенно повезло, мужик, — улыбнулся Борден, когда Трах-глаза уже собирался пройти мимо. — За исключением того, — добавил он, останавливая парня рукой, — что красотка, чью киску ты собираешься сокрушить... *моя*.

О, это была его любимая часть — реакция окружающих. Сжавшиеся плечи, расширенные глаза, трясущиеся колени и дрожащие губы — *обычный* результат от встречи с ним лицом к лицу. Улыбка Бордена исчезла, сейчас он жестко смотрел на Трах-глаза.

— Ты хочешь сокрушить киску, принадлежащую мне, сопляк?

Трах-глаза поспешно затряс головой.

— Нет, нет! Я не знал.

— И даже, если бы она не была моей, ты смотришь на нее, как на вечерний одноразовый трах.

Он продолжал трясти головой.

— Нет, нет! Я ничего бы не сделал.

Борден разочарованно вздохнул.

— Я не верю тебе, сопляк. Выворачивай карманы.

Трах-глаза моментально подчинился, выкладывая бумажник и ключи от машины. Борден выхватил одновременно и то, и другое, отложил ключи на стойку и открыл черный, украшенный черепахами, бумажник.

Прочитал имя на водительских правах: Джейк Барнет. Там были две купюры по пятьдесят долларов, кое-какая мелочь и... Борден резко втянул воздух, извлекая два презерватива. Трах-глаза сглотнул, когда Борден швырнул бумажник ему в лицо, перед глазами мелькнули презервативы.

— Так ты не планировал ее трахать сегодня, Джейк? — нетерпеливо спросил Борден.

— Н-нет!

— Зачем тебе гандоны в бумажнике, сопляк?

Трах-глаза ничего не ответил. Его страх увеличился раза в четыре от взгляда напряженно прищуренных глаз Бордена.

— Ты собирался засунуть это в мою женщину?

Трах-глаза сморщился и... заплакал!

— О, мужик, я понятия не имел. Клянусь. Клянусь гребаным Богом, мистер Борден! Я понятия не имел! Пожалуйста! Пожалуйста, не бейте меня! Пожалуйста!

Ноздри Бордена раздувались, когда он смотрел на плачущего долговязого мальчика в узких джинсах. Это было... Это было просто охуенно жалкое зрелище. Конечно, люди его боялись, но обычно им требовалось какое-то время, чтобы сломаться под давлением его взгляда. Этот же мальчик сделал это без колебаний.

Борден почувствовал отвращение.

Правда, Эмма?

Действительно?

Эмма

Я вздохнула.

Сколько нужно времени парню, чтобы сделать свои дела в туалете?

Пока мне не очень нравилась компания Джейка, но это лучше, чем быть одной. Потому что одиночество привлекает нежелательное внимание парней.

Я бы немного развлеклась. Мы с Блайт какое-то время танцевали. Было приятно расслабиться, несмотря на то, что Джейк усердно пытался заставить меня выпить. Я отказала ему несколько раз, в итоге он сдался и самостоятельно проглотил весь алкоголь.

— Полегче с ним, — говорила Блайт касательно попыток Джейка напоить меня. — Он только что расстался со своей девушкой, поэтому сам не свой.

— Так, поэтому он хочет меня напоить?

— Ну, ты смогла бы немного расслабиться, если бы выпила. Ты немного напряжена, детка.

Затем она исчезла со своим парнем, и внезапно все в клубе мне надоело. Возможно, потому что я была единственной трезвой из всех присутствующих. Здесь было слишком шумно, слишком много болтовни. И хотя мы сидели в VIP-зале, все равно было слишком людно.

Наконец, я увидела Джейка, пробиравшегося сквозь толпу. Он выглядел... не так, как прежде. Его уверенное поведение исчезло. Он был бледен и возбужден.

— Ты в порядке? — спросила я, когда он добрался до столика.

Он не сел и неловко отвел от меня взгляд.

— Я собирался трахать тебе мозги, приношу извинения за свои грязные мысли, — внезапно проговорил он, словно робот. — Я уйду домой без тебя, потому что я грязная

задница в узких джинсах.

Какого...

Прежде чем я даже попыталась понять его слова, он развернулся и быстро растворился в толпе.

— Какого черта? — прошептала я.

Моя челюсть отвисла. Казалось, я не двигалась целую вечность. Это было неожиданно... и странно. Я понимала, что его намерения не были благородными, но зачем выставлять их напоказ и говорить об этом? Сжав губы, я с отвращением покачала головой. Мужчины! Я имею виду, его не волновало, как я доберусь ночью домой? То, что мне придется делать это в одиночестве?

Невероятно.

В течение нескольких минут я разглядывала толпу, пытаюсь уложить в голове его слова.

— Тебе здесь весело, куколка?

Знакомый голос вырвал меня из состояния «полный пиздец в мыслях», и я взглянула на участливое лицо Бордена. Откуда, черт возьми, он взялся?

Он стоял напротив стола, засунув руки в карманы брюк. На нем была белая расстегнутая рубашка, плотно облегающая его мощные руки. Мне пришлось напомнить себе, что я должна смотреть на его лицо, а не на выдающуюся мускулатуру. Парень был просто проклятым танком.

— Хм... вроде того, — удивленно пробормотала я.

Его брови были задумчиво сведены, а полные губы поджаты, пока он разглядывал меня. В противовес своим суждениям, я почувствовала себя лучше, находясь рядом со знакомым лицом, даже если это и было лицо Бордена. *«Особенно потому, что это лицо Бордена»*, — нашептывал мне внутренний голос.

— Хотите присесть? — спросила я, кивнув на место рядом с собой. Это казалось разумным поступком.

Несколько секунд он стоял, обдумывая мое предложение, и я приготовилась почувствовать себя полной дурой, когда он скользнул на сиденье рядом со мной. Наши плечи соприкоснулись, его неповторимый запах окутал меня. Он рассеянно оглядывал зал, а я наблюдала за отражением огней цветомузыки на его лице. Я смотрела на его идеальный профиль, на то, как он облизал нижнюю губу и как от движения головы отдельные пряди его каштановых волос спадали ему на лоб.

Маркус Борден, Эмма. Это Маркус, на хуй, Борден. Не какой-то случайный горячий парень.

Рядом с ним я была маленькой козявкой, и от этого я чувствовала себя немного беззащитной. Это не офис, где я делала все возможное, чтобы не смотреть на него. И он, безусловно, никогда не был настолько близко ко мне. Я этого не допускала даже когда целовала его в щеку, потому что в эти моменты концентрировалась на том, что делаю.

Он достал зажигалку Zippo и начал вертеть ее в руке.

— Вот. Я сел, — сказал он, сверкая на меня своими голубыми глазами. — Что теперь?

Я пожала плечами.

— Не знаю.

— Я мужчина и, вероятно, должен предложить тебе выпить?

— Нет, все в порядке.

— Ах, да, — серьезно сказал он, — ты не пьешь.

Борден пристально посмотрел на меня, а я кивнула и сказала:

— Все в порядке.

Честно говоря, я не ожидала этого услышать, не думала, что он помнил. Это ведь было несколько месяцев назад!

— Почему так категорично? — поинтересовался он. — Ты лечилась от алкоголизма или что-то еще?

Я рассмеялась, настроение мгновенно улучшилось.

— Хм, нет. Хотя мои родители — да.

— Так причина в них?

— Да.

Он кивнул и, к счастью, не стал вытягивать подробности. Я была очень благодарна за это. Подобный разговор сильно испортил бы настроение.

— Где твои друзья? Ты сказала, что придешь с компанией.

— Блайт смылась со своим парнем. А парень, с которым я была, просто... бросил меня.

Я все еще была потрясена и обескуражена неожиданным уходом Джейка.

— Бросил? — Борден поднял брови. — Какого хрена он так поступил?

— Не знаю.

— Разве он не сказал тебе?

— Ну, он объяснил, но это было странно.

— Хмм, — он выглядел задумчивым и немного удивленным. — Ты выглядишь расстроенной. Он тебе понравился?

— Нет, — призналась я, застенчиво улыбаясь, — но он составлял мне компанию, я не очень хорошо чувствую себя в толпе.

Я понятия не имела, почему рассказывала это Бордену. Но он снова вел себя нормально, не выглядел пугающим мудаком, демонстрировавшим всем вокруг свою силу. Таким он мне нравился. Это позволяло верить, что мужчина был меньшим психом, чем я думала. Борден был загадкой и, я была абсолютно уверена, что он хотел оставаться таким для окружающих. Он всегда держал дистанцию, но, кажется, в отношении меня потерял ее. Трудно было понять, почему он просто не отпускает меня, не увольняет, не позволяет жить своей жизнью, если бы я не знала его с этой стороны.

Рядом с тобой я вижу цвета. Те слова снова прострелили меня, как это часто бывало, я бы с удовольствием попросила его объяснить мне их. Но с тех пор, как работаю в офисе, интимность и чувственность с его стороны по большей части исчезли.

Он поднял глаза, ощупывая взглядом каждый миллиметр моего лица, а затем отвернулся.

— Ты прекрасно выглядишь сегодня, — вдруг как-то слишком спокойно сказал он.

Я пыталась скрыть удивление от его комплимента. Он никогда не говорил мне их. По большей части, только критиковал. Вроде того, что мне не шел красный, или что моя блузка похожа на мешок, или вот на прошлой неделе: *«Что это за перистая заколка у тебя в волосах. Выглядит нелепо. Ты что, птица? Ты, черт возьми, не птица. Сними это»*. Когда я сняла заколку, он выбросил ее в мусорное ведро и покачал головой, будто я сошла с ума.

— Сегодня нет ничего неправильного? — с любопытством спросила я.

— Нет, этот белый лоскуток, называемый платьем, тебе идет, — ответил он, слишком внимательно разглядывая мой наряд.

— Лоскуток?

— Не оставляет шансов воображению, не так ли?

Я легко рассмеялась.

— Полагаю, что нет.

— Твоя офисная одежда стала слишком привычной. Я могу заставить тебя носить такие платья раз в неделю, куколка.

Я прикусила губу, подавляя идиотскую улыбку.

— Почему только раз в неделю, а не каждый день, если это вам так нравится?

Боже, внезапно он начал просто трахать меня глазами.

— Потому что так я могу пробовать тебя по кусочкам. Ты покажешь больше, и я потребую весь ебанный торт.

— Весь торт?

Легкая улыбка мелькнула на его губах.

— Блядь, куколка. Вот, о чем я думаю.

— Знаю, Борден.

— А если я тебя трахну, это будет принуждением, так ведь?

— Ну, это будет изнасилованием, Борден. Самым что ни на есть настоящим.

Он пожал плечами.

— Это может стать изнасилованием по обоюдному согласию, правда?

Прежде чем смогла ответить, я ощутила прикосновение пальцев и, опустив глаза, увидела его руку на своем обнаженном бедре. Сердце заколотилось от этого случайного жеста. Спокойный Борден давно исчез, на его место вернулся властный.

Не реагируй, — убеждала я себя. — *Играй по его правилам.*

Прошло столько времени с тех пор, как он прикасался ко мне. Каждый день я думала об этом, практически жаждала. Окружающий шум для меня исчез. Не замечая никого вокруг, я погрузилась в ощущение близости этого мужчины, сосредоточившись на прикосновении его пальцев, отчего мою кожу покалывало и покрывало мурашками. Сердце колотилось со скоростью сто миль в час, и я просто знала, что дальше не будет ничего хорошего.

— Ты когда-нибудь думала о нашем поцелуе? — его слова с грохотом ворвались в мои мысли. — Никогда не думала о том, как хорошо это было?

Я замялась.

— Думала.

— Когда-нибудь представляла, что могло произойти, если бы я остался?

Я сильно сжала губы, не будучи уверенной в желании признаваться.

— Иногда.

— Как, ты думаешь, это происходило бы? В твоих мечтах я сначала склоняюсь над тобой? Лизу твою киску, прежде чем затолкать в тебя свой член? Или я сразу широко развожу твои ноги на том ужасном столе и погружаюсь в твоё влажное тепло, а ты обнимаешь меня руками за шею?

Святой Боже.

У меня нехватка кислорода. Я уставилась в его глаза, всё своё тело воспламенилось от его слов, заполняющих мой разум этими образами. Чуть слышно я пробормотала:

— Ноги широко разведены, ты внутри меня, мои руки вокруг твоей шеи.

Он медленно прикусил нижнюю губу.

— Прямо в точку. Мне нравится, Эмма.

Я не ответила. Просто отвернулась и быстро заморгала, пытаюсь замедлить своё

сердцебиение, чтобы грудь не разорвало. Господи, его рот.

— Ты собиралась трахнуть сегодня? — спросил он. — Поэтому ты надела это платье?

Вопрос был задан с убийственно серьезным видом. Я почувствовала, как меня скручивает, и ненавидела себя за то, что позволяла ему так воздействовать на меня. Это было несправедливо. Почему бы мне не вернуть должок? Этот мужчина явно питал ко мне слабость, и если он намеренно раздражал меня, то почему бы не сделать то же самое?

— Да, — как можно небрежнее ответила я.

Его глаза распахнулись от удивления, а потом потемнели.

— Это правда?

Естественно, я кивнула.

— Этого не было настолько давно, что ты от безысходности готова трахнуть с долговязым парнем в узких джинсах?

О, Боже.

Это был *он*. Это он сделал так, что Джейк испуганно сбежал.

Ну, это хотя бы все прояснило.

— Не так уж давно, — спокойно ответила я. — Чуть больше недели.

Он резко убрал руку с моего бедра. Теперь он был зол.

— Чуть больше недели?

— Да.

— Ты лжешь.

— Не-а. Вы думаете, так трудно спрятаться от вашей власти? Усатый хреново выполняет свою работу...

Он вдруг схватил меня за подбородок, поднимая мое лицо вверх и заставляя взглянуть на него. Его хватка была жесткой, но не болезненной. Я заглянула в его грозовые глаза. Спокойный снаружи, он из всех сил сдерживался, чтобы не сорваться. В нем все кипело.

Все мое тело ожило, адреналин снова захлестнул меня. Я готова была убить себя за чувство... *возбуждения*.

— Блядь, не смей больше врать мне, — прорычал он. — У тебя никого не было ни на прошлой неделе, ни раньше. Мужчина не прикасался к тебе очень давно, так что не беси меня, Эмма. Это был я, и только я.

Он наклонился так, что мы оказались нос к носу. Его глаза проникали в мои, и мое сердце до боли сжалось, когда он мягко добавил:

— И никто не смеет прикасаться к тебе. Ясно?

Несмотря на его нетерпеливое ожидание, я не шевельнулась.

— Эмма? — с угрозой сказал он.

Я, наконец, кивнула, и он отступил, поспешно оглядев комнату напряженным взглядом. Гнев рвался из него, и ему стоило недюжинных усилий, чтобы сдерживать его.

Я не могла сдержать улыбки. Мне пришлось отвернуться, чтобы он не заметил ее. Что во мне такого, что способно сдерживать его дерьмо? И почему это так чертовски радует меня?

— Ну, это было... *интересно*. Я должна идти, — сказала я после некоторого молчания. Пора смыться от мистера Переменчивость и возвращаться в свое убежище. Человек-усы, скорее всего, до сих пор околачивается где-то снаружи.

— Я отвезу тебя домой, — ответил он.

— Все нормально, — возразила я, тряхнув головой. — Я позвоню Грэму...

— Это не гребаное предложение, Эмма. Я сказал, что отвезу тебя домой. Вставай и пойдем.

Голос был жестким, а взгляд потемневших глаз наводил ужас, пока он ждал моего ответа.

В итоге я кивнула. Он не отступит, пока не добьется своего.

Я поднялась вместе с ним и быстро одернула свое мини-платье, задравшееся на бедрах от долгого сидения. Игнорировала его взгляд, задержавшийся на моей заднице и ногах.

К счастью, он держался на расстоянии, когда мы выбирались оттуда.

Я впервые оказалась в «Феррари». Старалась не показывать своего возбуждения, но внутри готова была лопнуть. Мне было немного неловко, потому что поездка проходила в абсолютной тишине. Мысленно я пыталась сбежать от чувств, которых не должна была ощущать. Вроде защиты. Это последнее, что мог дать мне мужчина, настолько взбесивший меня.

Я старалась не смотреть на него, но, совсем как моя бабушка, просто бесцеремонно пялилась. Чувствуя свою безнаказанность, я не волновалась о том, что он заметит.

Каждый раз Борден замечал мои разглядывания. Примерно на шестой раз его брови раздраженно приподнялись.

— Кто-нибудь говорил тебе, что так таращиться невежливо?

Я заметила, что ему некомфортно. Либо он ненавидел пристальные взгляды — а кто любит? — либо он не привык к этому. Люди *не* отворачиваются, находясь в поле его зрения. Это всегда было в соответствии с его требованием — быть в непосредственной видимости.

Я задалась вопросом, почему мне нравится доставлять ему неудобства? Это какое-то странное пристрастие: нажимать на его кнопки, проверяя, как долго он сможет продержаться, не выплескивая своего дерьма. Похоже на то, что он делал со мной.

Я проигнорировала его вопрос.

— Не высаживайте меня перед домом, — сказала я. — Не хочу, чтобы кто-нибудь сделал что-то с вашей машиной. Вокруг слоняется много людей.

— Не волнуйся о моей машине в своем гетто, — ответил он.

— Ах, гетто?

— Как еще можно назвать твой район? Просвети меня.

Я задумалась на мгновение. Это убогий небольшой район, согласна. Здесь скрывается много банд, и они не слишком дружелюбны. Лично меня они не беспокоили: их больше волновала торговля наркотиками, чем девушки, так что не все так плохо.

— Ну да, гетто, — наконец, спокойно согласилась я. — Не все из нас богатые и счастливые.

Это был камень в его огород. *Это ничто по сравнению с ощущением, что носишь клеймо бедности, Эмма.*

— Я не всю жизнь был таким, — поправил он меня. — На мою жизнь пришлась изрядная доля нищеты, прежде чем я покинул город. Я был в таких местах, в которых твоя квартирка покажется мечтой.

Мои глаза округлились от удивления.

— Я никогда не знала этого, имею в виду, что никто никогда не говорит об этом.

— Потому что никто не знает о моих путешествиях, — незаинтересованно пробормотал он. — Я хотел бы, чтобы так и оставалось.

— О.

Я не была уверена, что могу в это вмешиваться, хоть и желала — и вдруг мне действительно очень этого захотелось.

— Где вы были?

— Далеко отсюда.

— Было страшно?

Он немного напрягся, воспоминания промелькнули во взгляде.

— Да, — правдиво ответил он. — Было.

Машина остановилась перед жилым комплексом. Он посмотрел на дом, затем на привычную мне компанию парней — по-прежнему перед входом, все пятеро. Они еще ни разу не побеспокоили меня, и я была склонна думать, что они неплохие ребята, но Борден при виде их нахмурился. Разумное беспокойство.

— Позволь мне проводить тебя, — сказал он, глуша двигатель.

— Вы не должны, — быстро ответила я.

Он просто смотрел на меня.

Дерьмо.

Мы вышли и направились к входной двери. Рука Бордена обнимала меня за талию, словно помечала перед другими мужчинами. Они слышали наши шаги и повернулись посмотреть. Их глаза ощупали мое тело, один даже негромко присвистнул. Я покраснела и опустила взгляд на тротуар. Они ничего не сказали, но я поймала взгляд Бордена, брошенный в их сторону.

Я открыла дверь и вошла. Мужчина шел слишком близко позади меня. Зайдя в лифт, он с отвращением посмотрел на граффити, покрывающие стены и потолок.

— Это просто грустно, — пробормотал он. — Сколько каждый месяц ты платишь за аренду в этой дыре?

— Скажем так, большую часть моей зарплаты до того, как вы наняли меня, — ответила я не в силах скрыть улыбку.

Мы вышли на этаже и направились к моей квартире. Я остановилась перед дверью и собиралась что-то сказать, когда за соседней дверью раздались крики, а с другой стороны — звуки включенного телевизора. Он посмотрел в том направлении, откуда они доносились.

Я улыбнулась.

— Немного невинного шума, ничего страшного, правда?

— Правда, — пробормотал он, уголки его губ взлетели вверх. — Если честно, это все вызывает небольшую ностальгию. Когда я был в твоём возрасте, то жил недалеко отсюда.

— Здесь стало намного лучше. Я имею в виду криминал.

Он медленно покачал головой.

— Не намного, куколка.

Я отвернулась от его захватывающих глаз и открыла дверь. Войдя внутрь, включила в коридоре свет.

— Спасибо, что подвезли, — сказала я, поворачиваясь к нему.

Он стоял неподвижно напротив меня, словно ждал чего-то еще.

— И что проводили, — добавила я.

Борден посмотрел мне в глаза, а потом за мою голову в квартиру. Мне потребовалась всего секунда, чтобы понять его намерения.

— Вы можете идти, — сказала я, не зная, как еще намекнуть ему на то, чтобы он уходил.

— Не собираешься пригласить меня? — удивленно спросил он.

— Нет, — быстро ответила я и покачала головой. — Это как погружаться в открытый океан и ждать, когда акулы начнут окружать тебя.

Он молча переваривал мои слова, задумчивый, как никогда.

— Я не такой плохой, — наконец, сказал он.

Мои брови скептически приподнялись.

— Вы престу... — я осеклась. — Мне просто не очень комфортно с вами вне работы. Это подразумевает соблюдение профессиональных договоренностей.

— На хуй профессионализм. В этом нет ничего веселого.

Я вздохнула.

— Это не предполагает веселье.

— Пригласи меня, Эмма.

— Нет. Я еще слишком мало о вас знаю.

— Что ты хочешь узнать?

О, Боже.

— Ну, почему вы так хотите войти? — раздраженно парировала я.

— Меня никогда раньше не отшивали, — он пожал плечами. — Обычно... обычно это делал я.

— И только потому, что ситуация вне вашего контроля, вы чувствуете в себе право третировать меня и пытаетесь убедить впустить вас в мою личную жизнь? И не смейте угрожать мне, потому что вы исчерпали все долбанные штучки, которые годились для этого...

Он прервал меня, засунув руку в карман и вытащив оттуда зажим для денег, полный столондаровых купюр. Мои глаза округлились.

— Это не контроль, — сказал он, глядя на деньги. — Я просто хочу тебя. Очень долгое время я хочу тебя.

Когда я не ответила, он наклонился, оказавшись со мной на одном уровне, уперся руками по разным сторонам дверного проема так, чтобы находиться близко к моему ошеломленному лицу.

— У меня очень давно не было женщины. Я чист, как младенец, и у меня много денег. В моей руке сейчас несколько штук, если хочешь. Я не прошу больше ничего. Мы можем превратить это в деловую сделку. Никаких проблем, если я буду платить тебе в обмен на...

— Вы в своем уме? — резко прервала я его. Мне хотелось закричать, но я сдержалась. — Я не шлюха.

— Я никогда этого не говорил.

— Вы тычете мне в лицо деньгами, как вы можете после этого спать со мной?

— Мы не будем спать.

— Вы безумнее, чем я думала, — практически выплюнула я сквозь зубы. Не могу поверить в то, что он говорит! — Вы думаете, я настолько в отчаянном положении, чтобы переспать с вами? С вами?

— Ты действительно очень бедно живешь, Эмма.

— Я предпочту питаться крысиным пометом, чем позволю такому мужчине, как вы за

деньги растоптать свое достоинство.

— Ты питаешься крысиным пометом? Я начинаю задумываться о степени твоей странности...

— Уходите, Борден.

— Это просто обмен. Деньги в обмен на секс...

Моя злость достигла точки кипения, и я со всей силой, на которую была способна, ударила его по лицу. Снова! Бомба взорвалась. В воздухе висел звон, и я снова воспарила над своим телом, с ужасом наблюдая, что натворила.

После этого было следующее: на его лице было удивление, грудь быстро поднималась и опадала, а в глазах голод.

Моей последней мыслью было «Ох, блядь», а потом Борден сделал шаг вперед и прижался своими губами к моим.

Глава 19

Эмма

Меня никогда раньше так не целовали. Даже наш последний поцелуй не шел ни в какое сравнение.

Можно ли считать поцелуем то, что тебя буквально пожирают?

И почему мое предательское тело было не в состоянии оторваться от него?

Я вздрогнула от попытки его напористого языка проникнуть в мой рот. Борден резко толкнул меня назад, пока я не оказалась прижатой спиной к стене коридора. Когда его руки обхватили мое лицо, я краем уха услышала звук захлопывающейся двери. Одна рука сместилась на мои волосы, сгребла их в кулак и потянула назад так, чтобы мое лицо было повернуто к нему.

На вкус он, как мята и фрукты, и все самцы. Я почувствовала, как нижняя часть его тела прижимается ко мне, удерживая в одном положении, а также жесткую выпуклость в его брюках напротив моего живота.

Святое дерьмо. Охуеть.

Эти руки двинулись вниз по моему телу, легко коснулись груди и жестко опустились на ягодицы, сжав их, прежде чем направиться вниз по бедрам. Все это время он не переставал целовать меня, с трудом отрываясь, чтобы вдохнуть. Его язык схлестнулся с моим, а зубы кусали мою нижнюю губу. Я прерывисто задышала в его открытый рот, когда эти руки потянули мое платье вверх. Ощущение холодного воздуха на моей коже, а потом его горячие руки на моих бедрах.

Я ахнула, когда он подхватил меня и, к своему стыду, уверенно обвила своими ногами его бедра. Борден толкнулся ближе ко мне, пока его длина не прижалась сильнее к моим трусикам, прямо к центру нервного напряжения. Одно это прикосновение — и мое тело взорвалось электрическим разрядом удовольствия.

Я была охвачена жаром. Безумно горячая. Мое тело горело, кожа покрылась испариной, во рту пересохло, а чувства плавились. Он немного отстранился, а затем потерял своей эрекцией об меня. Я резко вдохнула, когда еще один толчок удовольствия сотряс мое тело, погружая меня в это недолгое блаженство.

Он облизал мои губы и взглянул на меня из-под опущенных век. Вновь жестко прижался ко мне, и мои глаза закрылись, я застонала. О, как давно это было. Так. Блядь. Давно. Давно я не ощущала тепла другого человека.

Но это был не просто другой человек. Это был хищник, излучающий силу и мощь, и я с радостью сдамся, чтобы почувствовать его.

Мужчина резко выдохнул напротив меня, прокладывая языком дорожку вдоль линии моего подбородка, прежде чем опять отстранился.

— Сделай это снова, — возбужденно прохрипел он.

В замешательстве я открыла глаза и непонимающе посмотрела в его лицо. За облаком похоти я не могла понять, что он имел в виду. Борден тяжело дышал, хотя держал меня без усилий, и смотрел так, будто отчаянно в чем-то нуждался. Сделай это снова.

Сделать что?

В тусклом свете я увидела его покрасневшую щеку, и до меня вдруг дошло, чего он хотел.

Он хотел, чтобы я ударила его?

Нет. Нет. Нет. Это убийственное желание. Я не хотела давать ему пощечину! Ну, я имею в виду, что хотела ударить его, но не для того, чтобы получить удовольствие и не в эту секунду.

Моя нерешительность была очевидна. Мужчина наклонился и снова лизнул мои губы. Я поспешно попыталась поцеловать его, желая почувствовать больше, но, прежде чем наши губы встретились, он отстранился.

— Сделай это снова, — на этот раз потребовал он. — Или я должен продолжать размахивать деньгами и называть тебя шлюхой все время, чтобы ты...

Я ударила его. Сильнее, чем раньше. Тот же растерянный взгляд возник на его лице. Его эрекция усилилась, и я была... смущена и возбуждена, как ад, но смущена больше.

Было видно, как еще больше покраснела его щека, а грудь еще сильнее вздымалась вверх-вниз. Он абсолютно задыхался, будто пробежал марафонскую дистанцию. Борден опять намотал мои волосы себе на руку, грубо собрал их в кулак за моей головой, и снова погрузился в мой рот. Я качнулась в его захвате, нуждаясь в его следующем толчке. Он утешил меня грубым трением, заставляя обхватить руками его шею, чтобы прижаться ближе.

Я была мокрая и возбужденная, и когда он грубо потянул меня за волосы, посылая боль по всему телу, я неожиданно застонала от соединения боли и наслаждения.

— Любишь жестче, да? — пробормотал он, посасывая мою губу.

Я отрицательно покачала головой.

— Нет? — прошептал он, прежде чем снова стянуть мои волосы, вызывая очередное шипение и стон. — Твое тело говорит обратное.

Потянув за волосы, он наклонил мою голову под таким углом, чтобы его рот получил доступ к моему горлу. Он глубоко всасывал и кусал мою кожу, снова заставляя меня задыхаться и стонать. Мои пальцы впились ему в спину, он застонал и укусил меня сильнее, после чего облизал место укуса.

Блядь, что происходит?

Он потерял об меня еще раз. Я чертовски возбудилась. Все тело было напряжено, ноги мучительно сжимались вокруг его бедер.

— Трахни меня, — не задумываясь потребовала я.

— Сперва заработай это, — ответил он, поглаживая свою эрекцию напротив меня.

Меня трясло, одной рукой я вцепилась ему в спину, царапая кожу, другой тянула его за волосы, пытаясь приблизить его рот к своему. Когда он, наконец, уступил, я, не теряя времени, снова ударила его по лицу. Борден зарычал, его похотливый взгляд стал более агрессивным, а затем он поцеловал меня, овладевая моим ртом, захватывая язык, пока наши губы сминали друг друга.

Мы походили на потный клубок, когда он, наконец, решился оттолкнуться от стены и двинуться обратно. Его рука сгребла сзади мое платье, поспешно дернула молнию вниз, в то время как я прокладывала себе путь через пуговицы его рубашки, сдирая ее с него.

Он поразительно быстро нашел дверь в мою спальню, словно заранее знал планировку квартиры. Открыл дверь и занес меня внутрь, уронив прямо на кровать, после чего разорвал мое платье. Было слышно, как трещит и рвется ткань, и не будь я такой неудовлетворенной, непременно всплакнула бы над чертовой вещицей.

— Блядь, — проворчал он, когда его руки стянули платье с моих ног, и он уставился на мое расprostертое перед ним полуголое тело.

Борден стоял на краю кровати, разжигая глазами огонь на моей коже, выглядя грязно с растрепанными волосами и голым торсом. Я вздрогнула от удовольствия, когда он опустил взгляд на меня с каким-то возбуждающе теплым выражением на лице, как будто все это для него было новым.

Может, так оно и было. Возможно, Борден никогда раньше не терпел поражения, и это ему нравилось. Какова бы ни была причина, я испытывала удовольствие от этого толстого и твердого члена, натягивающего ткань его брюк.

Я хотела его.

Я хотела узнать, насколько большим он был. Хотела узнать, насколько заполненной буду ощущать себя с ним внутри. Я не хотела больше ничего, кроме удовольствия. Это было эгоистичное желание, становящееся более захватывающим, потому что исходило от него — опасного мужчины, рассматривающего меня, словно чертов бриллиант.

— У тебя охуенно красивое тело, — отметил он.

Я расцвела от его комплимента.

Не поднимаясь на кровать, он наклонился ко мне и уперся одной рукой рядом с моей головой. Захватил ртом мою нижнюю губу, всасывая ее жестче, чем прежде. Я извивалась под ним, когда его рот начал спускаться вниз по моему телу. Это не были нежные прикосновения. Борден покусывал мою шею, вызывая покалывание на прохладном воздухе. Обхватив мою грудь через лифчик, слегка сжал ее, продолжая путь по моему животу к внутренней стороне бедер. Затем отстранился и потянул меня за руку, заставляя встать перед ним.

— Сними лифчик, — потребовал он.

Не теряя времени, я расстегнула и сняла. Его глаза впились в мою обнаженную грудь, после чего он указал на трусики.

— Это тоже, Эмма.

Сдернула их и отступила, полностью обнаженная с головы до ног, абсолютно незащищенная. Я не стеснялась своей наготы. Это я, и если он не захочет меня, то это его проблема.

— Двенадцать из десяти, — пробормотал он, глядя на меня. — Теперь встань на колени и расстегни меня.

Мой рот приоткрылся от удивления. Я не сдвинулась с места.

— Эмма, — серьезно повторил он, — ты хочешь, чтобы я трахнул тебя?

Я была чертовски возбуждена и, конечно, хотела, чтобы он меня трахнул.

— Да.

— Тогда встань и расстегни меня.

Никогда в сексе не выполняла ничьих приказов, в основном, потому что мужчина был достаточно умен, чтобы понимать: он не может мне приказывать, но... Борден был другим. Мои чувства были такими противоречивыми, а моя потребность такой сильной, что я не слышала рева битвы внутри меня, подчиняясь такому парню, как он.

Я опустилась на колени и начала двигаться к нему, глядя на его мощное тело, прикасаясь к бугристым крепким мускулам и татуировкам, встретившись затем с его тяжелым взглядом.

Он выглядел фантастически.

Осторожно я расстегнула ремень и молнию на его брюках. Остановившись, посмотрела на него. Он не говорил ни слова, будто оставлял за мной право решать, хочу ли я продолжения. И, конечно, я этого хотела. У этого мужчины было бесконечное эго, и мне, разумеется, хотелось увидеть, во что оно было упаковано.

Я стянула с него боксеры, и его член вырвался на свободу. От этого зрелища меня бросило в жар.

Ладно, он был большой.

Охуенно большой.

Я медленно обхватила его рукой. Он был еще и толстый — мои пальцы даже не соприкоснулись. Мне, блядь, была не понятна причина, по которой этот огромный член нуждался в том, чтобы его украшали. И это был...

Я остановилась и посмотрела в глаза Бордену.

— У тебя пирсинг.

Его губы изогнулись в улыбке.

— Ты собираешься сосать меня, Эмма? Или продолжишь пялиться на мой член?

В тот момент я действительно любила его грязный рот.

Мой язык метнулся и жадно лизнул головку его члена. Он закрыл глаза и резко втянул в себя воздух, выражение удовольствия смягчило его черты. Я никогда прежде не видела его таким. Он всегда был задумчивым и серьезным, и никогда таким открытым, как сейчас. Я чувствовала, как все внутри меня напряглось, моя жажда усилилась.

Я взяла его в рот, нежно посасывая, играя с пирсингом в уздечке парой сантиметров ниже головки. Эта чертова вещичка на члене Бордена немного пугала. Я двигала головой вперед-назад, не прекращая смотреть на него, впитывая каждую восхитительную деталь его лица. Он опустил руку мне на голову и сгреб волосы в кулак. Когда я вобрала его глубже, Борден негромко зарычал, его член стал еще тверже у меня во рту. Мужчина направлял мои движения и скорость, иногда толкая себя глубже в мой рот, но не до такой степени, чтобы я давилась.

Я оценила это.

— Блядь, — прошептал он.

Резко оттолкнув мою голову от своего члена, Борден заставил меня подняться на ноги. Он толкнул меня назад, я рухнула на кровать, и воздух выбило из моих легких. Постепенно сняв остатки одежды, он опустился на колени и потянул меня на себя, схватив за ноги и закидывая их себе на плечи. Не дав мне времени среагировать, его рот завладел моей киской.

От неожиданности я напряглась. Мои каблуки вонзились ему в спину. Вскрикнув, я вцепилась в его голову.

Накал удовольствия был невероятно сильным. Я извивалась под ним. Он сосал мой клитор, мои ногти впивались ему в затылок, когда я терлась о его губы. Борден сжал меня еще крепче, застонав вместе со мной, словно наслаждался этим так же, как и я.

— Блядь, блядь, блядь, — стонала я, срываясь в пропасть удовольствия. — Не останавливайся. Не...

Но он остановился.

Он, черт возьми, остановился.

Отстранившись, он поднялся. В темноте я видела его губы, блестящие от моих соков. Схватив за бедра, он перевернул меня и поставил на колени, моя задница оказалась в воздухе. Борден раздвинул мои ноги, и я вздрогнула, ощутив, как кончик его члена трется о мою киску, а пирсинг скользит по клитору. Я тяжело задышала, нетерпеливо сжимая простыни. Его руки блуждали по моей спине и вокруг груди. Он сжал ее, раскачивая своими бедрами взад-вперед подталкивая свою головку к моему входу.

О, Боже.

Мои глаза закатились. Я была такой мокрой и готовой. Он наклонился надо мной, его дыхание щекотало мне ухо. Его голос разорвал напряженную тишину.

— Ты знаешь, какое место у тебя будет болеть утром? Оно будет напоминать тебе, что я был здесь. Эта боль напомнит, как глубоко в тебе был похоронен мой член.

Я закрыла глаза и кивнула в знак согласия, стремясь к обещанному и желая, чтобы оно исполнилось.

Затем он толкнулся и медленно заполнил меня, растягивая своим членом. От этого вторжения я резко вдохнула. Сдерживаясь, чтобы не застонать вслух, я сильно сжимала простыни, чувствуя, как он продолжал заполнять меня. Конечно, я очень давно не была с мужчиной, но никогда не ощущала себя настолько заполненной даже раньше. Он был большой, даже слишком большой. И хотя я оценила его длину в данный момент, не могла не бояться, насколько удовлетворен он будет сам после этого. *Просто очередной выгул эго Бордена.*

Из его горла позади меня вырвался низкий глубокий стон, отвлекая меня от мыслей. Он вышел и снова вошел до предела. Замер на мгновение, сжав мои бедра.

— Блядь, Эмма, — прохрипел он за моей спиной. — Охуенно хорошо.

Я была слишком поглощена странным ощущением непривычной формы пирсинга на члене глубоко внутри меня. Он не ощущался так сильно, пока просто был во мне, но когда начинал двигаться туда-сюда, игнорировать его было невозможно. Я не могла решить, нравится мне это или нет, пока он не вошел жестче, чем раньше — и потом возникло это: какая-то искра, заставившая мое тело непроизвольно задрожать.

Охренеть.

Ощущения были приятными, но одновременно подавляющими. Я попыталась отодвинуться, но Борден все еще держал меня, с каждым толчком ускоряя движения. Спокойный секс, который обычно у меня был, исчез, словно в облаке дыма. Сейчас я нетерпеливо пыталась двигаться навстречу каждому его толчку, заставляющему меня одновременно стонать от удовольствия и боли.

Закрыв глаза, я попыталась разобраться в ощущениях. Секунду мне хотелось, чтобы он вышел из меня и отодвинулся, но потом, когда он действительно вышел, я почувствовала

нехватку этой смеси удовольствия с налетом боли. Ему нравилась грубость. Он снова сгреб мои волосы и резко потянул назад так, чтобы я не смогла вырваться. По ощущениям его быстрые и жесткие движения практически разрывали меня, отливая по форме его члена.

Термин «трахаться» приобрел для меня новое значение. Это секс, отравленный необузданной первобытностью. Никакой внутренней связи. Только глухие удары его члена внутри и тело, предающее меня, чтобы получить эти ощущения, несмотря на понимание ненормальности всего этого. Я перестала отстраняться, почувствовав приближение кульминации. Но каждый раз, когда я была уже практически на краю, мужчина полностью выходил из меня, заставляя ждать ослабления ощущений, отчего, испытывая бессилие, я начинала плакать.

— Нет, — захныкала я.

Колени болели, спину ломило от напряжения, он вбивался глубже и глубже, двигаясь во мне. Он долбил меня в жестком ритме, его пирсинг растирал во мне то, что я знала как свою точку G. Это было похоже на волны, разбивающиеся об меня, и мне ничего не оставалось делать, как качаться на них.

Он ощущался так хорошо.

Его рука покинула мою болевшую голову и скользнула по шее. Я резко вдохнула, когда он обернул ее вокруг моего горла. Захват был плотным, но достаточно свободным, чтобы ровно дышать. Он лег грудью на мою спину и мне были слышны его хрипы, сопровождавшие каждый толчок. Я почувствовала его палец, нажимающий на мои приоткрытые губы, заставляя сосать его, пока Борден безжалостно вколачивался в меня, не теряя ритма и не останавливаясь, чтобы контролировать мое удовольствие.

Даже в этот момент я ненавидела себя. За моей спиной был преступник, трахающий меня и сжимающий рукой горло. Это было сумасшествием. Этого не должно было быть. Это все грязь, и я никогда не хотела быть частью этого. Но оргазм снова приблизился, и все, чего я хотела, — это собственное удовольствие в руках этого непостоянного человека, чьи стоны возбуждали меня, как ничто другое до этого.

Я зажмурилась и закричала, кусая его за палец и заставляя стонать вместе со мной, когда волна блаженства взорвалась во мне. Смутно помню привкус меди на своем языке, когда кусала его.

Это был рай и ад, все во мне наслаждалось этими секундами, желая только, чтобы это длилось вечно, потому что знала, что ждет меня потом по другую сторону.

Борден сильнее толкался в меня, указательный палец присоединился к остальным вокруг моего горла. Спустя несколько мгновений он замер, посылая проклятия в воздух перед тем, как кончить. Я почувствовала, как его член дернулся во мне, лицо опустилось на мой затылок, когда его накрыла собственная волна.

— Блядь, — выругался он, его тело тряслось надо мной. — Блядь.

Я ощутила еще несколько рывков его члена, прежде чем он вышел из меня и рухнул рядом. Наконец, обретя способность двигаться, я повернулась на бок лицом к нему, наблюдая за его вздымавшейся вверх-вниз грудью. Его тело было покрыто потом, влажные пряди волос упали на лоб. Он выглядел полностью заебанным.

Я заставила себя не думать. Мне удавалось это приблизительно минуту, пока звуки нашего дыхания не утихли, и в комнате не осталось ничего, кроме тишины. Это было невыносимо неловко, и я вновь погрузилась в свои мысли.

Какого хрена я только что натворила? Теперь, когда мое возбуждение было мертво, как

прошлые жертвы Бордена, я почувствовала себя уставшей и грязной. Это была не я! Это никогда не могла быть я! Я никогда не хотела его таким образом.

Или хотела?

Конечно, хотела.

Сколько раз в глубине души я задавалась вопросом: как это будет? Сколько раз я фантазировала о его руках, блуждающих по моему телу, как он трахал меня, подчиняя себе, потому что знала, что он доминирующий уебок?

О, Боже.

Он посмотрел на меня. В его глазах все еще была похоть. Я вздрогнула, когда он наклонился ко мне, и его рука опустилась на мое лицо. Заметив мою реакцию, он замер и нахмурился.

— Эй, — прошептал он успокаивающе, — я не сделаю тебе больно, детка.

Я не ответила, но мое тело задрожало. Я чувствовала себя такой разбитой. Его пальцы погладили меня по щеке.

— У тебя кровь на лице.

Мое дыхание выровнялось.

— Твоя?

— Да, — он поднял палец, и я разглядела на нем следы крови.

Я тоже села и коснулась своего лица. Почувствовав влажный след его крови на себе, испуганно вздрогнула. Какой черт меня дернул причинять ему такую боль? И все время до этого?

О, Боже.

Я гребаный садист, да?

О, Боже мой.

— Эмма?

Я напряглась, не в силах сдерживаться дольше.

— Пожалуйста, уходи, — тихо сказала я, страх сквозил в моем голосе.

Я почувствовала рядом его движения. Он сел и посмотрел на меня, но я не могла ответить ему взглядом. Не знаю, может, я переступила черту, попросив его уйти. Поэтому, затаив дыхание, просто ждала, как он отреагирует.

К моему облегчению, он сполз с кровати и встал. Мне не хотелось наблюдать, как это огромное человеческое тело одевалось. Я отвернулась и уткнулась в подушку. Было слышно, как он оделся и застегнул молнию на брюках.

— Если кто-нибудь спросит, — сказал его холодный голос позади меня, — я был здесь всю ночь.

Он тяжелым шагом покинул комнату, и мгновение спустя я услышала, как хлопнула входная дверь.

Я сбросила каблуки, выскочила из постели и помчалась в ванную, прижимая ладонь к ноющей промежности. Сидя на унитазе, стерла небольшую каплю крови, вытекшую из меня. Все тело содрогалось от неприкрытой боли, и я заплакала, закрыв лицо руками, со стыдом глядя вниз на свое голое, больное, окровавленное тело.

Я стала одной из тех девок — тех гребаных девок, которые по тупости вляпываются в дерьмо, а ты закатываешь глядя на них, глаза и думаешь: «Ты заслужила это, глупая сучка». Как я могла позволить своему телу выйти из-под контроля? Почему я чувствовала себя так, будто за оргазм бросила свое достоинство под ноги человеку, с которым поклялась никогда

не сближаться?

Идиотка. Такая долбаная идиотка.

Теперь посмотрите на меня. Истекаю кровью благодаря отдолбившему меня члену, принадлежащему мужчине, который, мне ненавистно это признавать, потряс мое тело, как секс-бог.

Борден

Кровь на ее щеке. Дерьмо, это словно плевок в лицо из ее прошлого, из того переулка девять лет назад, только в более взрослой и горячей версии.

Борден бездумно ехал вниз по дороге прочь от ее дома. Его не волновало, насколько быстро он двигался. Ему просто нужно было убраться отсюда. В голове царил полный хаос. И больше всего его бесило непривычное, возникшее на секунду, ощущение от того, что он кончил в нее...

Это было чувство вины. Он обращался с ней как со шлюхой. Оттрахал до потери сознания, не проявив дерьмовой заботы о ней. Она не была готова к этому. Откровенно говоря, он тоже. Впервые за все время он потерял контроль и трахал ее так, как всегда мечтал.

Он переступил границу. Назад пути нет, и сделанных ошибок не исправить. Но лицо Кейт преследовало его, и он закончил тем, что свернул с дороги на обочину. Обеими руками он потер лицо и попытался отогнать от себя это ноющее отвратительное чувство вины.

На хуй это чувство. Он не сделал ничего плохого! Он убеждал себя в этом снова и снова. Она хотела этого. Она умоляла его. Черт, она тоже кончила. Это не выглядело, как брат, брат, брат.

Неизвестно, как долго он сидел здесь с этим сучьим ощущением гнили внутри. Если бы Кейт была жива, что бы она ему сказала? Она бы оторвала ему яйца, а затем спросила бы: гордится ли он тем, кем он стал?

Нет, не гордился. Он ненавидел свое прошлое, но так или иначе, оно было частью его, переплетаясь с нынешней жизнью и не желая просто так уходить, чтобы он мог двигаться вперед. Но с тех пор, как он встретил эту петарду, вся его жизнь стала казаться более менее сносной. Это было словно... словно она снова обрела цель. И, возможно, он был трусом и боялся признавать, что нуждался в том, чтобы давно вернуться сюда. Когда это было оторвано от него, он жил в своем бесчувственном склепе и делал то, что умел лучше всего: контролировал. Вокруг не было ничего, что было бы ему неподвластно, и ощущение этого со временем потеряло остроту.

Борден решил, что зашел слишком далеко. Был слишком груб с ней. Слишком жесток для нее. Было бы лучше для нее, если бы ее обработал тот сопляк в узких джинсах...

Он остановился от одной мысли об этом. Его слишком сильно это бесило. Она была его. С того самого момента, как открыла на него свой рот там, в закуской, она отреклась от себя для него.

Нет.

На самом деле, нет.

С того момента, как вырвала у него нож в том переулке, она подписала себя. Это был всего лишь вопрос времени. Она вернулась в его жизнь, когда судьба решила, что пора.

Никогда Борден не чувствовал себя так хорошо, таким живым, до того момента, как

привел ее в свой офис. И хотя он сожалел, что так обращался с ней, она все равно ощущалась фантастически.

Так фантастически, что можно было попасть в зависимость.

И Борден стал наркоманом.

Он жаждал ее каждой своей косточкой.

И это было больнее всего. Потому что в глубине души знал — он не может быть с ней.

Он завел ее слишком далеко.

Он не может потерять еще одного близкого человека.

Глава 20

Эмма

Я села за свой стол и тупо уставилась в цифры на лежащем передо мной листе, будто они были написаны на санскрите. Не могла сосредоточиться. Тело было напряжено. Ожидание убивало меня.

Была середина утра, а он не появился в офисе. Это было так не похоже на него. В это время он обычно уже всю донимал меня. Я не делала вид, что события пятничной ночи ничего не изменили, но точно не предполагала, что они имели какое-то значение для него. На самом деле я ожидала, что он появится здесь с хитрожопым видом, самовлюбленно комментируя проведенное со мной время.

Возможно, он сожалел об этом так же, как и я. Хорошо бы. Это могло бы... Блядь, с чего бы ему сожалеть об этом? Я что, была его разочарованием в постели? Поэтому он не хотел находиться рядом со мной? Потому что я оттолкнула и не поддавалась на его очарование?

Я прикусила губу, ненавидя даже самую возможность чувствовать себя настолько дерьмово. Как он посмел не прийти! Твою мать, он ведь истер мою вагину в кровь своим членом! Я заслуживаю извинений за это! И за его намеки на секс! И за тот рай на земле, когда он поедал меня! И за то, что брал меня так жестко и сильно, подарив ощущения, которых я никогда раньше не испытывала.

Я застонала от своей глупости. *Одна из тех девок, Эмма, сейчас ты одна из тех девок.*

Это была правда. Я стала одной из тех девок. Все выходные я думала о нашей близости, перебирая все мельчайшие подробности. Он не должен передо мной извиняться! Я сама его хотела. Он не предлагал мне секс. Знал, что разозлит меня, и это то, чего он хотел — в этом был его фетиш: разозлить меня так, чтобы я ударила его, и мне ненавистно то, насколько это заводило меня.

Никогда раньше я не чувствовала власти над мужчиной, пока он не уступил в тот момент, позволив причинить ему желаемую боль. Я пришла к выводу, что не жалею о нашей близости. Напряжение между нами было слишком плотным. Кажется, это было нужно нам двоим.

Чувство неприязни к нему переросло в простую ненависть, а потом в неожиданное желание: ничего больше я так не хотела, как сорвать с него одежду и почувствовать себя растерзанной им... Это был самый грандиозный приступ, когда-либо перенесенный мной.

Я устраивалась на сиденье стула, пытаюсь найти удобное положение, потому что сидеть

было все еще немного больно. Но это не волновало меня. Я наконец-то трахнулась, и на мне никогда не оставляли синяков в качестве напоминания в последующие дни.

Ты будешь помнить, что я был здесь. Тебе будет больно, и эта боль будет напоминать, как глубоко внутри тебя был похоронен мой член.

Отличная работа, мудак.

Я взглянула на соседний пустой стул. Он давно должен быть здесь.

Какого хрена, Борден?

Он появился в полдень.

Вошел в костюме, что означало: занимался делами весь день. Без привычного сэндвича с ветчиной и сыром для меня. Без леденца во рту. Он даже не взглянул в мою сторону.

Сложилось впечатление, будто темное облако внезапно нависло над комнатой.

Я села прямее, моя рука дрожала над мышкой, пока он совершенно молча усаживался в свое кресло. Он открыл несколько файлов, перебрал какие-то бумаги, и я ощущала себя практически невидимой, что было нормально. Потому что сама уставилась на него, как чертов щенок, выпрашивающий внимания.

Мне необходимо было выяснить, что происходит между нами. Мне нужно было сказать ему, что я не жалела об этом и что выгонять его было ошибкой.

— Борден, — нервно прошептала я.

Он не повернулся.

— Чего ты хочешь? — раздраженно прорычал он.

Я тяжело сглотнула, удивленная его тоном. Он никогда раньше так со мной не разговаривал.

— Хм...

Я не знала, что сказать, как подобрать слова. Особенно, когда он был зол, потому что обычно в таком настроении все было безнадежно.

В конце концов, он посмотрел на меня с ледяным выражением лица.

— Хм, что, Эмма?

Я облизала губы, и он прищурился, глядя на мой рот.

— Я хотела поговорить с тобой, — сумела выдать я.

— О чем ты хотела поговорить?

— О пятнице.

— Это касается рабочих вопросов?

— Ну, нет.

— Тогда держи это при себе.

Я нахмурилась на него, мое сердце перевернулось.

— Теперь вдруг мы вспомнили о профессионализме?

— Это ведь то, чего ты хотела, не так ли? — выстрелил он в ответ. — Так вы это получили, мисс Уорн. Вернитесь к своей работе и заговаривайте со мной исключительно по делу.

Я сморгнула неожиданно навернувшиеся слезы, и, чтобы он не успел их заметить, быстро отвернулась и уставилась в монитор компьютера. Я была смущена, мне было больно.

Такой реакции я от него не ожидала.

Он наконец-то получил от меня то, чего хотел, не так ли?

Я сглотнула комок, злясь на свою излишнюю эмоциональность. Определенно, у меня скоро месячные. Это *не* из-за него, нет. Совсем нет. Я не плачу из-за мужчин. Никогда, никогда я не позволяла им причинять мне боль. Борден такой же, как и все.

Лгунья.

Было так трудно — пытаться выглядеть нормально и выполнять работу, когда мои мысли были где угодно, но только не здесь. Я чувствовала его движения, его чертово тепло, его присутствие каждую секунду, пока сидела рядом. Неосознанно мои глаза пробежались по его рукам, и я увидела красную отметину, оставленную мной на указательном пальце. Глубокий след укуса вызвал у меня учащенное сердцебиение и сладостное томление внутри. Доказательство того, насколько далеко мы зашли. А теперь у меня было ощущение, будто между нами миллион миль.

— Рассматриваете свою работу, мисс Уорн? — не глядя, огрызнулся он.

Покраснев, я отвернулась и прекратила его разглядывать. Часть меня злилась, другая часть была смущена. Я следила за стрелкой часов, моля ее ускориться, чтобы вернуться домой и разрыдаться.

— Вы не возражаете, если я выйду и перехвачу что-нибудь из еды? — выдавила я. Прождав его весь день, я пропустила обед. А так как он не принес мне традиционный сэндвич, мой желудок сводило от голода.

— Обед был два часа назад, — вновь отрезал он. — Если вы ничего себе не взяли, значит, зря потратили свободное время.

— Но я закончила свою работу.

— В таком случае, есть шесть туалетов, нуждающихся в уборке, если вам действительно нечем заняться.

Я замерла от шока и гнева, после чего отвернулась к компьютеру.

— Я просто заново создавала свой аккаунт.

Его самодовольная ухмылка ощущалась с того места, где я сидела, и мне пришлось глубоко дышать, чтобы не наброситься на него. Что за долбоеб! Неужели он действительно думал, что может превратиться в мудака, просто трахнув меня?

Ты заплатишься за это.

Я открыла интернет и сделала заказ с доставкой прямо на работу.

Если я не могу выйти за едой, тогда еда придет ко мне.

Тридцать минут спустя в дверь офиса раздался стук. Я пыталась не улыбаться, потому что знала, кто это был.

— Войдите, — сказал Борден, отрываясь от бумаг.

Дверь открылась, и один из его людей, Джерри, вошел, держа два пакета с едой.

— Доставка еды, мистер Борден, — сказал он, останавливаясь перед его столом.

Борден стрельнул в него глазами.

— Для кого?

Джерри открыл сумку, доставая один из контейнеров «Таппервэа» (*Прим. Всемирно*

известный производитель посуды премиум-класса), и прочитал имя на крышке.

— Сказано для... Босса Эммы.

Борден стиснул зубы и медленно повернулся ко мне, его лицо потемнело. Не обращая на него внимания, я подозвала рукой Джерри и сказала:

— О, это для меня. Спасибо, Джерри.

Он поставил оба пакета на мой стол и вышел. Я почувствовала мечущий молнии взгляд Бордена, когда открывала пакеты и стала извлекать контейнеры. Их было десять, и я раскладывала свое гигантское дорожное пиршество по всему столу, сдерживая улыбку.

— С каких пор тебе нравится китайская еда?

— Ну, она мне и не нравится, — ответила я. — Но ведь это не *мой* обеденный перерыв, а рабочее время. А эта фирма зарегистрирована на сайте компании как организующая питание сотрудников. И не волнуйтесь, вы оставили хорошие чаевые. Спасибо, мистер Борден.

Он не ответил. Я была уверена, его трясло, словно мешок злости, чем он, собственно, и был. И мне нравилось это. Я приступила к приему пищи, как к работе, все время игнорируя его взгляды и откусывая от всего подряд.

— Я собираюсь сходить чего-нибудь попить, — сказала я ему, когда закончила. — Если только... мне не запрещено.

Я выжидающе взглянула на него. Было видно, как вращались колесики у него в голове. Если он не позволит мне это, я, блядь, снова его проучу. Возможно, куплю торговый автомат и установлю его в этом чертовом офисе. Мысль действительно взбудоражила меня.

— Просто иди, — пробормотал он, практически дымясь.

Я пошла. И после того, как немного попила, зашла в туалет, я чертовски долго чистила зубы и мерила шагами комнату. Вроде достаточно. Я сделала, что могла, доказав, что всегда найду способ сбежать с его поводка, и способы эти не добавят ему счастья.

Неприязнь в комнате была настолько ощутима, что я чувствовала нервное напряжение всей поверхностью кожи. Это все я сделала по причине того, что мне было больно и не хотелось быть растоптанной им. Однако, потихоньку я начала осознавать, что могла еще больше все испортить между нами. Последнее, чего мне хотелось — это его ненависть. Эта мысль очень меня расстроила. Я задрожала, ища пути восстановить мостик между нами, но вариантов было мало, учитывая степень его неприступности.

Когда настало время уходить, я испытала истинное облегчение и начала собирать свои вещи. Я медлила, не будучи уверенной в том, как пройдет поцелуй в щеку. Встав, я неуверенно повернулась в его сторону. Ладони вспотели. Я не знала, как поступить. Идти к нему? Уходить? В связи с его ужасным настроением я решила, что лучше просто уйти.

Сделав три шага к двери, услышала его голос.

— Ты ничего не забыла?

Я остановилась и сложила губы для поцелуя. Исключительно для дела. Повернулась и направилась к нему, эмоции накрыли меня подобно цунами. Я наклонилась и поцеловала его небритую щеку. Невзирая ни на что, в этот раз это были не легкие прикосновения. Мои губы задержались там на несколько секунд, целуя его так, как я внутренне всегда мечтала. Чувствуя, что он все еще не со мной, я отстранилась, и тут он резко схватил меня за шею и повернул лицом к себе. Сократив расстояние между нами, впился в меня взглядом. Его глаза были такими голубыми, я тонула в их глубине. Голова закружилась от желания.

Дышать стало труднее, каждая моя клеточка ожила. То же волнующее ощущение, когда

он поцеловал меня, прежде чем уйти, и я мысленно умоляла его сделать это. Чтобы снова почувствовать его рот, опустошающий меня.

Внезапно все, что произошло за день, потеряло значение. Весь гнев и разочарование были совершенно забыты.

В его глазах был голод и борьба. Казалось, будто он боролся с собой, держа меня на расстоянии.

— Сделай это, — прошептала я.

Если где-то был переключатель, то сейчас я просто щелкнула им.

Он быстро притянул меня к себе, захватив губами мой рот. Я погрузилась в него, посасывала его губы и язык, ощущала себя наркоманом, получившим дозу. Его поцелуй был таким глубоким, что я потерялась в нем, лишившись способности здраво мыслить.

Мгновенно переместившись всем своим телом, он толкнул меня назад, пока я не оказалась на краю его стола. Он задрал мою юбку, пальцами отодвинул в сторону мои лучшие стринги — потому что часть меня желала, чтобы это случилось — и слегка погладил по клитору. Я выгнулась под этим прикосновением, внутри меня все разлетелось искрами.

Да, да, да. Мое тело пело.

А потом...

Я услышала треск!

Он разорвал мои трусики и встал, отпихивая ногой компьютерный стул и наклоняясь ко мне. Его руки были повсюду: расстегивали блузку, сжимая мою грудь, задирали юбку, завернувшуюся вокруг бедер, скользили по моим обнаженным складочкам, надавливая и заставляя меня стонать.

Невозможно описать мой восторг в тот момент. Нет слов. Чувствовала, что мое сердце готово взорваться, когда поцеловала его, наслаждаясь этим прекрасным противостоянием между нами. Мои руки рванулись вверх по его груди, стягивая с него пиджак. Я запустила пальцы в его волосы, дергая их за кончики.

Все время я смутно осознавала, что он сдвигал вещи позади меня. Документы и контейнеры полетели на пол, монитор отъехал на другой конец стола. Он резко схватил меня за шею и отпихнул от своего рта. Моя задница оказалась на жесткой поверхности стола. Я открыла глаза и, посмотрев на него, увидела первобытный жар его взгляда, пока он торопливо расстегивался.

Мы оба задыхались. Вместе с участвовавшими ударами сердца это был единственный звук в комнате... до тех пор, пока головка его члена не коснулась моего входа, и из моего горла не вырвался низкий стон.

— Попроси, — потребовал он.

— Просто трахни меня, Борден.

— Скажи «пожалуйста».

Я замерла, оттолкнула руку, все еще прижатую к моей шее, и ударила его по щеке.

И опять это ошеломленное лицо.

И голод.

Боже, этот голодный взгляд вгонял меня в дрожь.

Не ожидавший такой провокации, он с силой толкнулся в меня, заполняя полностью одним плавным скольжением. Я напряглась под ним. Этот благословенный дьяволом пирсинг потерся о мою точку G, и я увидела звезды. Не знаю, как громко я стонала. Я была слишком занята своими ощущениями, чтобы знать. И, черт возьми, что за чувства это были!

Больше я никогда не уйду, не пронзенная членом. Я знала это.

Нет, нет, я никогда больше не уйду, не побывав на *его* члене.

Борден снова и снова вколачивался в меня. Жестко. Стол под нами ходил ходуном, когда он постепенно ускорял движения, крепко сжимая мое горло и удерживая меня на месте. И, как и раньше, все было по-животному, мы оба искали освобождения, не заботясь о том, насколько жестко и грубо это происходило. Сейчас меня это не беспокоило. Я любила каждую секунду, когда он был во мне, вовсе не заботясь о том, насколько это было грязно. Потому что я хотела быть грязной. Я хотела все его порочные стороны. Динамит внутри меня разгорелся, и я захлебнулась в последовавших следом волнах эйфории. Вцепившись в его руку, вонзилась в нее ногтями, когда почувствовала тепло, разлившееся по моему телу.

О, Боже. О, Боже мой.

— О, Боже, — выдохнула я, сжимаясь вокруг него.

Он не прекратил движений, но его рука поднялась вверх по моей шее, захватывая волосы в кулак. Он наклонился, его горячий рот прижался к моей коже, посасывая и покусывая плечо, шею и рот.

— Блядь, да, — простонал он.

Затем он посмотрел на меня, и я увидела незащищенность в его взгляде, когда он достиг края и улетел. Кончив, он замер во мне. Наслаждение омыло его черты, и я в четком свете видела их, пока он шептал:

— Блядь, блядь, блядь.

Он был самым красивым мужчиной, которого я когда-либо видела.

И в тот самый момент, когда увидела в этих глазах незащищенность и боль, я почувствовала, как в моей груди что-то надломилось. Нащупав созданную им брешь, он влез в нее.

Этот мудак только что коснулся моей души. От понимания этого мои глаза заблестели.

Не могла объяснить почему, но мои прикосновения из грубых превратились в нежные. Я легко провела пальцами по его волосам, пока он успокаивался, пытаюсь взять под контроль дыхание. Мне очень хотелось прижать его к себе и удерживать так, а после осознания того, что мы сделали, это желание усилилось. Только так мы сможем противостоять нашим странным взаимоотношениям.

Но этого не произошло.

Он неуклюже оттолкнулся от меня — при этом полностью вышел — и застегнулся. На этот раз его глаза избегали моих. Я села, немного покачнувшись от головокружения, и он поддержал меня под руку, помогая слезть со стола. Я одернула юбку и застегнула блузку, непрерывно наблюдая за его суетливыми движениями. Он казался действительно отстраненным, собирая бумаги, ставя на место монитор, который почему-то валялся на полу, хотя я не могла вспомнить, в какой момент нашей бурной скачки это произошло.

Я молча помогла ему прибраться. Одновременно мы заметили разорванные стринги и на мгновение заколебались, после чего он наклонился и поднял их. Я подошла, чтобы забрать, но он молча сунул их в карман и, не говоря ни слова, продолжил уборку.

О, Боже, это прелестно. Очередной неосознанный взрыв гнева.

После этого он рухнул в кресло, совершенно непохожий на уверенного бешеного Бордена, которого я знала. Он уставился на стол, и я не могла прочесть его, не могла понять, о чем он думал. Но почувствовала, что ему хотелось побыть одному. Схватив свою сумку, я повернулась к нему. Не задумываясь, я наклонилась и слегка коснулась губами его щеки.

— До свидания, мистер Борден, — дрожащим голосом прошептала я.

Сразу после этого я выбежала из комнаты, не набравшись смелости посмотреть на его реакцию.

Борден

Борден ебанулся.

Действительно и сильно ебанулся.

Как? Как он позволил этому зайти так далеко? Он не смог сказать ей «нет». Маленькая бродячая кошка каким-то образом пробила его защиту, заставив почувствовать себя беспомощным.

Через час после ее ухода Борден все еще ощущал запах секса, витавший в воздухе. Все еще чувствовал запах маракуйи — спрея для тела, которым она пользовалась. Все еще чувствовал ее податливые губы напротив своих. Чувствовал обжигающую боль на лице, оставленную ее пощечиной.

Она охуенно идеальна, и в этом чертова проблема. Он не хотел, чтобы она была идеальной. Черт возьми, Кейт должна быть единственным идеалом для него. И все же Эмма сместила его понятие об идеале без его участия, даже не осознавая этого.

Прости меня, Кейт.

Он всегда твердил себе, что никогда не будет строить новых отношений. Это было бы серьезным оскорблением для Кейт. Она была единственной, кто мог обладать его сердцем. Твою мать, после ее смерти он ни одну даже не хотел. А еще он почувствовал ту боль, и еще больше красок проявилось вокруг. Гребаные цвета были повсюду вокруг этой черноволосой куклы.

Его охватила паника.

Он не мог снова потерять себя с еще одной женщиной. Он никогда не переживет этой боли, если что-то случится. Это будет его вина, и она физически уничтожит его.

Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо.

Какого черта он собирается теперь делать?

Глава 21

Эмма

— Почему мне кажется, что ты что-то не договариваешь? — спросила бабушка, вынимая из духовки булочки с сосисками.

Я перевела взгляд со своего шоколадного торта на нее. Можно играть в молчанку или же просто рассказать правду и столкнуться с ее презрением.

— Что, например? — вместо ответа сказала я.

Она скрестила руки, опираясь бедром на столешницу и завладевая моим вниманием. Ее лицо было серьезным, и я знала, она ждет от меня откровенности.

— Ты сама не своя, — сказала она. — Ты спряталась в свою прежнюю скорлупу, и по прошлому опыту я знаю, что это не всегда хорошо.

— Ну, это не так, как в прошлые разы, обещаю.

— Тогда поделись со мной, дорогая.

Я вздохнула, отодвигая от себя тарелку. Несколько мгновений я не отводила взгляд от блюда, а потом пробормотала:

— Ты помнишь, я говорила тебе о своей новой работе?

Она занервничала.

— Да.

Еще один долгий вздох, еще несколько минут.

— Я работаю на Маркуса Бордена.

Ее рот приоткрылся, руки опустились.

— Ты ведь не серьезно, Эмма.

Я кивнула.

— Серьезно.

Ух. Последовал осуждающий взгляд. Я виновато отвернулась и поморщилась. Она была так счастлива услышать о моей новой работе. Теперь все потеряло значение.

— Ты с ума сошла?

— Нет.

— Он причинил тебе боль?

Я украдкой взглянула на нее. Она побледнела, глаза наполнились слезами. Это разбивало мне сердце.

— Нет, бабуля, он этого не делал, — мягко ответила я.

— У тебя отметины по всему телу, Эмма. Не думай, что я не заметила.

Как, черт возьми, она могла заметить? Я попыталась скрыть их. Хотя они не такие уж серьезные. Только бледные синяки на плечах и следы укусов на груди и шее. Перед приездом я замазала их тональным кремом. Может, это чертово освещение сделало их заметнее?

— Это не... — я сделала паузу, подбирая правильные слова, чтобы не показаться извращенной девицей. — Он не причинял мне боли, хорошо? Просто поверь мне на слово.

Уточним: *он не причинял мне боли с плохими намерениями.*

— Просто не понимаю, как такое могло случиться, Эмма.

Отбросив прихватки, она оставила булочки готовиться в духовке, и отошла, медленно переставляя ноги. Это напомнило мне, насколько слабой она была на самом деле. Мы сели рядом.

— Разве я не предупреждала тебя об этом мужчине?

— Да, было. Но он не такой, каким ты мне его представила.

— Ты должна уволиться, Эмма. Как можно скорее, пока он не запустил в тебя свои когти.

Его когти уже были в моем сердце.

— Все не так, как кажется, бабуля.

Она подавила вздох и покачала головой.

— Все дело в его внешности? Я знаю, он великолепен, но это кажущаяся видимость...

— Нет, это не так. И я узнала кое-что о Джоэле. Помнишь его? Парень, с которым ты меня познакомила. Он сумасшедший.

Ее темные глаза полезли на лоб.

— Чтоооо?

— Да. Он доктор Я-Люблю-Смерть. Бабуля, он говорил о тюрьмах и поездках на территорию, где умер какой-то зэк. На мой взгляд, иногда у тебя ошибочное представление о

вещах. Теперь я понимаю, что у Бордена есть проблемы, но он хорошо ко мне относится, и я не стану увольняться с работы только потому, что тебе этого хочется.

Очень трудно убедить ее в этом. Я знала, что у нее добрые намерения, но не была готова говорить об увольнении. Потому что увольнение означало отказ от Бордена, а я не могла этого сделать. Я просто надеялась, что она прекратит этот разговор до того, как я позволю надавить на жалость.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — просто сказала она, но голос выдавал, насколько ей было страшно.

— Знаю.

Я ее не убедила.

— Твоя мать говорила то же самое о твоём отце, и посмотри, что вышло. Он влез в ее душу и разорвал на части, пока она не стала настолько запуганной, что убила его. Мужчины могут открывать самые худшие наши стороны, Эмма.

Я напряглась, словно она ударила меня. Сказать на это было нечего. Я просто уставилась на нее, выпучив глаза. Она никогда не говорила о своей дочери — моей матери. Эта тема была негласно похоронена много лет назад.

Бабушка не подходила ко мне в течение следующего часа, пока я была у нее. И едва сказала хоть слово. Вместо этого она вернулась к приготовлению булочек. Сложив их, она подала мне контейнер, все время избегая смотреть мне в глаза.

— Я иду спать, — сказала она, слегка погладив меня рукой по щеке, прежде чем уйти. — Береги себя, Эмма.

Она ушла в свою комнату, а я пересекла короткое расстояние до машины Человека-усы, ощущая себя полным дерьмом. Не надо было рассказывать ей. Можно было соврать и сделать вид, что все в порядке. Она бы никогда не узнала про Бордена и никогда не посмотрела бы на меня с таким разочарованием.

— Вкусно пахнет, — сказал Человек-усы, когда я забралась в машину.

Я подала ему контейнер с булочками.

— Можешь попробовать.

Он жевал их всю дорогу домой, пока я хмуро таращилась в окно. Любой испугался бы в моем положении, но Борден уничтожил мой страх перед ним, приведя в свой офис.

— Как много женщин ты видел с Борденом? — вслух поинтересовалась я.

Человек-усы замер, не донеся булочку до рта.

— Ни одной.

С отвисшей челюстью я повернулась и посмотрела на него.

— Реально? Вообще ни одной?

— Иногда парни любят снять для него нескольких девчонок, но они остаются в его компании пару минут, после чего он вышвыривает их.

— Постой, где он это делает?

— В своей квартире. Он и в мыслях не держал заниматься этим на работе, если это то, о чем ты думаешь. В офисе он всегда занят только делами, его голова постоянно в игре. На самом деле, женщины для него ничего не значат после... ну...

— После Кейт Девено.

Он мрачно взглянул на меня.

— Совершенно верно.

Мне хотелось вывести больше, но я сдержалась. Было бы неправильно получать

информацию от кого-то другого, а не от самого Бордена.

После этого мы немного поговорили о других вещах. Он проводил меня до квартиры. Я приняла душ. В этот вечер Борден занимал все мои мысли.

Я съела несколько булочек и попутно позвонила Блайт.

— Жаль, что не могу рассказать ничего хорошего, — сказала она мрачно.

— Что случилось? — спросила я.

— Ну, Дэнни поговаривает о закрытии закусочной. Он ничего не зарабатывает и погряз в дерьмовой куче долгов. Я начала искать другую работу, но... не знаю, пока ничего не подвернулось.

— Тесса тоже ищет?

— Да, но ей не срочно. Говорит, ее парень счастлив помочь ей удержаться на плаву, пока она что-нибудь не подыщет. Откровенно говоря, я сказала, что она не должна зависеть от парня.

Я нахмурилась.

— Почему? Не все парни чудовища, Блайт.

На том конце возникла пауза, а потом:

— Это правда? Ты раньше стремилась к тому, чтобы быть одной и убеждала всех, как это здорово. Сейчас твое мнение изменилось? Расскажи, как это случилось.

Мне до зуда хотелось, чтобы она узнала о Бордене. Я нуждалась в дружеском совете, но по какой-то причине не смогла себя заставить выболтать это.

— Тут нечего рассказывать.

— Угу, — скептически ответила она.

Мы поговорили еще немного, прежде чем ей потребовалось идти. Некоторое время я лазила по интернету, пытаясь узнать больше о Бордене. Мое тело таяло перед его фотографиями, и я удивлялась, как, черт возьми, ненависть к этому человеку переросла в те чувства, которые я испытываю сейчас.

После адски долгой ночи наступил вторник. Борден был здесь: сидел за своим столом. В ту секунду, когда я вошла в кабинет, меня встретил его тяжелый взгляд. Сегодня он в повседневной одежде: черная рубашка с закатанными рукавами, обнажающая татуировки на его смуглой коже. Я попыталась вежливо улыбнуться, но его губы даже не дрогнули в ответ.

— Доброе утро! — бодро сказала я, захлопывая за собой дверь. Интересно, не перестаралась ли я с тоном, потому что откровенно притворялась.

— Утро будет добрым, если ты опустишься на колени, — серьезно ответил он.

Я замерла. Ну, обострение наступило слишком быстро.

Я посмотрела на него в надежде, что он шутит, таким образом, приказывая мне сесть. Но он просто выжидающе смотрел.

— Эмм, что?

— Опустись на колени. Я не видел тебя почти тринадцать часов, и мои яйца адски посинели. Не смотри на меня, как на первобытного. Ты становишься маленькой шалуньей, когда хочешь этого, так что перестань притворяться, будто это не так.

Я взглянула вниз на красный плюшевый ковер, мысленно прикидывая, насколько далеко

я готова с ним зайти. Хочу ли я, чтобы он отдавал мне такие приказы? И опуститься на колени?

— Сделай это, Эмма.

— А что, если я не хочу? — спросила я, расширяя свои границы.

Он снисходительно хмыкнул.

— Это то, во что ты хочешь поиграть? Пытаешься показать, что в тебе все еще остались опасения? Мы давно прошли эту точку, куколка. Опускайся на свои гребаные колени.

— Я не такая, — в моем тоне добавилось строгости. — И не встаю на колени перед кем *попало* только потому, что меня попросили.

— Тогда, думаю, я исключение.

Я должна была обидеться и рассердиться. Больше рассердиться, чем обидеться, на самом деле. Но знала, что моя злость будто захватывала его, и это было восхитительно... и входило в привычку.

Плюс, я уже стояла на этих чертовых коленях, когда он первый раз взял меня. Не такая уж большая разница.

Он не повторял просьбу, но я видела жажду в его взгляде, пока внутри меня шла борьба. Только боролась я с неизбежным. Он получит свое, и не потому, что заставит, а потому что я в итоге уступлю желанию принадлежать ему. Это натиск, заполняющий адреналином каждое нервное окончание.

Мое лицо вспыхнуло, когда назойливый голосок в голове умолк. Я опустилась на колени, поставив сумку рядом. Мои глаза сосредоточились на полу, одна часть меня сомневалась, другая — сжималась в ожидании.

Было слышно, как он встал и сделал несколько шагов, и когда я рискнула взглянуть, он стоял, прислонившись к столу со скрещенными на груди руками, подчеркивая каждым движением свои бугристые бицепсы. Вид был одновременно устрашающий и аппетитный. Я ощутила языки пламени внизу живота.

— Ползи ко мне, — негромко приказал он.

Господи, он помешался на том, чтобы вытянуть меня из зоны комфорта?

Я снова замялась, в глубине души меня пугала идея действительно ползти на четвереньках. Выдохнув и отбросив сомнения, я начала медленно двигаться в его сторону. Он следил за движениями моих бедер и плеч. Его взгляд обжигал.

Я представила, какой он меня видел: худое маленькое существо, одетое так, чтобы произвести впечатление, волосы подняты, отдельные тонкие черные прядки обрамляют сердцевидное лицо. И это существо ползет прямо к человеку, вдвое большему по размеру. Как ни странно, я ощутила себя сексуальной и желанной. Он хотел меня — это написано на его лице — и именно этот единственный взгляд дал мне силы продолжать движение.

Остановившись напротив него, я медленно подняла глаза. Он опустил руки, одна из них легла на мою макушку.

— Ты такая охуенно идеальная, — изумленно пробормотал он. — Так трудно привыкнуть. Это самая большая неожиданность — видеть, как ты подчиняешься, но ведь тебе это нравится, не так ли?

— Только когда это ты, — прошептала я, мое горло сдавило. Я отвела взгляд, не желая показывать ему скрывающуюся внутри любовь. Забота расценивается как слабость, но все же я боролась с этими эмоциями и делила их с ним.

Он молча смотрел на меня. Прошли секунды. Возможно, минуты.

— Расстегни меня, — дрожащим голосом выдохнул он.

Я на коленях, мои руки взлетели к его джинсам. Оторвавшись от его тяжелых тлеющих глаз, пристально смотревших на меня, я нетерпеливыми движениями расстегнула ремень и потянула молнию вниз. Мне не нужны были его дополнительные инструкции. Стянула с него трусы и обхватила рукой член, медленно его поглаживая. Он был уже твердый, когда я взяла его в рот. Рукой Борден сжал мои волосы, его тело напряглось. Мягкий гортанный звук сорвался с его губ, когда я всосала головку. Языки пламени во мне разгорались, и я сжала бедра в надежде как-то облегчить пульсацию между ними.

Неторопливо наслаждаясь, я облизывала его длину сверху вниз. Крепко сжимая мои волосы, он поворачивал бедрами, толкаясь вперед-назад у меня во рту. По его телу прошла дрожь. Оттолкнув меня и удерживая на расстоянии от своего члена, он взглянул на меня затуманенными похотью глазами и сжал губы.

— Ты любишь сосать меня? — возбужденно спросил он.

— Да.

Борден снова толкнул меня вперед, и я открыла рот, готовая принять его, но он схватил член раньше, чем я добралась до него, и засунул головку между моих губ. Некоторое время он раскачивался, его дыхание тяжелело, а затем вышел, проведя членом по моей щеке, оставляя на ней влажный след.

— Блядь, — ругнулся он.

Затем он поднял меня на ноги и прижал к столу. Подошел ко мне сзади и надавил мне на спину, пока я не оказалась прижатой щекой к столешнице. Сердце бешено колотилось в груди, дыхание сбилось, я истекала влагой и жаждала его. Услышала, как он переместился назад, и почувствовала его блуждающие руки на своих ногах и восхитительное покалывание на коже от его жарких прикосновений. Он задрал кверху мою юбку, сменяя ее на бедрах и обнажая мою задницу. На мне были новые сексуальные стринги — очко в мою копилку — и он нежно освободил меня от них.

— Раздвинь ноги, — велел он.

Я раздвигала их сантиметр за сантиметром, предвкушая то, что должно произойти. Поток адреналина только усилился. Почувствовав дыхание на своих бедрах, я зажмурилась от сильного беспокойства. Его руки расположились на моих ягодицах, а затем я ощутила сладчайшую вещь.

Долгое и нежное облизывание моих складочек. Это было почти невыносимо. Я со стоном задрожала. Руки сжимались в кулаки на столе, когда он проделывал это снова и снова, мучая меня своим потрясающим ртом. Это был самый невероятный оральный секс в моей жизни. Он двигался намеренно медленно, в таком ритме, чтобы усилить ощущения. Настолько опытно он протягивал мое удовольствие, посасывая и надавливая в нужное время.

— Пожалуйста, пожалуйста, — умоляла я.

— Ты хочешь кончить? — спросил он, его голос стал опасно низким.

— Для начала я хочу тебя внутри.

Хотя мне и нравилась мысль кончить ему в рот, но кончить вокруг его члена мне хотелось больше. Не теряя времени, он выпрямился, располагая меня напротив. Сжав мои бедра, толкнулся внутрь. Я подскочила от неожиданности, а затем потерлась об него задницей. Он зарычал от удовольствия и до упора вогнал в меня свой член, сильно и быстро, заполняя и растягивая, пока я стонала от боли и наслаждения.

— Руки за спину, — грубо потребовал он.

Когда я подчинилась, он схватил оба моих запястья своей большой рукой, притягивая их к себе, продолжая жестко трахать меня. Другой рукой он поглаживал мою задницу, и, слишком потерянная в поисках удовольствия, я не сразу поняла, что он собирается сделать, пока это не произошло.

Шлепок! Прямо по заднице, заставляя мои мышцы крепче сжиматься вокруг его члена и извлекая из меня лихорадочные вскрики. Боль переросла в удовольствие, когда он сделал это снова, а шок превратился в ожидание. Каждый шлепок подводил меня все ближе к сладостному освобождению, и как только я оказалась на грани, он выпрямил меня, прижав спиной к себе, и коснулся моего клитора, отправляя меня за край. Уронив голову ему на плечо, я закричала. Он замедлился для меня, давая ощутить всю силу наслаждения, а затем, всосав кожу на моей шее, резко толкнулся в меня один, другой раз и замер, жестко кончая и рассылая проклятья, как всегда это делал.

— Блядь. Блядь. Блядь.

Да, мистер Борден, вы правы.

Сейчас уже не было никакой неловкости, когда он вышел из меня. Заботливо поправил мои волосы, одернул на мне юбку. Когда я повернулась к нему, то затаила дыхание от его взгляда.

— Ты ненасытная, — прошептал он, мягко поглаживая пальцами мою щеку. — Я думаю, что немного привязался к этому рту и телу.

— Аналогично, мистер Борден.

Наклонившись немного ближе, он легко поцеловал меня в губы и произнес:

— Не трахайся с другими мужчинами, пока ты в моей постели, ясно?

Глядя в его серьезные голубые глаза, я проигнорировала предостережение в них и кивнула.

— Хорошо.

Сказать, что мы были далеки от профессиональных отношений, было бы преуменьшением. Борден трахал меня в офисе каждый день всю неделю, и чем больше он брал меня, тем больше мы жаждали друг друга. Поначалу это было грубо и жестко, но с каждым днем Борден погружался в меня с растущей нежностью, медленно смакуя мое тело, а выходя из меня, целовал в благодарность за оргазм и долго прижимал к себе.

Секс с ним превратился в нечто иное. Каждый раз, когда он брал меня, что-то зарождалось между нами. Он не хотел этого признавать. Сначала я думала, что все это только в моем воображении. Но его глаза излучали тепло, предназначавшееся только мне. И я расцветала для него.

Я была полностью в его власти.

Я была слабой, и не переживала по этому поводу.

Я впустила плохого мужчину в свое сердце, и мне не хотелось, чтобы этот плохой мужчина покинул его.

Глава 22

Борден

— Если ты продолжишь так пялиться на меня, то я снова трахну тебя.

Эмма покраснела и, улыбаясь, повернулась к компьютеру. Борден тоже улыбнулся, потому что ее улыбка была очень заразительной. Она все еще была в совершенном беспорядке. Вид «меня-только-что-трахнули» подходил его бродячей кошке как нельзя лучше.

Он до сих пор от нее не устал. Это озадачивало. Его интерес только возрастал, потребность в ней усиливалась, и он обнаружил, что эта девушка делала его абсолютно беспомощным. Ему нравилось ощущать ее рядом. Тепло разливалось по телу всякий раз, когда после бурного секса она нежно приглаживала своими пальчиками его волосы.

К таким прикосновениям можно было привыкнуть.

— Я не уверена, что вы сможете осилить еще один раунд после всех затраченных усилий, — пробормотала она, стуча по клавиатуре и делая вид, что погружена в работу. Но она не была погружена в чертову работу.

— Не испытывай меня, — усмехаясь, предупредил он. — Этот член способен пропахать еще многие мили на твоём сладком теле.

Она напряженно сжала губы, пытаясь подавить очередную улыбку:

— Мистер Борден, я пытаюсь работать. Прекратите свои сексуальные домогательства.

Он не смог сдержать вырвавшийся наружу смех.

— Так вот, что я делаю?

— Да, и вы можете попасть в большие неприятности.

— И как ты думаешь, кто захочет поиметь меня? Нет ни одного человека, которого я не смог бы купить.

Эмма замолчала.

— В этом мире еще остались порядочные люди, и вам это известно.

— Хотел бы я быть таким доверчивым.

Теперь она сердито посмотрела на него.

— Циник.

— Я предпочитаю термин «реалист».

— Да ну тебя на хуй с твоими терминами.

Этот пошлый рот отправится прямиком на его член.

— Ты действительно напрашиваешься, да?

— Понятия не имею, о чем вы, — нахально ответила Эмма. — И кстати, когда мы перенесем наши отношения за пределы офиса? Представь меня распростертой на огромной кровати. Подобная обстановка открывает так много возможностей.

— Заманчиво.

— Так сделай это.

— Я подумаю.

Возможно.

Это будет слишком — сделать их отношения открытыми вне офиса. Он уже совершил ошибку, трахнув ее у нее в квартире. Назовите это минутной слабостью, хотя Борден должен признать, образ ее обнаженной на его огромной кровати был более чем привлекательным.

— Неужели? — сказала она, приподняв брови. — Ты *подумаешь*? Не уверена, как долго

смогу принимать тебя, согнувшись над столом. Не то чтобы мне это не нравилось, Борден, но я не гимнастка.

Он усмехнулся на ее небольшое ворчание.

— Иди сюда, — позвал он, указывая на свои колени.

Мгновение Эмма не шевелилась, устало глядя на него.

— Иди сюда, — повторил он. — Я не кусаюсь.

Она встала и подошла. Обняв за бедра, мужчина посадил ее к себе на колени, задирая платье.

— Нет, — отрезала она, отодвигая его руки. — Я устала.

— Я просто прикасаюсь к тебе, куколка. Небольшое невинное прикосновение, я обещаю.

Эмма заколебалась, но потом позволила, хотя и с недоверием.

Он подавил улыбку.

— Видишь? Я ничего не делаю. Почему ты всегда так напряжена.

— По той же причине, что и ты.

— Власть?

— Чертово детство.

Он замер.

— Что заставляет тебя думать, что у меня было дерьмовое детство?

— Ты вырос там же, где и я. Поэтому нет необходимости что-то додумывать.

Борден нахмурился от ее правоты.

— Я думал, бабушка обеспечила тебе хорошую жизнь.

— Она делала, что могла, но я всегда сбивалась на кривую дорожку.

— Из-за матери?

Эмма нахмурилась и медленно вздохнула.

— Тебе известна каждая деталь моей жизни?

Он медленно кивнул.

— Я уже говорил тебе, что да.

— Тогда ты знаешь, что она совершила.

— Да.

— Ну, это слегка изменило во мне понятие хорошего, и я была не самым простым ребенком.

Он слегка усмехнулся.

— Но не таким сложным, как я.

— Нет? И что же сделало тебя маленьким говнюком?

— Мои родители бросили меня, когда мне было пятнадцать. К слову сказать, они всегда ко мне дерьмово относились, так что это стало своего рода облегчением — остаться без них.

Вместо сочувствия в ее глазах вспыхнул гнев.

— Вот уроды.

— Да.

Она ждала, что он расскажет больше, но Борден молчал о той части его жизни после... Ничего. Ничего о Кейт.

— Ты знаешь, что такое отчаяние, правда? — тихо спросил он, ища понимания.

Она кивнула.

— Да.

— Вот почему я торговал наркотиками в шестнадцать. Иначе не выжил бы на улице. Я сбился с пути. Конкретно облажался. И еще заиклился на некоторых проблемах. Решил, что употребление наркотиков поможет мне справиться с ними. Думаю, я искал то, что сгладило бы ощущение абсолютно сломанной жизни.

— Наркотики помогли?

— Да. Когда растешь в такой нищете, совершенно оторванный и одинокий, и видишь, как деградируют люди, которые должны были любить тебя; когда ты брошен в этом мире, то ищешь способ забыться. Кайф срабатывал.

Он не осознавал, насколько сильно сжимал ее бедра, пока не взглянул на них. Медленно ослабив хватку, он глубоко вздохнул. Какого хуя он рассказывает ей об этом дерьме? Это не важно. Все давно кануло в лету.

— Я знаю, что ты имеешь в виду, — просто сказала она. И все. Ни слов сочувствия, ни утешения. Просто понимание. Чистое и реальное понимание, которое он сразу почувствовал. И это подарило приятное ощущение невесомости, словно исчезла вся тяжесть, давившая на грудь.

Черт возьми, эта девушка... Она просто нечто. В тот момент он не мог избавиться от этого чувства. Просто совершенство. Не плод фантазии, а истинное совершенство.

Эмма наклонилась вперед и нежно поцеловала его. От ее нежного прикосновения напряжение внутри него стало угасать. Борден обнял ее за талию и поцеловал в ответ, томно пройдясь губами по ее рту, поглаживая языком, впитывая этот неповторимый вкус, возбуждающий его, как ничто другое.

Она слегка развела бедра перед ним, ее дыхание потяжелело. Ей нужно больше. Блядь, невероятно.

Он сжал ее задницу, готовый к новому броску, когда дверь кабинета неожиданно распахнулась. Борден оторвался от ее рта и посмотрел через плечо. Хоук шагнул внутрь, пристально глядя на него с выражением «мы облажались» на лице.

— Борден, — резко сказал он, — у нас проблема.

Рука Бордена все еще находилась на заднице Эммы, когда он нетерпеливо проскрипел:

— Что за проблема?

Хоук перевел взгляд с него на Эмму с понятным недовольством на лице.

— Это не для *посторонних* ушей.

— Говори.

Эмма попыталась отстраниться, но хватка Бордена усилилась. Она никуда не уйдет. Хоук скоро покинет офис, и потом он снова погрузится в ее теплую влажность. Разумеется, он не мог ясно мыслить.

— Мы обнаружили человека, проникшего в клуб, — объяснил Хоук. — Когда его поймали, он утверждал, что безоружен, но при тщательном обыске нашли пистолет в его гребаных трусах. Это опасно.

Вздрагнув и приоткрыв рот, Эмма уставилась на Бордена. Но он больше не обращал на нее внимания и пристально смотрел на Хоука. Тысячи вопросов всплывали в его голове. Гнев, которого он, на удивление, некоторое время не чувствовал, начал закипать.

— Какой-то мудака решил, что пронесет спрятанный на себе пистолет мимо моих людей, — буркнул он. Его взгляд потяжелел. — Он совсем ненормальный?

— Он не говорит, — спокойно ответил Хоук, борясь с собственным гневом.

— Со мной будет, — невозмутимо сказал Борден. Это было трудно, но он не собирался

впускать ярость в их с Эммой идиллию. Она действительно стала очень много значить для него, и последнее, чего он хотел, так это расстраивать ее.

— Ты позаботишься об этом потом.

Хоук не задавал вопросов. Он всегда знал, чего хотел Борден.

— Да, я буду прямо там.

Хоук вышел, и в комнате воцарилась тишина. Эмма вопросительно посмотрела на Бордена.

— Что ты собираешься делать? — спросила она.

Не глядя на нее, Борден откинулся на спинку стула и нежно снял ее со своих коленей. Он выдохнул и схватил ключи со стола.

— Я собираюсь позаботиться об этом, Эмма.

Она тяжело сглотнула, стоя перед ним.

— Не... не трогай его, Борден.

— Не трогать? Этот человек пришел, чтобы убить меня. Если бы он застал меня незащищенным, я был бы напичкан пулями.

— Но его поймали. Я уверена, его это напугает.

— Не будь наивной. Каждый день у меня появляется дюжина новых врагов. Я не могу себе позволить отпустить одного из них.

— Ну и что ты собираешься сделать?

Борден просто смотрел на нее.

Ее губы дрожали.

— Борден, не убивай его.

— Не буду, — соврал он.

Она всматривалась в его черты, пытаясь заглянуть внутрь.

— Это ведь неправда, так?

Не ответив, он встал, засунул ключи и зажигалку в карман, после чего направился к двери.

— Борден? — настаивала она у него за спиной.

— Страшнее всего те, кто стоит во главе, Эмма, — просто сказал он, открывая дверь. — Но ты и раньше это знала.

Прямо перед тем, как выйти, он взглянул на нее через плечо. Образ Эммы, спрятавшей лицо в ладони, вывел его из состояния равновесия.

Мужчина с самого начала плохо выглядел, даже до того, как ему навалили.

Хоук передал пистолет Бордену. Хороший пистолет, «Хеклер и Кох», уникальное торговое предложение, конечно, не из дешевых. Бордену сообщили, что мужчине в районе пятидесяти лет, здоровый, хорошо одет.

— Определенно, не наркоман, — пояснил Хоук, сбитый с толку. — Но видно, что много выпил.

Они привезли его в один из заброшенных складов Бордена на пустыре за городом. Очень давно он не был здесь. Ему должно было быть совершенно ясно, что один из этих мудаков попытается добраться до него — это лишь вопрос времени.

Борден издали рассматривал мужчину. Лицо с неухоженной бородой и спутанные светлые с проседью волосы. Он стоял на коленях, руки связаны за спиной, взгляд устремлен в пустоту, словно уже смирился с неизбежным. Хоук протянул Бордену пистолет, и он направился к мужчине.

— Пистолет в трусах, — скучающим тоном заметил Борден, подойдя к нему. — Я хотел бы сказать, что подобное для меня в новинку, но это было бы ложью.

Борден остановился перед ним, и взгляд мужчины взметнулся вверх. Второй раз в жизни Борден встречался с такими зелеными глазами. Кровь в его жилах застыла. Тело окаменело. Он чувствовал, что из него выбили весь воздух.

Нет. Это невозможно. Наверное, у него галлюцинации.

Он медленно моргнул, пытаясь осознать происходящее. Борден видел так много от нее в человеке, которого собирался...

Мужчина злобно усмехнулся.

— В чем дело, Маркус? Ты словно увидел привидение.

Борден отшатнулся назад. Часто моргая, он смотрел на отца Кейт.

— Я не понимаю.

— Прекрасно понимаешь, — ответил он.

Борден сделал несколько вдохов.

— Вы не должны были этого делать, Даг.

— Тогда я должен просто позволить тебе жить? Ты убил мою дочь. Не думай, что я так просто оставлю это. Ничего не похоронено в прошлом. Это всегда будет преследовать тебя, Маркус, и ты заплатишь.

— Я до сих пор расплачиваюсь.

— Нет, ты должен заплатить кровью. Ты не заслуживаешь того, чтобы жить. Ты чудовище! Моя девочка была бы жива, если бы ты не вернулся. Наша жизнь разбита. На веки веков!

— А что изменит пуля, пущенная мне в голову, Даг? Сделает жизнь лучше?

— Может быть. А возможно, и нет. Меня это не ебет. Я не могу жить в этом мире, зная, что ты, как и я, все еще дышишь тем же воздухом, который предназначался ей! Они должны были забрать тебя! Почему они не пришли за тобой?

— Я не знаю.

— Ты не знаешь?

— Я захватил их территорию, и они хотели меня напугать.

— И убили мою дочь! — в гнев закричал Даг, его бледное лицо покраснело. — Такие же чудовища, как ты, задушили ее и выбросили, словно мусор!

Борден тупо ответил:

— Я нашел двух мужчин, которые забрали жизнь вашей дочери. Их смерть была мучительной.

— А что насчет *моих* мучений? Или мучений моей жены? Тебе никогда не облегчить нашу боль.

— Вы думаете, я мало страдаю? — повышая голос, прервал его Борден. — Вы думаете, я не оплакиваю вашу дочь каждый день? Что я не виню себя? Я любил ее, мистер Девено, и я желаю, чтобы вместо нее это случилось со мной. Знаю, что не заслуживаю жизни, и если бы у меня был выбор, она была бы здесь вместо меня. Я согласился бы умереть самой мучительной смертью. Продать свою гребаную душу дьяволу, если бы он мог помочь, но

этого, блядь, никогда не случится. И я не могу изменить прошлое, сколько бы ни винил себя за это.

Даг не ожидал такой реакции от Бордена. Он замер, его глаза покраснели. Борден понял, что Даг беззащитен и подавлен, и в своем праведном гневе сделал то, о чем никогда и не помышлял. Вдруг протрезвев, он теперь смотрел пустым взглядом на пистолет в руке Бордена.

Хватка Бордена на пистолете усилилась, рука задрожала. Обычно в подобных ситуациях он был спокоен. Обычно он ничего не чувствовал. Но это было тогда, когда его мир был черно-серым.

Но он больше не черно-серый.

Мир снова заполнен гребаными красками.

И кто должен был оказаться перед ним, чтобы встряхнуть его еще больше? Никто иной, как отец женщины, которую он любил вплоть до ее безвременной смерти.

— Простите, — прошептал ему Борден, боль наполняла его голос.

Даг изо всех сил старался смотреть свирепо, но даже под неприкрытой ненавистью Борден видел только боль. Ему и в голову не приходило, что он не единственный человек, прячущийся за искусственным фасадом и притворяющийся перед всем миром, будто непробиваем.

Даг страдал больше, чем он. Ему достался лишь короткий год в жизни Кейт, и даже за этот короткий период она оставила неизгладимый след в его душе. Но отец... она была его всю жизнь. Он наблюдал, как из ребенка она превращалась в женщину. Его страдания не шли ни в какое сравнение с муками Бордена.

Они не просто две озлобленные столкнувшиеся души. Это две раненые души, и сейчас они поняли это. Даг отвернулся и уставился в грязный пол, его плечи сотрясались от рыданий.

— Я скучаю по ней, — он задыхался от слез. — Я скучаю по ней, вот и все. Мне просто не хватает ее.

Глаза Бордена защипало. Он с дрожью выдохнул:

— Да.

Он тоже по ней скучал. Всегда.

— Я все думаю, что я мог бы изменить. Я был слишком строг с ней. Подавлял ее.

— Вы любили ее, — сказал Борден. — Она знала это.

Даг продолжал трястись. Мужчины настолько опустил, что Бордену было тяжело смотреть.

— Ты не можешь допустить, чтобы это повторилось, — сказал Даг, глядя на него. — Ты не можешь.

Борден замер.

— Что вы имеете в виду?

— Все говорят, Маркус. Они все знают про девочку.

Он посмотрел в сторону и вниз, на землю.

— Так вот почему ты это сделал, Даг? Пытался убить меня, будучи уверен, что это снова повторится?

— Повторится, — ответил Даг. — Это случится, Маркус. Слишком много людей желают тебе смерти. Каждый день их все больше. Это случится.

Он ничего не ответил.

Ошеломленный и эмоционально подавленный, он стиснул зубы и внезапно отошел. Хоук нахмурился, когда Борден подошел к нему.

— Отпусти его, — приказал Борден, пытаясь говорить ровным голосом. — Он не в себе. Слишком много выпил.

— Отец Кейт или нет, пьяный или трезвый, он собирался убить тебя, — злобно огрызнулся Хоук. — Ты не можешь позволить ему дышать хоть минуту.

Борден тяжело вздохнул, пытаясь привести мысли в порядок, но чувствовал, словно петля затягивается на его шее. Он посмотрел на Дага, а затем в окаменевшее лицо Хоука. Стены вокруг него начали смыкаться, и он вылетел из склада, шатаясь вперед-назад.

Что-то резко перевернулось внутри, и он упал на колени. Сгребая свои волосы в кулаки, он рвал их от отчаяния. Потом впился ногтями себе в лицо. Но даже эта физическая боль не могла заглушить боль внутреннюю. Все, что он видел, это мертвое лицо Кейт. Даже вспоминая ее улыбку, он видел безжизненный взгляд на этом улыбающемся лице. Его пальцы впились в землю, глаза жгли невыплаканные слезы. БЛЯДЬ, почему он не может просто оплакать ее? Почему слезы не льются?

Он никогда не увидел бы это лицо, если бы не вернулся. Она была бы жива. Даг был прав. Он был чертовски прав.

Борден — чудовище, и заслуживал смерти.

— Он не должен выжить, — сказал Хоук за его спиной. — Ты отлично это знаешь, Борден. Все наши люди знают о том, что он был здесь. Как они смогут уважать тебя, если ты не зароешь этого человека в землю за попытку покушения на самого могущественного человека в Нью Рейвен?

Борден взглянул на небо, словно ожидая от него совета в этой хуевой ситуации.

— Ничего личного, — продолжил Хоук. — Просто сделай это, а мы позаботимся об остальном.

Борден медленно выдохнул и поднялся на ноги, чувствуя себя так, будто лишился брони. Если сделает это, тогда он еще большая мразь, чем тот, кто убил Кейт.

Или так и есть?

Повернувшись и кивнув Хоуку, он зашагал обратно на склад.

Глава 23

Эмма

Страшнее всего те, кто стоит во главе, Эмма. Но ты и раньше это знала.

Эти его слова сбили меня с толку. Остаток дня я провела, пытаясь понять мужчину, на которого работала на протяжении многих месяцев. Попыталась представить его тем злодеем, которым он себя считал. Это встревожило меня, я не выдержала и расплакалась. Потому что он действительно был таким, и никаким количеством доброты его не изменить.

Тогда почему мои чувства к нему не ослабевают?

На следующий день Борден не появился в офисе.

На самом деле, он не появлялся всю неделю. И следующую тоже.

Это были девять дней без Бордена.

И это было абсолютной агонией. Я страдала. *По-настоящему страдала.* Офис стал таким пустым. В моем сердце был холод. Я тосковала по нему. Что могло заставить его так просто исчезнуть? В один из дней я пыталась спросить у Хоука, где он обедал, но этот мудак намеренно проигнорировал меня, сказав, что это не мое дело. Даже Человек-усы не шевельнулся, когда я вымаливала у него хоть какую-то информацию.

Полное дерьмо. Я ощущала каждую минуту каждого часа, после чего, несчастная, со спутанными чувствами шла домой.

Это было просто... на протяжении многих недель подряд я находилась рядом с этим человеком в режиме нон-стоп. Он заполнял большую часть моего дня. Это несправедливо: ему, вероятно, было насрать на меня, пока я, цепляясь за соломинку, переживала о его местонахождении больше, чем о собственном следующем вдохе.

Жаль, что это было не взаимно.

Это был вечер пятницы, и я только что вернулась из магазина. Человек-усы великодушно помог мне поднять сумки до квартиры и ушел. Я как раз разбирала покупки, когда услышала стук в дверь.

Посмотрела на часы. 6:40 вечера. Уже было поздновато, я никого не ждала и определенно никого не знала в доме. Выхватив из сумочки свой нож, открыла лезвие и осторожно подошла к двери, пытаясь расслышать хоть какие-то звуки.

— Эмма, это я.

Борден.

Мои плечи расслабились от облегчения, а сердце екнуло от звука его голоса. Я быстро открыла дверь и увидела его, стоящим здесь: джинсы и простая черная футболка, руки прижаты к дверному косяку. На долю секунды я почувствовала, будто в меня снова вдохнули жизнь. Тепло начало растекаться во мне, но мой внутренний голос противоречиво спросил: почему я счастлива видеть человека, не предупредившего меня, что будет отсутствовать так долго.

— Где ты пропадал? — сердито спросила я.

— Ты собираешься меня впустить? — спокойно ответил он.

— Сначала ответь на вопрос.

— Для началапусти меня или пырни своим ножом. Выбор за тобой.

Я напряглась и взглянула на открытое лезвие. Дерьмо. Быстро закрыв нож, я распахнула перед ним дверь. Не было смысла строить из себя ребенка и выгонять его. Он вошел внутрь, слегка задев меня. Боже, как же хорошо он пах. Это его уникальный запах, по которому я умирала каждый день.

— Где ты был, Борден? — повторила я, закрывая дверь и поворачиваясь к нему.

— Были кое-какие дела, — неопределенно ответил он.

— Я не видела тебя почти две недели.

— Знаю.

От его беззаботного тона я нахмурилась.

— Почему ты не сказал мне, что будешь отсутствовать?

— Разве сейчас это важно? Я же здесь.

— Да, это важно! Ты должен был сказать мне, черт возьми! Где ты был?

Он повернулся и нахмурился, глядя на меня.

— Почему я должен отчитываться перед тобой, где был, Эмма?

— Потому что.

— Потому что *ЧТО?* — настаивал он, его лицо мрачнело. — Насколько я знаю, ты мой работник, я твой босс и не обязан отчитываться перед тобой о всяком дерьме.

Я скрестила руки, чувствуя себя еще злее, чем прежде.

— Я не только твой работник, а ты не просто мой босс.

— Нет? — он наклонился вперед, тяжело глядя на меня. — Тогда кто я, Эмма? Объясни.

— Ты мужчина, пришедший в мою квартиру, потому что ты хочешь меня. Иначе тебя бы здесь не было.

Нет ответа. Внезапно он показался очень огорченным, и в тусклом свете я обратила внимание на темные круги под его глазами. Он провел рукой по волосам и неожиданно направился к входной двери. Я быстро преградила ему путь.

— Нет. Ты не можешь прийти и уйти только потому, что понял: между нами что-то происходит...

— Между нами ничего не происходит, — вскипел он.

— Лжец.

Внезапно он схватил меня за плечи, встряхнул и проскрежетал:

— Хочешь знать, где я был? Я задавался вопросом, что теперь, блядь, я должен с тобой сделать? Не знаю: пристрелить или трахнуть.

— Ты не хочешь меня пристрелить, — ответила я, уверенно глядя на него. — Ты хочешь меня. И не только тело, но и всю меня. Признай это.

— Ты бредишь.

— Нет, просто я больше не боюсь тебя.

Он прищурил глаза.

— Тогда ты просто дура, Эмма.

— Хорошо, если быть душой означает быть с тобой, я приму это.

Он отпустил меня, глядя так, словно я была сумасшедшей, но я была в своем уме. Я просто признавала, что между нами давно что-то происходило.

— Тогда я позволил зайти этому слишком далеко, — тихо, почти про себя пробормотал он.

— Потому что хотел этого, — ответила я, выдавливая из него признание. — Не веди себя так, будто я единственная сумасшедшая здесь. Ты хотел, чтобы все зашло далеко, потому что тебе это нравилось.

Он не ответил, но смотрел так, будто отчаянно нуждался в побеге. Взглянув на дверь через мое плечо, он снова посмотрел на меня.

— Не уходи, — взмолилась я, качая головой. — Ты не из тех мужчин, кто сбегает.

Господи, что с ним случилось? Он выглядел абсолютно сбитым с толку, словно лишился защиты. И злым. Чертовски злым.

Вместо того чтобы выйти, он развернулся и зашагал в противоположную сторону. Я наблюдала, как он скрылся в спальне, хлопнув дверью с такой яростью, будто был хозяином квартиры.

Меня одолевали тревога и беспокойство. Какое-то время я таращилась на дверь, не желая двигаться, пока мой пульс не успокоился. Потом выдохнула и пошла к нему. Открыв дверь спальни, я нашла его сидящим на краю моей кровати в полной темноте,

облокотившимся на колени и смотрящим в пол. Я подошла и опустилась перед ним на колени, взяв в ладони его ничего не выражающее лицо. Знаю, что это была просто маска, за которой он прятал свои эмоции — в этом он мастер.

— Борден, — тихо прошептала я. — Поговори со мной.

Его взгляд переместился на меня. В нем было видно сомнение. Он не был готов к разговору, и это было странно само по себе. Я никогда не видела, чтобы что-то заставляло его врасплох.

— Я не знаю, что с тобой делать, — наконец, пробормотал он потерянным голосом.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что ты забралась мне под кожу, Эмма.

Моя рука потянулась к его лицу и погладила по щеке. От этого прикосновения он закрыл глаза.

— Может, это хорошо, — сказала я.

Он покачал головой.

— Нет, не хорошо. Я не собираюсь терять еще кого-то близкого.

— Почему?

Он открыл глаза, серьезно глядя на меня.

— Ты знаешь, почему.

Кейт.

— Я так устал все контролировать, — продолжал он, и его голос набирал силу. — Устал быть таким. Надоело быть во главе. Надоело жить в одиночестве. Устал тосковать по женщине, которую, я знаю, в конце концов, убьют.

— Меня не убьют, — подчеркнуто гневно ответила я.

— Есть много людей, которые будут пытаться причинить тебе боль, Эмма. Ты хочешь умереть, чтобы твоё тело бросили в реку только для того, чтобы я мог нырнуть и выловить его оттуда?

Я проглотила ком в горле.

— Этого не случится.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты будешь в это верить, а значит, и я.

Не выглядя убежденным, он покачал головой.

— Я не слабая, — добавила я, возмущенная его сомнениями. — Я самостоятельно решила чертовски много проблем за свою короткую жизнь. Единственный человек, которого я впустила в свою душу — мужчина, который находит большое удовольствие в том, чтобы быть мудаком. В глубине души мы одинаковые. Мы выросли в одном и том же месте. У нас одинаковые шрамы от того, что выпало на нашу долю. Ты не имеешь никакого права говорить, что это не так.

— И что будет, если ты ошибаешься? Если я впущу тебя в свой мир и назову своей, мне пиздец. Я зависим от тебя, как наркоман, Эмма. Если ты и захочешь уйти — *я не позволю*.

Я грустно улыбнулась ему.

— Это жизнь. Азартная игра. Мы рискуем так, чтобы с другой стороны это имело какое-то значение.

Он оторвался от моих глаз и опустил голову. Провел обеими руками по волосам и шумно выдохнул.

— Я никогда не хотел снова оказаться в таком положении, но не могу выбросить тебя из

своей долбаной головы. Я не могу дышать без мыслей о тебе, и я... я чувствую вину за это.

— Почему вину?

— Потому что я решил, что буду принадлежать только *ей*.

Я медленно кивнула, конечно же, немного ревнуя, хотя и понимала, что было неправильно чувствовать себя так. Сжав его руки своими, я отвела их от его головы. Наклонившись ближе, я прижалась к нему, ища его рот. Он поднял голову, и я нежно поцеловала его.

— Это нормально — переживать такие чувства, — успокоила я его. — Я не прошу, чтобы ты любил меня так же, как Кейт. Черт, и я вообще не прошу любви. Я просто прошу сделать шаг вперед вместе со мной, и, возможно, из этого получится что-то хорошее.

Его голубые глаза нашли мои, но на этот раз я сделала свой взгляд нечитаемым. На лице мягкая улыбка, но он не увидит, как больно мне было внутри. Я влюбилась в него и в этот момент не надеялась на возможность того, что он когда-нибудь почувствует ко мне нечто подобное.

Почему я согласилась на это?

— Ты уверена, что хочешь этого? — спросил он, внимательно глядя на меня. — Потому что, клянусь гребаным Богом, в ту секунду, когда ты скажешь «да», я собираю твои манатки и забираю тебя к себе.

— Знаешь, я могу и сама неплохо позаботиться о себе.

— Не так. Я не имею права на ошибку, Эмма. Если кто-нибудь доберется до тебя... ну уж нет! Ты должна быть в зоне моего доступа в любое время. Я больше не должен доверять заботу о тебе только Грэму.

Я улыбнулась.

— Он живет в своей машине? Поэтому я вижу его повсюду?

— Нет, но я уверен, что он в ней спит. Он защищает тебя, ты же знаешь.

— Почему?

Борден пожал плечами.

— Просто. Я не знаю. Никому не позволяет занять его место, но мне известна причина. Ты чертов наркотик, поэтому неудивительно, что он стал зависимым, присматривая за тобой.

Я прикусила нижнюю губу.

— Так ты зависим от меня?

— Не тупи. В ту секунду, как услышал твое имя, я стал твоим.

Я с сомнением приподняла бровь.

— Почему, когда услышал мое имя?

— Может быть, оно мило звучало.

Я закатила глаза.

— Неплохая попытка дерьмового оправдания. А теперь выкладывай.

Мгновение он молчал, тихо рассуждая о чем-то сам с собой. Я пыталась додуматься, с чем связано мое имя, но безуспешно. Не было ни одной причины, о которой я знала.

Медленно облизав свою нижнюю губу, он, наконец, прошептал:

— Однажды ты сказала мне... помощь — это для слабых.

Я замерла.

Что?

— Не понимаю, — медленно ответила я, но в глубине души мне стало ясно. Мой мозг

устанавливал связи — важные связи — воспроизводя значимые для меня моменты жизни.

Борден ждал от меня подтверждения, но я просто покачала головой. Нет. Не может быть. Мне нужно больше, чтобы быть уверенной.

— Бродячая кошка, — прошептала я, как только еще одно воспоминание мелькнуло у меня в голове. Слишком часто я задавалась вопросом, почему он так меня называл, а теперь...

«Чем, черт возьми, ты занималась всю ночь, бродячая кошка?»

— Это был ты? — спросила я все еще с осторожностью, боясь ошибиться, хотя интуиция мне подсказывала, что ошибки не было.

Он мягко улыбнулся.

— Да, это был я. И ты, безусловно, не была нежным цветочком, не так ли?

Я ничего не ответила. В это невозможно было поверить. Он выглядел совсем не так, как тот парень, чей образ мне запомнился с той ночи. Было так темно, я была слишком потрясена и напугана и на самом деле не тратила время на то, чтобы хорошенько разглядеть моего спасителя.

Каковы были шансы? Это почти невозможно, чтобы тем человеком был Маркус Борден, которого я всегда знала издалека и никогда не поверила бы, что нас когда-нибудь сведет жизнь.

— Почему ты плачешь? — нежно спросил он, проведя большим пальцем по моей щеке.

Я даже не осознавала, что плакала.

— Я в шоке. С трудом могу поверить в это. С тех пор я много думала о тебе. Тогда, придя в себя, я поняла, что даже не поблагодарила и вряд ли когда-нибудь смогу, потому что не знала, кто ты. Я даже не запомнила, как ты выглядел. Как ты вспомнил меня?

Улыбка коснулась его глаз, и это был первый раз, когда я видела у него такую настоящую улыбку.

— Как же я мог забыть такие глаза?

Боже, он не может говорить такие вещи, не перевернув все внутри меня. Мое сердце разрывалось в груди.

Он взял меня за руку и потянул к себе, прикосновением своих губ заставляя умолкнуть все мои мысли. Мягкий и нежный поцелуй становился глубже, его язык поглаживал мой. Через простой поцелуй он исследовал и познавал меня. Обнимая и поглаживая руками мою спину, Борден потянул меня на кровать. Он был вдвое больше меня. Мы неспешно целовались, пока его осмелевшие руки начали спускаться вниз по моему телу.

Не было никакой грубости. Его легкие прикосновения заставляли мое тело более остро ощущать то, что он делал. Мой пульс участился. Я вздохнула, крепче прижавшись к его рту. Мои руки вцепились в его футболку, а его рука прошла вдоль пояса моей пижамы.

— Борден, — захныкала я, как только его рука проскользнула за пояс и легко потеряла мой клитор.

Он отстранился и пристально посмотрел на меня. В его глазах пылали жажда и тепло. Внимательно глядя на меня, он ускорил движения, я закрыла глаза.

Со следующим поцелуем он прошептал мне в губы:

— Маркус. Ты можешь называть меня Маркусом, хорошо?

Я кивнула, целуя его в ответ. Потеряв контроль, мы рвали нашу одежду в клочья. Он устроился между моими ногами, его поцелуи становились все более глубокими и долгими. Опираясь на руки, он навис надо мной, скользя своим возбужденным членом вверх-вниз по

моему клитору. Я задрожала. Мои пальцы прошлись вниз по его мускулистой спине, остановившись на заднице. Я сжала ее, толкая его вниз, ко мне, вдавливая пальцы в его ягодицы, молчаливо умоляя взять меня.

Взявшись за член одной рукой, он направил его в меня с выражением нежности и блаженства на лице. Он толкался, погружаясь на сантиметр раз за разом, и я замерла, смакуя ощущения.

— Ты всегда так чертовски хорошо ощущаешься, — пробормотал он напротив моих губ, мягко облизывая их и глядя на меня сверху вниз. — Ты не сможешь уйти от меня после этого, Эмма. Да?

Я кивнула, зная то, чего он не говорил вслух. Он собирался заняться со мной любовью, и после этого моя судьба была предрешена. Я буду принадлежать Маркусу, и это совсем меня не пугало. Потому что он также будет принадлежать мне.

Он толкался вперед и назад, и круговыми движениями бедрами терся о мой набухший клитор, посылая сквозь меня восхитительные искры. Он спрятал лицо в основание моей шеи, горячее дыхание щекотало мою кожу. Уткнувшись в меня, он постанывал всякий раз, заполняя меня.

Я схватила его, вонзаясь ногтями в ягодицы, когда задрожала и взорвалась в экстазе под ним. Подняв голову, он посмотрел на меня сверху вниз с трепетом и удовольствием на лице. Его движения были все еще нежными, и я, видя его освобождение, поцеловала, глотая его стоны, пока он кончал.

А потом его голова лежала на моей груди, и я гладила его по волосам. Он держался за меня, словно за якорь. Эта жесткая хватка посылала тоненькие уколы прямо в мое сердце.

Он хотел заботиться.

Не знаю, как поняла это, но я почувствовала. Он хотел любви от женщины. Тогда, после всего, это было причиной его возвращения в город. Любить и быть любимым.

Как и я, и все, кто вырос с ощущением собственной отверженности. Я притворялась непрошибаемой, будто моя независимость каким-то образом могла стереть потребность в том, что похоронено в глубине моей души. Но Маркус все изменил. Он разрушил эти стены и заставил меня понять, что это нормально — быть уязвимым.

И хотя он до сих пор во многом оставался загадкой, и все еще многие вопросы между нами не были решены, я готова была ждать ответов на каждый из них. Но ни один из них не имел для меня значения в данный момент.

Дело в том, что я... я думаю, что люблю его.

Глава 24

Борден

Он вошел в воду.

Она все еще была красной и с привкусом крови.

Как обычно, Кейт плавала далеко, ее светлые волосы колыхались по разным сторонам.

Он поплыл к ней, но в этот раз на сердце не было так тяжело. Не было кинжальной боли, скорби, обвивающей сердце. В его движениях появилась цель. Была живость, которой он не чувствовал годами. Он поплыл быстрее, как если бы доплыть до нее помогло раз и

навсегда покончить с этим кошмаром. Он просто знал, что это последний раз, когда он увидит ее.

Вместо того чтобы отдаляться, она подплывала ближе.

И впервые он потянулся и обвил свои пальцы вокруг ее руки. Чувствовал себя почти счастливым оттого, что это, наконец, закончилось, и он сможет двигаться дальше и отпустить душу Кейт на покой. С улыбкой он взял лицо Кейт в свои ладони и повернул к себе.

Но от увиденного его тряхнуло. Он отшатнулся, его глаза широко открылись, сердце колотилось в груди.

Этого не может быть.

Он нахмурился, дурное предчувствие зародилось внутри. Боль вернулась. Она была сильнее, чем прежде, затягиваясь на шее удавкой, продлевая мучения.

Это не светлые волосы колыхались на воде.

Они были черными.

Это не зеленые глаза безжизненно смотрели на него.

Они были карими.

Это не мертвая Кейт покачивалась в кровавых водах.

Это была Эмма.

Нет. Нет. Нет. Нет.

Этого не может быть. Он твердил это себе снова и снова, но не мог отвернуться от нее. Борден не мог заставить себя поверить, что это не по-настоящему. Он чувствовал, что это реальность. Боль была слишком настоящей, слишком свежей.

Пробуждение было не самым худшим. Оно было лучшим.

Маркус открыл глаза и сразу оглядел темную комнату. Он был весь в поту и... руки. Он сгрел руками, притянул к себе и обнял худенькое тело, лежащее рядом с ним.

Трясущейся рукой он отодвинул пряди волос с лица Эммы и впился в нее взглядом. Она дышала. С ней все было хорошо. Она была...

Он сел и провел руками по волосам. Ощущения были настолько реальными. Мужчина представил, что это была реальность. Закрыв лицо ладонями, он сосредоточился на своем дыхании. Сделал глубокий вдох, убеждая себя снова и снова в том, что это гребаный кошмар. Ничего больше.

Да, ничего не случилось, не о чем было беспокоиться.

Все были в порядке.

Он бы защитил ее. Он бы никогда не позволил себе расслабиться.

Кивнув сам себе, он прошептал:

— Да.

У него это есть. С ней будущее видится ярким. Это не черно-серая пустота. Не бесконечное ощущение ярости и боли.

Он чувствует все остальное.

Раздавшееся жужжание вытащило его из этих мыслей.

Его телефон.

Кто-то писал ему в два часа ночи, а это означало что-то чертовски важное.

Он быстро перегнулся через край кровати и поднял с пола свои джинсы. Порывшись в карманах, достал телефон и провел по экрану. Его глаза пробежали по тексту, и вся его сотканная минуту назад уверенность растворилась в воздухе.

Я думал, мы прояснили: никогда ни с кем не сближайтесь. Мы заберем ее, мистер Борден, и вы никогда не сможете найти меня. Я — иллюзия, которая рассеивается и исчезает. У вас не получится найти меня.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

Больше книг на сайте - Knigolub.net